

Труды Института Русской Геополитики

Выпуск 19

Страсти по Ильину

Москва
2024

УДК 613.2
ББК 51.230
С 85

С 85 **Страсти по Ильину.** - Москва, 2024. - 152 с.

Научный редактор - полковник, к.ф.н. В.Л. Петров

Ожесточённый «спор» вокруг ВПШ им. И.Ильина во главе с профосорождённым «профессором» национал-большевиком, вовлекший в свой «водоворот» капустобородых патриётов, левачьё и либерастов – уводит, явным образом, «не туда-с». И сам-то «спор»: «не о том-с»... Для тех, кто не до конца «врубается» - подспорьем – сей Сборник. Вообще, нужно понимать очень ясно: концепт «фашистский философ Ильин -protoфашист Достоевский» неизбежно предполагает промежуточное звено. Это звено - Белое движение. Протофашист Достоевский - фашистское Белое движение - фашист Ильин (по сути, официальный идеолог Белых в эмиграции). Следовательно, не-фашизм, тем паче анти-фашизм, - это исключительно и только неосоветский дискурс. Битва советских либералов (необухаринцев) и советских патриотов (неосталинистов). Именно туда вас пытаются загнать акторы этого «жабогадюкинга»... А вот вы – не «загоняйтесь»... Аутентичная Русская религиозная философия – нам всем в помощь!

Содержание

Роман Раскольников. ФОМА АКВИНСКИЙ БЕЛОЙ ИДЕИ И ЕГО АРЬЕРГАРДНЫЙ БОЙ.....	4
Тимофей Лисицын. СТРАСТИ ПО ИОАННУ (ИЛЬИНУ).....	15
о.Р.Б. ИЛЬИН НЕ ПРОЙДЁТ!/?.....	28
Юрий Лисица. ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ И ИВАН ИЛЬИН О ПРИЧИНАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	33
Григорий Бельский. КОРНИЛОВСКИЙ-ДЕНИКИНСКИЙ-ВРАНГЕЛЕВСКИЙ.....	51
Кирилл Монастырский. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ВРАГ СОВЕТЧИНЫ.....	77
РУССКИЕ МК И АНЕНЕРБЕ, ИЛИ ШМЕЛЁВ, ФЛОРЕНСКИЙ И ИЛЬИН – ВСЕ В РУБКЕ «BROWN SUBMARINE».....	87
ИВАН ИЛЬИН И КАТАКОМБНАЯ ЦЕРКОВЬ.....	115
проф. Иван Ильин. О СОВЕТСКОЙ ЦЕРКВИ.....	128
Митрополит Антоний (Храповицкий). О КНИГЕ ПРОФ. И. ИЛЬИНА «О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ».....	140
О ПАМЯТНИКЕ И.А.ИЛЬИНУ.....	148

Роман Раскольников

**ФОМА АКВИНСКИЙ БЕЛОЙ ИДЕИ
И ЕГО АРЬЕРГАРДНЫЙ БОЙ**

«Господь зовёт – сатаны убоюсь ли!»
Иван Ильин

«Русская религиозная философия конца XIX – начала XX веков давно притягивает к себе внимание врагов коммунизма, тщетно мечтающих с её помощью оживить религию в Советском Союзе, поколебать идейную стойкость советского народа, подорвать морально-политическое единство нашего общества». Так было написано в стародавней уже книжке со знаковым и крайне-точным названием: Изida (sic!) Чуева. Антикоммунизм и Русская религиозная философия. Ленинград, 1969. Несмотря на кондовый, марксо-ленинский слог, коим сей опус был написан, основные препозиции его верны (надобно лишь «поменять идейные ознаки»). Вот и в приведённой цитате сомнительно лишь слово «тщетно», остальное всё – совершенно правильно писано. Русская религиозная философия – враг Коммунизма, причём из разряда наилютейших, и наисильнейших (ибо ведает, где «кащеева игла» хранится, в отличие от всяких «ревизионистов», либералишек, демократишек, критикующих совецкий Коммунизм с сугубо материалистических позиций).

Профессор-крестоносец Иван Александрович Ильин (1883-1954) – названный как-то «Фомой Аквинским Белой Идеи», вёл преимущественно «идейные сражения», а собственно на «Белой передовой» не был, на что ему не без ехидства не раз указывали его враги по социально-политической и религиозно-милитарной философии... Ныне, по милости Божией, философу-белофашисту Ильину в лице его Насле-

дия, выпала возможность «довоевать» Войну с Красной сволочью... Своловью, сделавшей попытку «скоммуниздить» (как это «у них» принято) и имя, и отдельные «слоганы» из писаний сего Философа Белой Силы... Некие малопристойные, но многозначительные «подробности» заинтересованный Читатель сможет почерпнуть из сопутствующих работ настоящего Сборника, мы же приведём ряд «белых линий» мысли Ильина, ясно демонстрирующих конечную тщету попыток белосовковой «экспроприации» оной...

Иван Ильин утверждал, что главная «духовная скрепа» СССРФ - Московская Патриархия «есть на самом деле учреждение советского противохристианского, тоталитарного государства, исполняющее его поручения, служащее его целям, не могущее ни свободно судить, ни свободно молиться», она есть «православие, подчинившееся Советам и ставшее орудием мірового антихристианского соблазна, есть не православие, а соблазнительная ересь антихристианства, облекшаяся в растерзанные ризы исторического православия» («О Церкви в СССР»). Кроме того, на протяжении всей жизни Ильин был непримиримым антисоветчиком и антикоммунистом, и популярное современное видение «единой истории» России было для него неприемлемым. «Советский Союз никогда не был Россией, это два государства различного духа, различных целей и различной судьбы», – писал он. А н вот ведь - стал востребован политической «элитой», чьё формирование является кондово-совковым, причём в «ниже-плинтусном» (даже по меркам Совка) квалификате...

Мы вправе задать ещё более неудобный вопрос. Будучи непримиримым врагом Коммунизма до самой смерти, Ильин был поклонником итальянского Фашизма, а затем и немецкого Национал-социализма. Видится, что его политические симпатии в этом отношении были не досадной случайностью, а органической частью его міровоззрения и философии государства. Обратимся к его трудам.

Уже в середине 1920-х годов Ильин восхищается Муссолини и итальянским фашизмом, не в последнюю очередь благодаря борьбе итальянского фашизма с масонством. «Фашизм есть стихия национального каления, патриотической страсти и исключительности; он горит, шумит, бурно распространяется и зажигает огни на национальных алтарях. Он, как лава Везувия, вытекает за пределы, многое сожигает и во время извержения не бледнёт граней и форм», – пишет он из Италии. «Личность Муссолини» Ильина – наверное, самая возвышенная и одухотворенная ода Дуче на русском языке. «На протяжении своей жизни Муссолини далеко не всегда мог ясно формулировать и обосновать свою “программу”. Им руководит скрытый, но внутренне жгущий его, хотя и смутно осозаемый им идеал, – волевой миф, который может однажды стать реальнее самой действительности. Ему Муссолини предан – цельно, религиозно, насмерть. Отсюда его чувство собственного предназначения, непоколебимая вера в свои идеи и то, характерное для него, сочетание вечной внутренней накалённости с властной, спокойной выдержанкой, которое так безмерно импонирует окружающим. В этом – он сам, он весь; и из этой глубины своей он говорил друзьям в часы своего величайшего внутреннего кризиса: “Могу сказать вам, что я тот же, какой был вчера, и что завтра я буду тем же, чем сегодня. Моя вера неизменна...”». Ильин рисует с натуры портрет идеального, с его точки зрения, национального Диктатора.

На митинге Германской национальной народной партии 16 марта 1926 года Ильин произносит речь, где, в частности, говорит о том, что Россия ждёт освобождения от иудо-большевизма, и эта помощь должна прийти от Германии. «Россия – это красавица, которая спит; рыцарь, который разбудит её, получит её руку <...> мы ищем друга, который помог бы нам встать с колен. Мы – не пророки. Но, по всей видимости, друг этот не придёт к нам из тех государств, которые выиграли войну; он придёт оттуда, где войну проиграли».

В 1933 г. в журнале «Возрождение» Ильин публикует статью «Национал-социализм. Новый дух», где, в частности, пишет: «Я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев... То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот... Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе... Сброшен либерально-демократический гипноз непротивленчества. Пока Муссолини ведёт Италию, а Гитлер ведёт Германию – европейской культуре дается отсрочка». Ильин так заключает своё размышление: «Германцам удалось выйти из демократического тупика... То, что совершается, есть великое социальное переслоение; но не имущественное, а государственно-политическое и культурно-водительское... Ведущий слой обновляется последовательно и радикально... По признаку нового умонастроения... Удаляются те, кому явно неприемлем “новый дух”... Этот дух составляет как бы субстанцию всего движения; у всякого искреннего национал-социалиста он горит в сердце, напрягает его мускулы, звучит в его словах и сверкает в глазах... Несправедливое очернение и оклеветание его мешает верному пониманию, грешит против истины и вредит всему человечеству».

После войны Иван Ильин был уже не столь радикален в своих оценках «нацизма» (теперь он уже снова употребляет термин «фашизм»). Он проявляет, как иногда выражаются, антиномичное мышление: «Может, что-то было не так, где-то перегнули палку, но не надо все раскрашивать чёрными красками, правда? Ведь было и много хорошего!». Учитывая поистине всемирный масштаб тогдашней «охоты на фашистских ведьм», Ивана Александровича вполне можно «понять и простить»... Примечательно то, что в столь антифашистски накалённой «мировой атмосфере» Ильин находит для Фашизма «добрые слова», наряду с «критикой», конечно... В статье «О

фашизме», написанной в 1948 году, Ильин так и пишет: в нём было «здравое и больное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное. Поэтому в оценке его нужны спокойствие и справедливость». По его мнению, фашизм «искал справедливых социально-политических реформ» и был проявлением «здравого национально-патриотического чувства». «Даже в самых демократических государствах в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном», – напоминает Ильин. Если бы Ильин жил в сегодняшней России и поделился подобными мыслями в «Фейсбуке» или «Одноклассниках», он мог бы получить до 3-х лет по статье 354 УК РФ («Реабилитация нацизма»). Парадокс-с, но мыслитель, придерживавшийся столь сомнительных на сегодняшний день взглядов, стал настолько вос требован в стране, которая воспринимает победу над нацизмом как основное событие в своей истории?

Здесь, конечно, нужно сделать паузу и прояснить, что имеется в виду под словом «фашизм», поскольку оно используется с каждым разом всё более расширительно. Классический манифест этой идеологии – «Доктрина фашизма» Муссолини. Идиотизм, но этот текст запрещён к публикации в России, а ведь без знакомства с ним вообще невозможно говорить о том, что такое фашизм. Чтобы читатель не путался в терминах «фашизм»/«нацизм», отметим, что Муссолини вообще не интересует расовая чистота. Граждане фашистского государства объединены национальной идеей, а не кровью. Главный пафос фашизма – сверхценность государства, которую можно обеспечить лишь обезцениванием жизни отдельного человека, его прав и свобод. «Для фашиста всё в государстве, и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства». Муссолини многократно подчёркивает антилиберальность фашистского государства, можно сказать, что его смысл – в преодолении

либерализма. «Либерализм отрицал государство в интересах отдельного индивида; фашизм утверждает государство как истинную реальность индивида... Кто говорит “либерализм”, говорит “индивиду”; кто говорит “фашизм”, тот говорит “государство”». В либеральном понимании государство – это эффективный механизм, который обеспечивает свободу, безопасность и благосостояние своих граждан. Для Муссолини ни свобода, ни безопасность, ни тем более благосостояние граждан не являются приоритетом. «Фашизм отрицает возможность материалистического понимания “счастья” и предоставляет его экономистам первой половины XVIII века, т. е. он отрицает равенство “благосостояние – счастье”, что превратило бы людей в скотов, думающих об одном: быть довольными и насыщенными, то есть ограниченными простой и чисто растительной жизнью». Государство в фашизме – «высшая и самая мощная форма личности, оно есть сила, но сила духовная. Она синтезирует все формы моральной и интеллектуальной жизни человека. Поэтому государство невозможно ограничить задачами порядка и охраны, как этого хотел либерализм. Это не простой механизм, разграничитывающий сферы предполагаемых индивидуальных свобод. Государство есть внутренняя форма и норма, дисциплинирующая всю личность и охватывающая как её волю, так и разум... Для этой цели он стремится к дисциплине и авторитету, проникающему в дух человека и в нем безспорноствующему. Поэтому его эмблема – ликторская связка, – символ единения, силы и справедливости».

Предпосылка жизни как борьбы предполагает особое видение войны для государства. «Фашизм не верит в возможность и пользу постоянного мира, поскольку в общем дело касается будущего развития человечества, и оставляются в стороне соображения текущей политики. Поэтому он отвергает пацифизм, прикрывающий отказ от борьбы и боязнь жертвы. Только война напрягает до высшей степени все че-

ловеческие силы и налагает печать благородства на народы, имеющие смелость предпринять таковую. Все другие испытания являются второстепенными, так как не ставят человека перед самим собой в выборе жизни или смерти».

Характерно, что Муссолини, говоря об этике и морали, вообще не оперирует понятиями добра и зла. Фашистское государство принимает религию, но не принимает религиозную этику. Добро и есть то, что хорошо и полезно для государства, а лояльность государству и является единственным критерием морали и нравственности.

Принципиальное столкновение фашизма и либерализма заключается в основном вопросе – что есть человек? Муссолини цитирует Ренана: «Принцип, что общество существует только для благополучия и свободы индивидов, его составляющих, не представляется согласным с планами природы, где принимается во внимание только вид, а индивид приносится в жертву». Словами Евангелия: «Лучше одному человеку умереть за народ» (Ин. 18,14). Следует иметь в виду, что Государство Фашизма, говоря словами Ильина, не есть «правовой механизм», а есть «правовой организм», а Евангельские слова не есть нечто однозначное – они парадоксальны, многозначны и допускают различные толкования, применительно к различным ситуациям в жизни единиц и масс, государств и наций, религий и рас и т.д.

Всё это очень созвучно с мыслями Ильина. Духовная природа государства – это общий знаменатель Муссолини с Ильиным, который в этом отношении верен Гегелю (см. главу «Сущность государства» в книге «О Сущности правосознания»). И у Ильина, и у Муссолини государство – это значительно больше, чем царство кесаря. Ему нельзя принадлежать частично, ему можно принадлежать лишь целиком. В этом смысле их взгляды совместимы с тем пониманием Христианства, которое провозглашает Иисуса Христа царём, «Кесарем кесарей», то есть Тем, Кто имеет всю полноту власти.

Белибердяев, который то признавал Кесаря-Христа, то отвергал Его именно в качестве Царя, пишет однако не без проницательности, критикуя Ильина, что у того «Государство и Церковь совершенно смешиваются и отождествляются. Непонятно даже, зачем нужна Церковь, если Государство как носитель абсолютного духа и добра призвано к выполнению церковной функции борьбы со злом. Поэтому он выделяет привилегированную группу, выражющую государственную власть, которая представляется ему носителем абсолютного добра и духа, и от лица абсолютного добра и духа призванную истреблять зло в мире. Полицейский – полезная и нужная в своем месте фигура, но её не следует слишком тесно связывать с абсолютным духом» («Кошмар злого добра»). Если же Государство принимает на себя задачи Церкви, если оно есть духоносный организм, которое «собирает разсеянных воедино» (Ин. 11, 52), то мы приближаемся к идеалу Теократии, егда Церковь и Государство существуют нераздельно-неслиянно во образ вочеловечения Христова, даря человечеству величайшие дары Божией милости – Царство и Свящество прежде всего в их сакраментально-освящающем и сакраментально-возносительном, а не лишь сугубо «консисторско»-административном или духовно-«полицейском» аспекте...

Как политический философ, Ильин солидарен с Муссолини в презрительном отношении к счастью, обусловленному материальным благосостоянием граждан. Как и Муссолини, он его связывает с животным состоянием человека. «Счастье есть не что иное, как удовлетворение всех потребностей, то есть потребностей физических и чувственных; с них человек начинает и, удовлетворившись, уже не испытывает никаких других, более высоких и благородных побуждений. А потому счастье есть не что иное, как чувственное наслаждение и материальный комфорт... В результате он постепенно утрачивает способность к сопротивлению, охоту к труду, стойкость,

становится слабым, дряблым, становится рабом своих похотей, чурается своей профессии, трусит перед лицом творческих усилий. Его воля теряет силу. Ему импонирует только то, что обещает удовольствие; а сам он уподобляется похотливому животному». («Взгляд в даль. Благословенно неудовольствие»). Говоря о государстве, Ильин вообще избегает темы его материальной эффективности и благосостояния граждан. Это очень важная деталь. Оказывается, если люди живут плохо – это не случайный сбой в системе. Это просто такое видение государства, которое и не предполагает, чтобы люди жили в достатке. «В несчастьях яснеет Истина» (Достоевский). Сие, однако, не означает, что «несчастья» нужно искусственно «организовывать». В сем – дьявольская разница Муссолини и Ильина с коммунистами, кои тряпидели про «счастье» и «благосостояние», но плодили нищету, голод и недостаток самых первично-необходимых для жизни вещей. Между тем, как Фашисты, никому не обещая «счастья и довольства», как раз таки вполне сносную жизнь для обывателя обеспечивали...

Материальному благосостоянию Ильин противопоставляет необходимость «добывать победу в страданиях», чему государство, по всей видимости, должно способствовать, а проявление жертвенности *par excellence* – это война, и здесь Ильин снова совпадает с Муссолини. Ни тот, ни другой не видят и не чувствуют ужаса и трагедии войны. Оба восхищаются войной. Это восхищение Муссолини противопоставляет пацифизму, а Ильин – «настроению дезертира». Война для Ильина, как и для Муссолини, – высочайшее проявление человеческого духа, духовное делание. «Война учит нас всех – призванных под оружие и не призванных – жить так, чтобы смерть являлась не постылым и позорным окончанием озлобленного и хищного прозябания, но естественным увенчанием жизни, последним, самым напряжённым, творческим актом её; чтобы действительно каждому стоило защищать дело

его жизни хотя бы ценою мучений и смерти. И это простое правило сосредоточивает в себе всю вековую нравственную мудрость человечества. Оно даёт преодоление смерти потому, что превращает самую смерть в подлинный акт духовной жизни», – пишет Ильин («Духовный смысл войны»).

Впрочем, идеализируя и одухотворяя государство, Ильин не объявляет войну либерализму. Часто Ильина называют «умеренным либералом». По его мнению, «призвание государства состоит в том, чтобы при всяких условиях обращаться с каждым гражданином как с духовно свободным и творческим центром сил, ибо труды и создания этих духовных центров составляют живую ткань народной и государственной жизни. <...> Государство не призвано опускаться до частного интереса отдельного человека, но оно призвано возводить каждый духовно-верный и справедливый интерес отдельного гражданина в интерес всего народа и всего государства. Если государство это делает или, по крайней мере, стремится к этому, то оно выполняет свое духовное и христианское призвание, становится через это социальным государством и воспитывает этим своих граждан в духе христианской политики» («Путь духовного обновления. О государстве»). В этом смысле модный нынче у путинойдного Агитпропа антилиберальный пафос ближе к советчине, чем к Дуче и Ильину.

Современный исследователь справедливо замечает: «По сути, Иван Ильин ратовал за создание в России национальной диктатуры, которая должна опираться на исключительную роль церкви, армии и военизованных структур... Его философия базируется на культе “бремени и мук” русского народа, его исключительности и превосходства. Такое видение требует национального духовного обновления, селекции и гомогенизации общества по критерию “духовного достоинства” со всеми вытекающими последствиями для “неправильных” людей. Все вышесказанное указывает на прямую схожесть философии Ильина с философией европейских фа-

шистов 1930-х годов. И Ильин этого не скрывает» [Барбашин А. Иван Ильин: фашист, введённый в моду. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.ridl.io/ru/ivan-ilin-fashist-vvedennyj-v-modu/>].

Ильин предупреждал своих последователей, говоря о фашизме, что для «будущих социальных и политических движений подобного рода надо избирать другое наименование». Поэтому принципиально важна суть, а не вывеска, и не то, определяют ли сами себя человек, или сообщество, или идеология в терминах «фашизма», «антифашизма» или как-то иначе... «В том-то и суть, что в подъездах ссуть», вспоминается позднесовковая «хохма». Нынешние капустобородые «последыши Ильина» именно что «ссуть», и хуже – «срутъ», причём не токмо в «подъездах», но и в природном пространстве Руси и в пространстве Русской души... А вот Фашисты – они не «ссуть» и не «срутъ». И в этом-то как раз – и Суть...

Тимофей Лисицын

СТРАСТИ ПО ИОАННУ (ИЛЬИНУ)

Иван Ильин — философ-эмигрант и профессор Берлинского русского научного института (1923-1934), который при правлении НСДАП финансировало Рейхсминистерство пропаганды Йозефа Геббельса. — тут есть одна маленькая деталь, а именно когда судьбу Русского института в Берлине в 1933 году, стал определять Йозеф Геббельс (с 1933 по 1934 год), он запустил в стенах института «чистку» в первую очередь по идеологическому параметру и многие старшие сотрудники института были уволены. Здесь можно кинуть камень в Ильина, ведь по началу он уволен не был, а стал директором (формально, подлинным человеком который стал управлять институтом считается Адольф Эрт, но о нём чуть ниже) института и тоже занимался увольнением некоторых сотрудников (со слов Н.Н. Алексеева), хотя это можно объяснить дружбой Ильина с Адольфом Эртом, которого он знал ещё со времён существования Российской Империи,НО стоит так же помнить что в том же 1933 году он во-первых стал подвергаться давлению со стороны нацистской власти (и из-за доносов о чём в своё время писал Гессен, и из-за отказа пропагандировать программу нацистов о чём писал Шмелёву сам), а во-вторых по рассказам того же Николая Алексеева (евразиец работавший в Институте, но не заставший период нацистского правления), к Ильину: - «...был приставлен немецкий комиссар из остзейских немцев. Ильин, который никогда не был нацистом, <...> скоро рассорился с этим комиссаром.» (речь скорее всего про Эрта), и в-третьих Ильин сам в конце концов был уволен, а затем и вообще получил запрет на публичные выступления в Германии (выступал под псевдонимом).

В 1933 году Ильин составлял антикоммунистические донесения для тайной полиции Германии, а также приветствовал захват власти Адольфом Гитлером в статье «Национал-социализм. Новый дух».

«Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе», — писал Ильин. — Ругать Ильина за это восторженное приветствие в статье «Национал-социализм. Новый дух» конечно можно, но Важные новости сами дали объяснение, почему Ильин был так воодушевлён - остановили большевизацию Европы. Здесь можно тыкнуть кончено и в его воодушевлённость и наивность, но если быть до конца честными, то это не удивительно в контексте разговора про видного деятеля белого движения, белоэмигранта которого выгнали из страны большевики, и для которого аргумент приведённый в статье ВНЕЗАПНО является плюсом) и не удивляет наивность Ильина (ведь как он писал всё в той же статье, все деяния нацистов на момент 1933 года, это своего рода перегибы, а общей тенденции не наблюдается: «<...> Посмотрите, не живёт ли Зеверинг, идейный и честный социал-демократический вождь, на свободе в своем Билефельде? Тронули ли национал-социалисты хоть одного видного русского еврея-эмигранта?»). Конечно всё это не оправдание Ильина, но это уже рисует несколько иное представление.

Рекомендую к слову хороший эфир с историком Игорем Петровым, который достаточно хорошо рассказал про Ильина в период нацистской власти в Германии и какие он имел взаимодействия с этой властью. Для тех кому лень, коротко про эфир: по словам Петрова Ильин фашистом не был, даже если смотреть на его статью о национал-социалистах, а что он был тем, кто видел в нацистах просто способ противостояния большевизму.

В 1928 году Ильин публикует трактат «О русском фашизме» в своём журнале «Русский колокол». <...> В своей статье Ильин определяет основные признаки русского фашизма и уверяет, что он совершеннее итальянского, так как в его основе лежит религия. — Давайте я распишу сейчас вам пару строк по поводу того, что Ильин писал про фашизм и русский фашизм в своей статье, это прочтение замягт 30 секунд или одну минуту, хорошо?

Для Ильина в те годы фашизм рассматривался как действенный метод противостояния с коммунизмом (внезапно для белоэмигранта и деятеля белого движения, считающим (справедливо) что его родину захватили большевики и выгнали его, всё что может ему противостоять по его мнению — считается приемлемым, вауу, неожиданно). Его правда воодушевлял опыт того же Муссолини, однако сам Ильин имел другие идеологические предпочтения: «...одна из форм белого движения (именно национально - итальянская), имевшая на месте серьёзный успех, заслонила собою другие драгоценные и необходимые формы и дала своё имя всему движению в целом. Я хочу этим сказать, что белое движение в целом — гораздо шире фашизма и по существу своему глубже фашизма. Или, если угодно: белое движение есть родовое понятие, а фашизм есть видовое понятие; и поэтому мы не должны впадать в ту распространенную ошибку, при которой человека упускает из-за частного, единичного видоизменения — общую, родовую и глубокую сущность. Эта ошибка ведёт к тому, что люди утрачивают духовный смысл явления, не видят его исторической перспективы, упускают из вида другие, новые, творческие возможности и начинают подражать ослепившему их явлению, воспроизводя его, как своего рода спасительное средство. Белое движение шире фашизма потому, что оно может возникать и исторически возникало по совершенно другим поводам и протекало в совершенно иных формах, чем фашизм. Оно глубже фашизма

потому, что именно в фашизме совсем не проявляется или недостаточно действует глубочайший, религиозный мотив движения».

Помимо такого очевидного пояснения, что фашизм не есть всё белое движение, а лишь его одна из частей с некоторыми НО, Ильин так же выражает и опасения насчёт фашизма, которые могут возникнуть: «...Если белое движение совсем не есть непременно фашизм, то с другой стороны возможно, что появятся такие новые «фашизмы», в которых не будет ничего белого. Сорганизоваться и сделать политический переворот совсем ещё не значит создать белое движение, хотя бы при этом слово «фашизм» было написано на всех перекрёстках <...> Именно такое понимание вскрывает первую опасность, с которой нам следует постоянно считаться. Эта опасность состоит в том, что у нас может возникнуть не белый «фашизм». По внешней видимости всё будет обстоять, как «полагается»; «дисциплинированная» организация, «патриотические» слова, отстаивание порядка, тяга направо, волевой активизм... А на самом деле возникнет лишь новый раскол и новая политическая партия, столь же партийная, как и другие, но только с агрессивными замашками, с намерением непременно устроить переворот в свою пользу, с готовностью начать гражданскую войну против других небольшевицких партий и длить её вплоть до своей партийной победы. По-видимому, это будет «фашизм»; но белого в нем не будет ничего. Может быть это будет «розовый», «жёлтый» или «чёрный» фашизм, т. е. партийное дело ради партийных целей, прикрытых патриотической словесностью. А может быть и так, что таких «фашизмов» возникнет одновременно несколько».

Получается интересная картина, что конечно как пишут на Важных новостях: - «Ильин определяет основные признаки русского фашизма и уверяет, что он совершеннее итальянского» - но не стоит всё таки забывать что Ильин и видел раз-

вение фашизма (и русского и не русского) в опасное русло, о чём честно и писал.

Последнее что хочется прокомментировать: «В 2021 году на Валдае Путин назвал Ильина наиболее близким ему философом, а в 2022-м завершил цитатой Ильина о «русском духе» речь к аннексии территории Украины. Незадолго до этого он процитировал в своей речи некоего знакомого, которому пообещал публично воспроизвести его мысль: «Жить надо ради того, за что можно умереть». И это тоже цитата из Ильина.»

Иван Ильин в лапах государственных пропагандистов и у самого Путина, не более чем удобное украшение с красивыми цитатами про Россию, которое выглядит абсурдно в их нагромождении уже имеющихся государственных символов, что складывается ощущение об издевательстве и не более того, и вопрос «искренности» здесь роли не играет. Подумайте сами: некогда член интернациональной партии, чья профессия в советские (и в начале постсоветских) подразумевала пытать страдальцев (хорошее описание сотрудника КГБ. Жаль не все поймут на что это отсылка), заявляет, что вообще-то его любимый русский философ — это Иван Ильин. Тот самый Ильин, который в страшном сне видел, что Россия снова может быть отдана во власть подобной политической черни, которую ни в коем случае нельзя допускать ни до выборов, ни уж тем более до рычагов власти.

Абсурд, но и этого мало. Сам этот сюжет разворачивается в государстве, являющимся правопреемником СССР, и несколько этого не скрывающего, а наоборот — подчёркивающего это. Советское наследие стало настолько сакральным в путинской системе (выстроенной в первую очередь людьми «советской бюрократической (и чекисткой) закалки»), что любой снос советского памятника, любой нападок на советскую историю и солдата красной армии вне границ РФ, открывает целую бездну, откуда криком доносятся слова о «за-

бывании великого подвига» советского солдата, Сталина что страну с колен «поднял», великой советской дружбе народов, где «все жили в мире и согласии» и «неблагодарности» европейцев, у которых «фашизм поднимает голову», раз они так с советской историей обходятся. Но в этом и главная беда Российской Федерации — власть не умеет пользоваться этим наследием.

Умеют работать в этой наследуемой системе, умеют подчёркивать его значимость, умеют кричать о покушении на «святое», пихая известную гоблинскую формулу «антисоветчик - всегда русофоб», умеют сохранять названия улиц, беречь памятники, умеют использовать в своей пропаганде, умеют даже вести себя так же омерзительно, как советские бюрократы, но конструировать из этого идею не умеют, что прекрасно видно на тех символах, которыми она пытается себя украшать.

В продолжение темы абсурда: легко ли вы можете представить себе, как в крупном городе одновременно может существовать памятник Александру III и улица названная в честь Александра Ильича Ульянова (арестованного в Российской Империи за подготовку покушения на Александра III)? А и представлять не надо! Всё это есть в Санкт-Петербурге. Абсурд? Абсурд! Не менее абсурдно и то, что в РФ около 80 памятников Николаю II и около 6000 памятников Ленину. Можно говорить конечно, что таким образом воплощается мечта каких нибудь младороссов, сменовеховцев и/или евразийцев, но на мой скромный взгляд — всё это наглядный пример беспорядочного нагромождения на себя символов, которые вместе никак сочетаться не могут, но убедить самих себя (и/или всех нас, или с целью угодить единственному политику в РФ), что всё это часть некого «нашего общего». Создание этакой химеры, которая когда надо будет перекраситься в Красный, когда надо будет перекраситься в Чёрный, а надо будет, с трибуны Георгиевского

зала Кремля, неподалёку от которого находится мавзолей с телом Ленина, зачитает и Ивана Ильина, по которому эти люди во главе гос.аппарата СССР превратившегося в РФ, некогда бывшие чекисты, советские бюрократы и партийные приспособленцы, всё что могут, так это создать новый тоталитаризм, новую каторгу и новое разложение, и глядя на всё это, нельзя сказать, что Ильин ошибся.

(<https://t.me/AkumanoHoshoku>)

о.Р.Б.

ИЛЬИН НЕ ПРОЙДЁТ !/?

Просматривая «ленту новостей», повествующую о «текущих событиях» в достолюбезном Отечестве, всё более убеждаешься, что знаменитые слова классика: «Боже, как грустна наша Россия» (А.С.Пушкин) ныне надлежит перефразировать в «Боже, сколь гнусна...». Увы, в постпутинской России у всех приличных людей неизбежна долговременная аллергия на Православие, «традиционные ценности» и т.п. Хотя «традиционные ценности» и Православие (в истинном их смысле) тут «не виноваты», винить следует тех активистов, что свирепо насаждают их «эрзацы» в РФ периода «закатного путинизма»...

Вот и очередной «эрзац» подоспал:

РГГУ против школы Ильина

Иван Ильин — философ-эмигрант и профессор Берлинского русского научного института (1923–1934), который при правлении НСДАП финансировало Рейхсминистерство пропаганды Йозефа Гебельса. В 1933 году Ильин составлял антикоммунистические донесения для тайной полиции Германии, а также приветствовал захват власти Адольфом Гитлером в статье «Национал-социализм. Новый дух». «Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе», — писал Ильин.

В 1928 году Ильин публикует трактат «О русском фашизме» в своём журнале «Русский колокол». Эта работа соседствует в издании со статьей «Армия» атамана-коллаборациониста Петра Краснова. В своей статье Ильин определяет основные признаки русского фашизма и уверяет, что он совершеннее итальянского, так как в его основе лежит религия.

Сейчас именем Ивана Ильина был назван научный центр при РГГУ. Возглавил инициативу ультраконсервативный философ Александр Дугин.

ИльинНеПройдёт!РГГУ!

…Такое «сообщество» создано в Сети. Конечно, студиозусы РГГУ, коих насильственно пытаются «кормить» скрепным пойлом, сварганенным «сыном Гелия», вызывают большую симпатию, нежели «скрепоносцы», кои как раз мега-«гнусны», но – «грустно» то, что «пострадавшим» оказывается философ с безупречно антикоммунистической репутацией – проф. Иван Ильин. Прознавши, что его прочат в идейные предотечи неосоветизма, Иван Александрович возмущённо «переворачивается в гробу»…

Помимо всех прочих бедствий и разруш, что принесла т.наз. «русская революция», было то, что по образному выражению В.В.Шульгина, «Революция отрезала у русского народного тела русскую голову и присобачила еврейскую». Се – один из наиболее разрушительных био-политических результатов Революции. Наш народ был лишён своей, соприродной ему и одушевлённой тем же духом, национальной Элиты. Далее, впрочем, произошло то, что блестяще описано в «Собачьем сердце» писателя-антисоветчика М.А.Булгакова: Шариковы, коих пестовали Швондеры, году эдак в 37-м «отодвинули» швондеров и сами «стали у руля». 1937 год – конечно, дата скорее «символическая», но процесс (пусть и не сконцентрированный на одном году) шёл именно так: те же «путиницы», отнюдь не все имеют в родословной «семя комиссара» (С.Жариков), они – именно что «шариковы», кои могут в адрес «швондеров» даже нечто «антисемитское» рубануть, оставаясь в целом «их» детищем и продуктом…

Вот и АГД – се эдакий «шариков-от-философии». Существо, которое «хвилософствует» разэтаким макаром, как ещё нарещи: «В РФ начинается время косовороток. Потом время бород. Время платков. Время сарафанов, кос и платков. Время поясков и смазных скрипучих сапожков. Время кафтанов и лестовок. Время подручников. Время земных поклонов и чистой речи. Русское время. Время Бога»… Сдохни, Полиграф Полиграфыч, а мудрёней не покуликаешь по-свойски…

Проф. Ильин (настоящий, царской ещё формации «профессор», не чета всякоразной «красной проффэсуре» из «сы-

нов гелиев») полагал, что именно катастрофическая убыль национальной элиты будет представлять для посткоммунистической России едва ли не главную проблему: «Мы не знаем, когда и как завершится коммунистическая революция в России. Но мы знаем, в чём состоит главная задача русского национального спасения и возстановления: в выдвижении на первый план лучших - людей, преданных России, чувствующих свой народ, мыслящих государственно, волевых, творческих, предлагающих народу не месть и упадок, а дух освобождения, справедливости и союза всех классов. Если выбор этих новых русских людей удастся и будет быстро реализован, то Россия возстановится и возродится в течение нескольких лет. Если нет, то из революционного хаоса Россия попадёт в долгий период постреволюционной деморализации, упадка и внешней зависимости». Так оно, в общем-то, и случилось... Задача вырастить «русскую голову», впрочем, остаётся и решаться, очевидно, будет лишь после того, как «бошки шариковых» полетят на «свалку истории». Пущай не буквально с «эшафота» (хотя сие было бы и справедливо и достопоучительно), но «полетят» туда, где им отначально место: «кто был ничем, да вновь станет ничем»...

Достоит упоминания язвительный комментарий в тг-канале «Раненый Скимень»: «У Дугина есть своё мнение касательно личности Ильина... на выбор:

1. Ибо так велит нам поступить и жить Русская Идея и прекрасный русский философ, гегельянец и монархист Иван Ильин.

2. В философе Иване Ильине мы встречаемся с почти карикатурной попыткой создания бравурной версии русского национализма, успешно обходящей все сколько-нибудь важные и существенные темы, принципиальные для выяснения возможности русской философии, и подменяющей вопрошение и выявление болевых точек потоком правоконсервативного сознания, копирующего клише европейского национализма применительно к русскому обществу. Такого общества, о котором пишет Иван Ильин, находясь в эмиграции, никогда не существовало, не существует и не может существовать:

речь идёт о нормативной пруссаческой грёзе, желающей представить Россию четко работающим социальным механизмом германского типа – с отлаженной моралью, звонким официозным патриотизмом, конвенциональной религиозностью и психической упорядоченностью. В результате такой конструкции из поля зрения Ильина выпадает всё сколько-нибудь значимое для России содержание – здесь ничего не сообщается ни о западническом полюсе, фокусе В (который с порога отмечается как несуществующий), ни о специфике архаического полюса, ни о фокусе А (который вообще оставляется без внимания), ни о герменевтическом эллипсе, который должен был бы у всякого нормального русского человека вызывать, как минимум, гнетущее беспокойство (у Ильина он почему-то ничего не вызывает). Своим невежественным апломбом и казённым «национализмом» И. Ильин, возможно, обязан матери-немке Каролине Луизе Швейкерт фон Штадион. Свои философские тексты И.Ильин строит в духе персонажа повести Н.С.Лескова «Железная воля» Гуга Карловича Пекторалиса, «выписанного в Россию вместе с машинами». В них есть «железная воля» борьбы с коммунизмом до последнего дыхания, без какого бы то ни было понимания как природы советского режима, так и причин, приведших к падению монархии и к Октябрьской революции, равно как и понимания структуры русского общества. И.Ильин «аккуратно и безталанно» (словами Н. С. Лескова о Гуге Пекторалисе), механически воспроизводит русский национализм, патриотизм и бравый монархизм, умудряясь пройти мимо всех содержательных сторон русской истории, которая осуществляется на его глазах, при его участии и с его помощью. Так как в таком чисто немецком казённом мышлении нет ничего русского, мы без большого ущерба оставляем его тексты и теории без рассмотрения.

Каким из этих двух мнений руководствовался сам Дутин, соглашаясь на должность директора школы им. Ивана Ильина, и какому из этих мнений выразил симпатию неомонархический совдеп Малофеев, выражая радость назначению Дугина на должность директора, решайте сами»...

У «сына Гелия», как мы помним, «сердце собачье», так что здесь имеет место быть звериное «чутьё» и зверочеловечьи «инстинкты» угождения «Хозяину» с его якобы-«любимым философом»... Но, помимо пролетарских зверочеловеков, существуют ещё «обыватели», они в отличие от «пролетариев» не лишены «человеческих» свойств, но сии свойства у них, говоря мягко, «слишком человеческие». Недаром философ-аристократ Ницше бросил презрительное: «Обывательщина хуже чем грех». Сию мысль развивает ревностный сторонник «развитого феодализма» историк Дмитрий Тараторин: «Проблема, которую боятся осознать, а уж тем более озвучить. И не удивительно, потому что это грозит переворотом самой системы координат. Но именно он и нужен. И без него никак. Эта проблема - простой человек. Все идеологии Модерна - национализм, либерализм, коммунизм ориентированы на него. А на него как раз и нельзя ориентироваться. Это совершенно разрушительно для цивилизации. Хосе Ортега и Гассет назвал это существо массовым человеком. Но массовый человек - это обычный простой, но убеждённый в своей значимости и более того, в том, что удовлетворение его потребностей и есть цель прогресса. И именно здесь и именно сейчас мы с вами являемся свидетелями крушения мифа о простом человеке. Вся просвещенная парадигма основана на убеждении, что простому просто не дают стать сложным, лишая его доступа к образованию и не давая выбраться из нищеты. Но вот, цивилизация решила эти проблемы. Вышел ли простой человек на некий уровень сложности? Нет, разумеется, как и было веками, его потребности ограничены материальным горизонтом - хлебом и зрелищами. Но при этом, их невозможно полностью удовлетворить - и на этом основан капитализм. Простой человек с его вечной готовностью потреблять всё больше и разнообразнее - это и субъект и объект этой системы. Особенно показательную картину дает интернет, который может стать немыслимым никогда прежде ресурсом для самообразования, а может использоваться для того, чтобы тупить точно так же, как с мужиками в гараже, но уже в формате соцсети. Если, кто решил, что эти антикан сен-

тенции каким-то образом можно истолковать в пользу коммунистических теорий, так, нет, разумеется. Только в пользу феодальных. Мой любимый Бертран де Борн писал в 12 веке ровно то, что относится к простым людям и сегодня:

«Нрав свиньи мужик имеет,
Жить пристойно не умеет,
Если же разбогатеет,
То безумствовать начнёт».

Но во времена Бертрана можно было считать, что свиньёй мужик становится потому, что ему вот такие злобные сеньоры не дают возвыситься над свинским горизонтом (свинья анатомически не видит неба). Сегодня все возможности возвыситься есть. Желания нет. И поэтому, до тех пор пока целеполаганием политических процессов будет благо простого, а не сложного человека, человечество абсолютно закономерно будет превращаться в скотный двор».

Истинно так: лишь Диктатура Евангелия, власть «сложных людей», победа «Нового Средневековья» будет цель-боносным «решением» и «вопроса» судеб Европейско-Христианской цивилизации, цивилизации Белого Человека. Вот только «Фашизм» сего Нового Средневековья должен быть настоящим, а не пародийным паясничаньем «шариковых» (впрочем, шутовство-шариковство способно оборачиваться кровопусканием, и преизрядным: се – зело кровавые шуты).

Пока писались сии строки, подоспело ещё одно сообщение из «новостной ленты». Сын Гелия как бы «обиделся» на «прогрессивную общественность» и, как водится, усмотрел тут «заговор»: «Отдельных молодых коммунистов с бесмысленной атакой на ВПШ им. И.Ильина просто подставили. Компания началась на Западе, потом мгновенно по сети западной агентуры влияния перекинулась на Россию (ведущую с Западом войну). И важно, что первыми её подхватили «Дождь», «Радио Свобода» и ряд либералов-релокантов, а потом только некоторые левые. И то весьма специфические, относящиеся к сетке одной очень специфической осо-

бы. КПРФ вполне лояльная Президенту партия, полностью поддерживающая СВО. Зюганов безусловный патриот и во многом настоящий консерватор. Тут дело совсем в другом. Если сейчас довести расследование до конца, то вскроется очень серьёзная система манипуляций со стороны либералов и релокантов левыми сетями в России. Недавно сторонники нацистской Украины были идентифицированы в ЛФ СПб. Это из той же серии. Определённые лево-либеральные центры, курируемые западными развед-службами, поставили перед собой задачу переориентировать левое движение в России. Точно также, как они сделали с отдельными русскими националистами, настроив их против Путина, а некоторых даже заставив перейти на сторону врага. Кстати, экстремист, заочно арестованный в РФ за террористическую деятельность, Илья Пономарёв также одно время был членом КПРФ и даже входил в состав ГосДумы. Сейчас он курирует в Киеве и нацистов-предателей, и либералов, и левых. Илья Пономарёв открыто хвастался, что убийство Дарьи его рук дело. Вот истинное лицо заказчиков. То есть стратегия старая и давно взятая на вооружение Западом, ведущим против нас цивилизационную борьбу. Русского философа-гегельянца Ивана Ильина многократно цитирует Президент Путин, явно разделяя его патриотические установки и православно-консервативную этику, а также защиту им традиционных ценностей. И при этом власть в России категорически против раскола на белых и красных. Это не обсуждается. Раскол в России выгоден только её открытым врагам. Поэтому тем, кто попал в эту волну по ошибке, самое время из неё выйти. С теми же, кто собирается настаивать, придется разбираться тщательно и подробно» (<https://t.me/Agdchan>).

«Скимень раненый» откомментировал зло и беспощадноточно: «Уровень хуцпы – космический. Даже не знаю, как подступиться, чтобы прокомментировать. Короче, Дугин призывает «молодых коммунистов» остановить атаки на ВПШ

им. Ильина, потому что их «ввели в заблуждение западные спецслужбы». Ну вот это просто отпад: «...при этом власть в России категорически против раскола на белых и красных». Зато Ильин, школу которого ты, мудак, возглавляешь, вокруг такого «раскола» строит всю свою политическую философию! Окстись! Со стороны напоминает драку гробокопателей. Это ведь самые настоящие мародёры. Причём весь цимес в том, что самому Гельичу Ильин понадобился постольку, поскольку это «философ Путина» (точнее источник цитат спичрайтеров Путина, механически-интернетным способом возведённый в «философы Путина»). Так-то он Ильина ненавидит как «немца», чуждого хлыстовской анархистской «духовности»»...

И вот эдакого недорезанного аффлинга, с маркистско-ленинскими мандавошками и сралинско-слонофильской капустой в годами немытой неопрятной бородёнке («слонофильство» от «краисся – родина слонов», панимаишь) – всурьёз предлагают считать «ультраконсервативным философом» и едва ли не «фашистом №1» на Руси-Матушке... Как говорил в таких случаях незабвенный Лев Давыдыч Троцкий: «бля ребята не смешите мои яйца, они таки и так смешные»... Наилучшим философическим комментом на скотно-дворскую «хуцпу» сына Гелия было бы слегка перефразировать стёбную песенку группы «Бригадный подряд»: «Да у тебя же мама – пида...гог, / Да у тебя же папенька – чекист, / Да у тебя же всё наоборот, / Какой ты на хер – Фашист!?»...

ADDENDA: Благополезным дополнением к вышесказанному будут два фрагмента из «Писем к Друзьям». Первый – принадлежит Дм. Тараторину, что немаловажно – «лично» знаяшемуся с сыном Гелия и одно время писавшего для «Элементов». Второй – принадлежит Алексию Ильинову, некогда бывшему «национал-большевиком» дугинской окраски.

«Скандал с центром Ильина имени Дугина очень зримое свидетельство того, что Гельич сейчас по полной программе дискредитирует Правую и консерватизм как таковые. «А переменит Бог Орду», так любого правого будут носом в Дугина

тыкать. Поэтому важно подчёркивать, что он не имеет никакого отношения к правому консерватизму. Он был и остаётся национал-большевиком. Название партии было придумано им. И он всегда действовал в этой парадигме» (Д.Т.). «Вот это архиточно!!!» (о.Р.Б.).

А.И.: Спаси Христос, дорогой отче Роман! Ваш покорный слуга, помнится, получал серьёзный «нагоняй» от Вас за свои, так сказать, «фантазии» относительно Братства и РКЦ ИПХ. И это, если уж так разобраться, неудивительно, так как можно запросто «погореть» на всяких там «славиках» и прочих «анафематах». Почему к Братству или к ИПХ примикиали те или иные люди, в том числе «культовые» (тот же Димитрий Ревякин чего стоит!)? Отчасти по «контркультурным» соображениям. Чтобы «потусоваться». Книжки почитать, стишкы пописать, ну на «экзотической» Божественной Литургии побывать... Ну и чем такой «подход» отличается от каких-нибудь там (прости, Господи!) «толкиенистов»? Но вот действительно ВООРУЖИТЬСЯ смогли немногие, буквально считанные единицы. Я вот, отче Роман, и осуждал Вас, и часто рьяно спорил с Вами (за что и «угодил» в Вашу «избранную переписку»). А всё почему? А потому, что был уверен, что моё, так сказать, «высшее гуманитарное образование» даёт мне право судить «интеллектуально» о том, до чего, как «практика» показывает, ДОРАСТАТЬ нужно! И дело тут совсем не начитанности и в эрудиции. Можно, конечно, и всего Хайдеггера одолеть и быть «университетским спецом», но «погореть» буквально на «ключевых» моментах.

Когда я, скажем, начал осваивать дискурс альтер-западной Неореакции и Тёмного Просвещения, то меня совершенно искренне поразило, насколько это отражает саму суть нынешнего *Zeitgeist*. И это же можно сказать и о РКЦ ИПХ, ибо это ничто иное, как «воспоминание о Будущем». И потому все, простите, «срости» вокруг Устава и его «аутентичности» не так и важны. И ведь какозвучно — NRx и ИПХ! И сегодня к ИПХ причисляют себя жители уже 2020-х годов, пользующиеся всеми благами современной глобальной цивилизации. А для неореакционеров-археофутуристов, проектирующих в

Кремниевой Долине Искусственный Интеллект или феодальные поселения на лунах Юпитера, гораздо важнее, чтобы их порыв к Акселерационизму и Сингулярности поддержала Священная Традиция, имеющая колоссальный опыт духовного и физического Сопротивления тому, что неореакционеры именуют «Cathedral/Собор».

Вы ведь обратили внимание на забавную «антифашистскую кампанию студентов РГГУ» против «фашиста» Дугина и «фашиста» Ильина? Ладно уж там... Гельич. Произошло, поистине, Эпохальное Событие, максимально чётко обозначившее фронт боевых действий. Выяснилось, что в КПРФ и ЛКСМ больше нет ни «национал-большевиков», ни «красных консерваторов», но ядро её ныне — это доморощенный «аналог» SJW и Black Lives Matter с осатанелой Cancel Culture — «культурой отмены». В Екатеринбурге уже осуществлена попытка осквернения памятника Ильину неким красножопым дегенератом. И сегодняшняя «комсомольская» левота одержима отнюдь не «советской цивилизацией» или «кибернетическим коммунизмом», но жаждой разрушения и разнузданного террора. Они именно что «хотят повторить». А пока начали с «отмены» «фашиста» Ивана Ильина. В комментариях в соцсетях призывы ещё дальше — давайте-ка проверим на «антифашизм» всю русскую философию и «отменим» русский консерватизм, так как он сплошь «реакционный» и «черносотенный». В США правые акселерационисты столкнулись с этим ещё раньше и породили, в итоге, устами философа Ника Ланда и программиста Кёртиса «Менциуса Молдбага» Ярвина, Тёмное Просвещение, проникшее и в техно-инновационный бизнес, и в кулуары Белого Дома в президентство Дональда Трампа.

Нужно признать, спустя многие годы, что мы уже живём в Будущем, в эпоху Искусственного Интеллекта и киборгов. Но сегодня, как это не парадоксально, именно правые проектируют Будущее, тогда как левота нагло демонстрирует свой адский обезьяний лик. За носителями Правого Смысла сегодня Будущее. И если сбегать от него в какую-нибудь там «пасторальную деревушку» (...на травку, к лошадкам и овечкам...),

то оно неизбежно будет сожрано левацко-либеральным «Собором». По крайней мере в США, в альт-райт сообществе, есть понимание сего.

И потому так жизненно важен безценный опыт РКЦ ИПХ, которая сама должна стать «Матрицей» и спасти всё то немногое, что ещё остаётся от белой европейской цивилизации. Поддержать правых акселерационистов, проектирующих в «NRx-катаомбах» Кремниевой Долины апокалиптический «SkyNet», чтобы устроить Судный День для SJW/BLM-бесовщины, которая уже «отменила» самого Человека. И если когда-то «Терминатор» был пугающей киберпанк-антиутопией, то в наши дни скорби и безверия — это реальность, буквально последняя попытка Спасения. Ради обретения Бога, Расы, Трона, Алтаря, Империи.

Быть сегодня ИПХ-неореакционером — это быть самой плотью и кровью Будущего, дабы наступить, как киборг-ландскнехт (совсем как в хрестоматийно-киношном «2029 году н.э.»), на череп поверженного Зверя.

Юрий Лисица

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ И ИВАН ИЛЬИН О ПРИЧИНАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция 1917 года - не только не закончена и не изжита в нашей жизни и в душах людей, но «перманентно» и «латентно» продолжается, совершая свое разрушительной действо.

В отличие от Великой Французской Революции 1789 года, образцом которой хотела быть «русская» Революция (она «русская» лишь по территории, коей выпало несчастье стать полем революционных экспериментов, но не по «движущим силам» - Ред.), по чаяниям «наших» революционеров, и которая осталась для самой Франции её, скажем, сомнительной гордостью и идеалом (Соловьев, 1912: 5-7), русская революция очень быстро утратила свои провозглашенные ею идеалы, если таковые имели место на самом деле.

Все революции, после которых «умирают» предыдущие государственные устройства, как и, между прочим, обычная смерть отдельного человека, внешне происходят неожиданно, даже для самих революционеров. Например, в феврале 1917 года, когда в России «отменили» Самодержавие, - вынули стержень государственного устройства, - то разрушилось всё в одночасье, а главные революционеры были за границей (занимаясь своими теоретическими построениями и мечтаниями о будущей революции в России) и в спешке стали «подтягиваться»: кто в пломбированных вагонах через территорию воюющей с Россией Германии, кто на пароходах, пересекая Атлантический океан. Но это только кажущаяся неожиданность. Причины и итоги указанных событий невидимо скрыты и содержатся во всех исторически предшествующих процессах и только обнаруживаются, выявляются, выступают

с невиданной, необычайной, сокрушительной силой. «Всё это уже было, имелось, действовало; только глухо, скрыто, подземно. <...> Так, внимательный, чуткий дух мог и должен был предсказать близость некоторого глубокого кризиса, надвигающегося на всё культурное человечество», - писал Иван Александрович Ильин, анализируя причины русской революции (Ильин, 2001а: 147). «Такая потрясающая духовная неудача человечества, - отмечал он в другом своем труде «О сущности правосознания», - как поток неслыханных войн и небывалых революций, свидетельствует с непрекращающимся силою и ясностью о том, что все стороны духовного бытия жили и развивались по неверным путям, что все они находятся в состоянии глубокого и тяжёлого кризиса. Человечество заблудилось в своей духовной жизни, и хаос настигнул его неслыханной бедою; это свидетельствует о том, что неверен был самый способ духовной жизни, что он должен быть пересмотрен до корней и от корней обновлён и возрождён» (Ильин, 1994: 154).

И если Ильин всматривался в прошлое России, то его любимый писатель и «заочный духовный наставник» Фёдор Михайлович Достоевский смотрел из глубины XIX века в будущее и указал на причину и природу этой революции. Он указал с точностью и убедительностью главные черты вдохновителей и исполнителей этого катаклизма - русских революционеров. Достоевский, сам переживший «революционные идеалы» своей молодости (участник кружка петрашевцев), в том числе приговор смертной казни у эшафота и за это своё политическое преступление отбывавший срок на каторге в Сибири, может быть надёжным и убедительным свидетелем сущностного употребления термина «революционер» и «революционные идеалы», например, молодёжи XIX века Императорской России. Уже одного его анализа подлинных причин и источников русской революции может оказаться достаточно для мыслящего человека.

Первое его наблюдение касалось главного русского революционера-эмигранта Герцена: «Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом. Они все, ему подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России. В полтораста лет предыдущей жизни русского барства за весьма малыми исключениями истлели последние корни, расшатались последние связи его с русской почвой и с русской правдой. Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделяясь от народа, они естественно потеряли и Бога. Безпокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные - индифферентными. К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веря в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, - каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года. Тогда это был самый пленительный идеал народа. (Достоевский, 1980: 9).

Второе непосредственное наблюдение Достоевского касалось его друга и почитателя Белинского: «Я застал его (Белинского. - Ю.Л.) страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. В этом много для меня знаменательного, - именно удивительное чутьё его и необыкновенная способность глубочайшим образом проникаться идеей» (Достоевский, 1980: 10). Белинский начал с известного интернационального лозунга: «Мы прежде всего общество атеистическое», и выше всего ценил разум, науку и реализм, но «понимал глубже всех, что один разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную «гармонию»,

в которой бы можно было ужиться человеку. Он знал, что основа всему - начала нравственные. В новые нравственные основы социализма (который, однако, не указал до сих пор ни единой, кроме гнусных извращений природы и здравого смысла) он верил до безумия и безо всякой рефлексии; тут был один лишь восторг. Но, как социалисту, ему, прежде всего, следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма» (Достоевский, 1980: 10).

И, конечно, Достоевский о себе как революционер-романтике: «Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния. Без сомнения, я не могу свидетельствовать обо всех; но думаю, что не ошибусь, сказав, что тогда, в ту минуту, если не всякий, то, по крайней мере, чрезвычайное большинство из нас почло бы за бесчестье отречься от своих убеждений. Это дело давно-прошедшее, а потому, может быть, и возможен будет вопрос: неужели это упорство и нераскаяние было только делом дурной натуры, делом недоразвитков и буйнов? Нет, мы не были буйнами, даже, может быть, не были дурными молодыми людьми» (Достоевский, 1980: 133).

Но самому Фёдору Михайловичу удалось вырваться из этого омута революционности, как он сам выражался ему «очень трудно было бы рассказать историю перерождения своих убеждений...» (Достоевский, 1980: 134).

Революционные взгляды и сами революции коренным образом меняют и искажают человеческую суть, но не всю её, не природу человека и его предназначение. В это верил Достоевский и исповедовал эту веру исключительно по-русски и во вселенском масштабе: «Ну какой на самом деле наш народ протестант и какой он немец? И к чему ему учиться по-немецки, чтобы петь псалмы? И не заключается ли всё, всё, чего ищет он, в Православии? Не в нём ли одном и правда и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего

человечества? И может быть, главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтобы сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придёт время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!» (Достоевский, 1980: 59).

Можно было бы и остановиться на этих пророческих словах великого русского писателя и «тайнозрителя человеческой души», как писал о нем прот. Георгий Флоровский (1983: 299), считая поистине главными причинами революции атеизм, презрение к Родине и ложные идеалы, но исторические события XX века в России и во всем мире не только пророчества - сбывшиеся или не сбывшиеся - великих людей, а конкретные и сложные явления человеческой жизни, требующие особого и глубоко предметного освещения. Лучшим, по моему пониманию и образованию, являются фундаментальные исследования русского религиозного философа, ученого-правоведа и государстроведа, русского патриота и национального мыслителя, провозвестника Грядущей России Ивана Александровича Ильина (1883-1954).

(Можно отметить, что революции и революционеры, без сомнения, могут быть с виду религиозными, например, Английская революция XVII века английских пуритан или Исламская революция в Иране во второй половине XX века, но они эквиполентны, т.е. логически эквивалентны атеистическим революциям Франции конца XVIII века и России всего XX века своими крайностями, радикализмом и террористическим насилием.)

Можно смело сказать, что практически всё творческое наследие русского философа касается русской революции как духовного кризиса, как путей преодоления этой болезни и грядущему обновлению и возрождению России, так как Ильин «служил России и только России». Перечисление книг, брошюр и статей Ильина на эту тему заняло бы десят-

ки страниц, но мы остановимся на трёх его фундаментальных работах: «О религиозном кризисе наших дней» (1922), «Мировые причины русской революции» (1928) и материалы «О революции» (1907-1913-1918-1922, Москва, 1923-1928, Берлин, Гамбург, 1930-1931, Моршах, Бургенсток).

И когда этот кризис сто лет тому назад начался формально и открыто, то его стали освещать и анализировать в многочисленных газетах, журналах, философских сборниках и альманахах, но, по мысли Ильина, «главное о нём не сказано, и, может быть, главная волна ещё впереди» (Ильин, 2001а: 147). Можно добавить, что попытки эмпирического анализа вроде обзора день за день, год за годом тогдашней прессы или экономического, психологического исследования прошедших событий дают что-то, но это «что-то» либо ещё более запутывает или «бьёт» мимо цели, так как опускает по умолчанию главное, довольствуясь второстепенным. «Самое существенное и общее, что необходимо увидеть и понять в критических итогах, - это их духовная природа. Как бы глубок, и всесторонен, и исчерпывающ ни был анализ историка, подходящего к этому процессу с точки зрения материального фактора, - то, что он исчерпывает и формулирует, будет не самый кризис, а только та задача, на Еразрешении которой кризис разразился» (Ильин, 2001а: 147-148). Можно добавить к этому, что почти всегда не учитывается Божественная «координата», духовная компонента, всегда присутствующая в нашей личной и общественной жизни, как и во всех исторических событиях. Ильин это учитывал: «Итак, самое телесное бытие человека, - множественное, субъективное, разъединённое, при едином общем материальном субстрате жизни, и едином, общем Предмете духа, Божестве, - ставит человеческому духу ряд заданий, с которыми он справляется, когда стоит на высоте, когда он верен своей природе и своему Предмету, - и с которыми он не справляется, когда он не верен своему Предмету и своей природе и когда он, обезсилев,

никнет долу» (Ильин, 2001а: 149). Другими словами, единственно верное освещение этих трагических и провиденциальных событий может быть только религиозное.

Однако и, как Ильин замечает, прежде всего, само западное христианство в конце Средневековья утратило свою ведущую роль, поэтому и «церковное христианство наших дней НЕ ВЕДЁТ за собой человечество» (Ильин, 2001а: 154). Духовная культура последних двух веков и добавим начала нынешнего XXI века есть культура секуляризованная. «Она, - пишет Ильин, - обособилась от христианской религии и ушла в без религиозную, безбожную пустоту», а «человечество перестаёт в своей массе культивировать церковно-христианский опыт» (Ильин, 2001а: 155-156). При этом процесс секуляризации захватил науку, государственность и искусство. Последствия этого процесса губительны: «Касаясь обнажённого зла, не стыдящейся, кощунствующей порочности, - современный человек не ужасается и не трепещет, но любопытствует, присматривается и охотно поддается соблазну. Встают целые поколения не стыдящихся людей, нравственно тупых, страдающих этическим малоумием; слагаются в мировом масштабе целые организации нравственного извращения людей, выдающих ложь, предательство, лицемerie, насилие и убийство за благо и открыто осуществляющих своё учение. Человечество не мыслью, а чувствованием, волею и делом приняло и воплощает тезис Достоевского «если Бога нет, то всё дозволено». Зверь, таящийся в человеке - только и ждал учения о вседозволенности, ибо о сладости запретного он знал сам по себе» (Ильин, 2001а: 164). Именно «первородный грех» забыл и не осознаёт в себе секуляризованный человек, а его светская наука, государственность, экономика и хозяйство забывают эту «повреждённую природу человека» и всегда все удивляются своим провалам и неудачам. А на самом деле: «на государствах обнаруживается и будет об-

наруживаться единый міровой закон, обнаруживающийся на индивидуумах и классах: наказание развёртывается само из преступления, ибо оно имманентно заложено в самом преступлении» (Ильин, 2001а: 166). Примером таким может служить редкое для творчества Ильина замечание о хозяйственной деятельности человека и государства в целом, или, как сейчас говорят, об экономике: «Современное человечество увлекается хозяйственными закономерностями которые властвуют над ними и над которыми оно не властно. Ещё не найдены верные способы для регулирования ни перепроизводства, ни недопроизводства, ни его уравновешивающей циркуляции. Открытие этих путей требуют высшей солидарности и мудрости, огромной волевой дисциплины в вождях и массах. А между тем души пребывают во власти стихийного распыления интересов и стихийного, безпринципного порыва к наживе. Человечество выработало удивительный международно-хозяйственный регулятор - международную биржу - и не может овладеть им, уподобляясь тому часовому мастеру, о котором рассказывает Гофман: он изобрёл танцовщую куклу и потерял над ней власть - она до безумия и до смерти затанцевала свою даму. Религиозно неустроенная, релятивистически-безпринципная, деморализованная душа современного человека - только и может стать жертвой хозяйственных закономерностей в том виде их, как они сами слагаются, развёртываются и увлекают» (Ильин, 2001а: 166). Здесь можно добавить, что так называемая «протестантская этика», которая служила и продолжает служить «образцом религиозного протестантского влияния на бизнес, или хозяйствование», не более, чем сказанное нами выше сравнение религиозных пуританской и исламской революций с революциями атеистическими и безбожными. Добавим от себя, что он до сих пор продолжается и осложняется в современных условиях и реалиях. Добавим от себя, что у Христианской Церкви совсем другие цели и

задачи - служение Богу, миссия людям и спасение человека. Ильин ниже определит роль Христианской Церкви в других областях.

Называя глубинные причины религиозного кризиса наших дней, приведших, в частности, и к крушению монархии в России и русской революции как **мирового коммунистического** эксперимента, Ильин сформулировал и принципы его преодоления: «I. Не следует думать, что мы уже пережили этот кризис, что он за плечами. Нет, он только начинается. Добавим от себя, что он до сих пор продолжается и осложняется в современных условиях и реалиях. II. Настаивая на том, что современное духовное разложение человечества связано исторически с процессом секуляризации, я совсем не хочу сказать, что христианская церковь как таковая могла бы властно урегулировать хозяйственную, политическую, международную и духовную разруху наших дней. Добавим от себя, что у Христианской Церкви совсем другие цели и задачи - служение Богу, миссия людям и спасение человека. Ильин ниже определит роль Христианской Церкви в других областях. Религия при верном подходе к ней есть не лекарство (хотя и лекарство), но духовное здоровье и духовный расцвет; она не средство для благополучия, но само благополучие, цель жизни, сущность жизни, смысл жизни - и всё остальное есть средство для неё и её расцвета. Без подлинной религиозности человечество гибнет; но НЕ ПОГИБНУТЬ - ему стоит только для подлинной религиозности. И вот эта подлинная религиозность, которая не сама по себе, как таковая, окажется политически и хозяйственно спасительной, но откроет в человеке глубину, ширину и силу духа, необходимого для земного братства и мирного служения Богу. III. Религиозное возрождение есть цель человечества; но это возрождение должно быть не пассивным слепым впадением в прошлое, а активным, самостоятельным, зрячим и радостным восстановлением в себе того, что

не измеряется и не может быть прошлым. IV. Современный религиозный кризис состоит, по существу, в том, что человеческий дух утратил цельность, а потому и подлинность и жизненную силу в очевидности. За последние полтысячи лет христианское человечество, имевшее в очевидности своей благую весть Христа, - приобрело другую очевидность, очевидность безразличных к Евангелию законов материальной природы. V. Таким образом, я глубоко уверен в том, что религиозное возрождение приблизится только в борьбе за цельность духовного опыта и очевидности. Но открыть человечеству доступ к духовной цельности в христианском религиозном опыте - может только сама христианская церковь» (Ильин, 2001а: 167-175).

В своих материалах, или записках в разные годы о революции в России Ильин считал, что пошлость, насилие, несправедливость и безрелигиозность буржуазного мира расцвели в коммунизме. При этом он различал понятия «большевизм» и «коммунизм» или «социализм» как начальную стадию коммунизма - «светлого будущего», по определению или чаянию членов ВКП(б). Большевизм, в понимании Ильина, - это действие, воля, причем злая воля, а «не только политический и хозяйственний строй, т.е. диктатура партии, водворяющий социализм посредством принуждения и страха» (Ильин, 2001б: 358), а коммунизм с его первоначальной стадией социализмом - есть учение, доктрина, причем учение ложное и утопическое, это псевдо-вера или псевдо-религия, распространяемая I и II Интернационалами, коммунистическими и социалистическими, социал-демократическими партиями разных стран и добавим от себя, принимающие различные, порой чудовищные формы (как, например, в Советском Союзе при Ленине-Сталине-Хрущеве-Брежневе-Андропове, в коммунистическом Китае при Мао Цзэдуне, в Камбодже при красных кхмерах, в Северной Корее при Кимах - живых и мёртвых).

Этот соблазн большевизма и коммунизма затронул не только широкие массы людей в России, но и часть русской эмиграции за рубежом в лице тех же сменовеховцев и евразийцев, корни которых, считал Ильин, были «в недугах старой интеллигенции и в творческой безыдейности новой». Русская интеллигенция несмотря на многочисленные публикации и высказывания «не установила ни диагноза, ни объяснения русской революции». Мало было просто отвергать большевизм или наивно его принимать и пытаться перенаправить, как мечтали сменовеховцы и евразийцы. Ильин считал большевизм болезнью: «Может ли врач лечить заразную болезнь, просто “отвергая”, т.е. осуждая ее и стараясь не заразиться ею? Мало понять и причины болезни; надо воображением и мыслью увидеть те драгоценные, основные силы организма и их функции, без которых нет жизни и без верного действия которых нет здоровья. Надо увидеть не только болезнь, но и здоровье» (Ильин, 2001а: 103).

Опасностью и соблазном Ильин считал «солидаризоваться с коммунизмом как с якобы побеждающей силой». Коммунистическая революция победила потому, что дореволюционная Россия болела недостатком в своем организме правильного хозяйственного устройства: «Один из источников русской коммунистической революции: в массе был не воспитан и болел хозяйственный акт - неутверждённость частной собственности. Эта болезнь остаётся и в современной России (болезни могут быть весьма продолжительными); недостаточная вера в труд; необеспеченность правопорядка; воля к наживе не через труд и безволие в труде, неуверенность и задержанность хозяйственного самовложения - отсюда экстенсивность хозяйствования, пониженная доходность; вера в объём и неверие в качество хозяйствования; Назовём это в современном міре «китайской болезнью»; склонность напирать на соседа (особенно на богатого, но и на бедного), а не на природу» (Ильин, 2001а: 104).

Ещё одной ошибкой является отождествление «бунта» народа против несправедливости власть-имущих и «революции», которая свергает эту власть и само государственное устройство. Революция - это не просто «бунт - безмысленный и беспощадный», а нечто более коварное и злое: «Революция есть не просто свержение наличной власти, а разложение правосознания, политической и хозяйственной жизни, души, творчества, это есть разрушение, сгнивание, разложение. Нечего играть словами: “мы - революционеры!” Мы - враги революции; и именно потому мы за творческое воссоздание России и её здорового бытия на духовно верных основах» (Ильин, 2001а: 105).

Русскую революцию Ильин представлял как переход от рыхлого организма в злую механику, не стыдящийся произвола, приведший к экспроприации и рабству, как классовое самоубийство, как сочетание злой воли и безволия, честолюбия и партийности и в самой России, и в русской эмиграции. В «Истории КПСС» характерной и горделивой фразой была такая: «5 миллионов кулаков были уничтожены как класс», не понимая, что этим революционным действием было на долгие годы подорвано и уничтожено как русской сельское хозяйство, так и труженик земли. К причинам революции Ильин относил и формализацию культуры, и духовное безпутство русской публицистики и всего Серебряного века, честолюбие и вредную идейность русской интеллигенции, расхождение социальных классов и не восхождение к идею целого, безыдейность императорского правительства и волевой паралич, неизжитая травма крепостного права. Революция как разнуздание в человеке и обществе злых сил привела к узаконению уголовщины и политизации криминала, развращению честных, но слабых людей, что вылилось в новую дифференциацию в обществе и возникновение ордена коммунистических рабовладельцев. Путь революции: через лозунг равенства к новому неравенству, как ставка на худ-

шего и спайка преступлением. Революция подорвала веру и будущее русской творческой демократии, как и современная революция - к глубокой идеи свободы и самоуправления. Коммунистов Ильин считал демагогами, восходящими к рабовладению, а коммунистическую партию - считал ни рабочей, ни русской. Чтобы преодолеть революцию, надо не только искоренить большевиков, но и возродить религиозность и правосознание и создать новые, справедливые уставновления и учреждения, главное, возродить подлинную, а не формальную частную собственность, но не через «чёрный передел» или несправедливую «приватизацию», творческую, а не формальную демократию, учредить законную, а не исторически возникающую за происходящими событиями власть и возродить свободную лояльность к такой власти. «Власть» (которую часто и неверно смешивают с «управлением») является не просто политическим или философским термином, а имеет глубинную, мистическую природу и религиозное содержание. Смысл её необходимо понимать, а настоящую, Богом данную власть, нужно лелеять и беречь, даже от себя самой, так как власть по природе своей трагична: вот она есть и вдруг её нет; она может быть хорошей, но не законной (см. А.С. Пушкина «Борис Годунов»). Без власти даже, может быть, слабой и нелюбимой государственный строй может рассыпаться вмиг как карточный домик, о чём так точно писал Ильин: «Средний массив, толща русского простонарода - во всей своей активистической неудобоподъемности - долго следила за тем, что происходит, пока не накалились его страсти (1914-1917) и не развязался государственный узел и удерж (отречение Императора Николая II). С этим отречением как бы утратилась грамота русской национальной власти; великое средоточие авторитета, державшее и ведшее страну веками, - угасло; государственная власть как бы разбилась на тысячи пылинок, разлетевшихся по стране. Вокруг опустевшего святилища государственной власти началась больная

суетня. В мае 1917 года я публично говорил о том, что “тени самозванцев зареяли над Россией”. Первыми самозванцами были временное правительство и совет рабочих депутатов; Россия закипела “автономными республиками” - чуть ли не по числу губернских и уездных городов. Началось междуусобие между самозванцами, разрешившееся переворотом октября». На самом деле не разрешившееся, так как следующие затем «власти» сменяли друг друга внутренними переворотами: власть Свердлова и покушение на Ленина, власть Ленина и борьба за власть во время его болезни между Троцким, Каменевым, Зиновьевым, Бухариным и Сталиным, загадочная смерть Сталина и устранение «авантюриста» Берии Маленковым, Булганиным и Хрущёвым, захват власти Хрущёвым и его низвержение ближайшими соратниками через 10 лет «волонтиаристского правления», устранение Подгорного Брежневым и его правление в немощном и болезненном состоянии до Андропова и следующего Черненко уже со своими болячками и болезнями, Горбачёва, подхватившего эту «умирающую власть» и растерявшего её, отказавшегося от нее после «обретения» власти Ельциным как сознательного результата распада или точнее расчленения страны и возникновения не жизнеспособного СНГ, и дальнейшие передача власти «преемнику» и «местоблюстителю», как новые формы политической «преемственности власти», являются и иллюстрируют почти столетнюю «проблему власти» в революционной и не обретшей себя России. Поистине какая-то антиродословная: «Свердлов убил царя и подстрелил Ленина, Ленин убил Свердлова и был изолирован в Горках соратниками, и т.д. и т.п.» (Ильин, 2001а: 110-111).

Анализ причин и итогов русской революции остаётся актуальным и по сей день.

Ильин считал, что «русская революция не есть чисто-русское событие, в России зародившееся и разразившееся; она возникла в мировом контексте - она имеет не толь-

ко внутри-русские причины, но и причины чисто внешние, общемировые. Она исторически обусловлена и вызвана всем предшествующим развитием человечества; строго и полно говоря: её история - есть всеобщая история человеческого рода. Не только потому, что идея коммунизма и уравнительного грабежа стара, как и сам человек, но гораздо больше потому, что она, русская революция, есть порождение трех великих міровых явлений: 1) мірового кризиса, переживаемого религией и христианством; 2) мірового кризиса, переживаемого правосознанием и государством; 3) мірового кризиса, переживаемого идею собственности» (Ильин, 2001а: 181-182).

Описывая революционеров как действительно особых людей, Ильин не считал, что они сугубо русское племя. Это люди «с особым способом мыслить; с особеною установкой воли; с особым укладом чувства; с каким-то специфическим напором, самоуверенностью, претенциозностью, ограниченностью, порочностью и одержимостью. Они настолько тверды и неизменны в этой своей установке, что к ним отбираются люди, похожие на них, а непохожие неизменно ассимилируются и принимают даже их внешние манеры (эта нервная суетливость, это обилие ненавистно-ругательных слов, этот повелительный категоризм, эта быстрота на ложь и жестокость, эта кривая улыбка...). Как если бы из всех народов, племён и рас, известных доселе, отбиралось новое, особое племя, с особой жестоковыносливостью, хищностью и цепкостью. Оно проходит через ассимилирующий фильтр в Советской России и рассыпается для своего мірового дела по всему міру... И всего замечательнее, что это особое революционное племя, составленное из всех рас и наций, - встречает отклики во всём міре. Иногда получается прямо такое впечатление, что люди этого уклада зародились повсюду одновременно и ныне скликаются друг с другом, как ждавшие друг друга и предназначенные друг для друга» (Ильин, 2001а: 176-177).

Этому новому движению противостоит безвольное и податливое большинство. «Почему это?», «Откуда это?», «Как это сложилось?», «Куда это ведёт?». Ильин отвечает на это постановкой проблемы и своего основного вопроса: «в человечестве постепенно возникло особое умонастроение и волевое направление, особое умонастроение, способствующее современной революции и ведущее к ней; в нём, в этом настроении души и ума, заключается основная творческая причина революции» (Ильин, 2001а: 178). В своей работе «Мировые причины русской революции» Ильин отвечает на вопросы: «Откуда этот душевный уклад взялся?», «Как он сам возник?», «Чем вызван к жизни?», «В чём его сущность?»

Но не нужно думать, что русский философ скатывается к банальной конспирологии, не смотря на его крылатое слово «міровая закулиса», которое больше всего сейчас известно в связи с Ильиным и часто употребляется в печати, став нарицательным. Обывательское мнение, что «революция есть просто результат заговора – всё равно чьего (одни говорят английского, другие немецкого, третьи еврейского; масоны говорят католического, католики говорят масонского). Отсюда мір управляет заговорщиками, всех водящими за нос и всемогущими. А нам остаётся бежать за последствиями их поступков и разоблачающе их регистрировать - всюду подозревая иезуита, масона, еврея, англичанина или немца. Вот от этого вульгарного и демагогического подхода я совершенно отказываюсь. Совсем не потому, чтобы я думал, что иезуиты и масоны не влияют на события; нет, несомненно, влияют - одни в одну сторону, другие в другую, обычно прямо противоположную. Но потому, что это есть не объяснение, а мнимое объяснение; это ссылка не на причину, а на одно из проявлений причины» (Ильин, 2001а: 179).

Всё это не означает, что Ильин желает не замечать наличие некоторых мировых политических сил, но для него важнее всего направить русский взгляд на подлинные, главные, а не

второстепенные причины русской революции: «И наконец, ещё одно слово: значит ли это, что я отрицаю влияние иезуитов, масонов, англичан и евреев - в ходе войны и революции? Не значит. Значит ли это, что я отрицаю целесообразность и необходимость научного изучения их деятельности? Нет, не значит. Что же я отрицаю?

1. Компилятивную болтовню об этом из вторых и третьих рук, ненаучную и демагогическую;

2. возможность объяснить этим причины міровой и русской революции;

3. пользу для русского национального дела, если кто-нибудь начинает заменять самообличение - мнимыми разоблачениями чужого злодейства, начинает подменять серьёзный диагноз - бактериологической манией преследования» (Ильин, 2001а: 180-181).

Вот, пожалуй, основные и главные причины явления столетней давности - русской революции. Конечно, у Ильина много страниц посвящено тщательной проработке и обоснований своих утверждений, как и много другого, может быть, не самого главного, но существенного в этом направлении исследования. Главное другое. Столь глубокий и фундаментальный анализ, а это так называемый феноменологический метод, который по явлению определяет сущность его, которая не есть ни голая эмпирия, ни психологизм, может быть продуктивно использован в наше сумбурное время, когда революция и революционеры приобрели новые современные формы, а ошибки и промахи отдельных людей или даже всех стран и народов остались неизменными: «заменять самообличение - мнимыми разоблачениями чужого злодейства», или вместо раскаяния и религиозного понимания природы человека, находят извечного и знакомого по Библии «козла отпущения», считая, что после этого все сложные проблемы решатся сами собой. Однако так не бывает, и быть не может, - нет «монополии» ни на зло и злые поступки, как и нет

монополии на мнимые добрые дела, которые под видом благотворительности или под видом «выполнения социальных обязательств» демонстрируют себя, - но есть внутренняя свобода человека, народов, стран и государств на Божье дело на земле. Именно она - внутренняя свобода - может отказаться от своей порочной воли.

(печатается в сокращении)

ЛИТЕРАТУРА

Георгий Флоровский, прот. 1983. Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press. 599 с.

Достоевский Ф.М. 1980. Полное собрание сочинений в 30-ти тт., Т. 21. Л.: Наука. 551 с.

Ильин И.А. 1994. Собрание сочинений в 10-ти тт., т. 4. Составление и комментарии Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга. 621 с.

Ильин И.А. 2001а. Собрание сочинений. О революции. О религиозном кризисе наших дней. Составление и комментарии Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга. 574 с.

Ильин И.А. 2001б. Яд большевизма. - В кн.: Ильин И.А. Собрание сочинений «Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906-1954)». Составление и комментарии Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга. С. 354-392.

Соловьёв В.С. 1912. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва. Под редакцией и с примечаниями С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Т. 3, СПб. 430 с.

**(Источник: Гуманитарное пространство.
Международный альманах, т. 10, №9, 2021)**

Григорий Бельский

КОРНИЛОВСКИЙ-ДЕНИКИНСКИЙ- ВРАНГЕЛЕВСКИЙ

«Моя цель первая и основная – стереть большевизм и всё с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его. В сущности говоря, всё остальное, что я делаю, подчиняется этому положению».

Адмирал А.В.Колчак

Белое Движение «зародилось» на Юге России, поэтому (с долею приблизительности, конечно) можно подразделить его на три этапа: согласно именам Возглавителей это будут – Корниловский, Деникинский и Врангелевский «этапы» Белой Борьбы. Был ешё, разумеется, Верховный Правитель адмирал А.Колчак, власть которого признали «почти все», о нём чуть ниже мы скажем «особо».

Одним из стереотипов о Белом Движении, ловко используемым как кумачёво-советскими патриотами, так и «розовыми» поклонниками «антифашистско-патриотической трактовки» Белого Движения, а также и либералами, плюс «национал-демократами», является отношение его вождей к сепарации национальных окраин бывшей Российской Империи. Доходит до того, когда некоторые авторы (например А.А. Широпаев в яркой и в основном-правильной статье «Роковая идея: единая-неделимая»: <https://shiropaev.livejournal.com/38621.html>) объясняют поражение русского национального сопротивления в противобольшевицкой войне 1917-1923 гг. исключительно нежеланием сотрудничать с украинским движением Симона Петлюры. Есть ещё «мощный миф» об отказе Колчака получить помошь

от Маннергейма, в обмен на признание финской независимости, но поелику среди всех «сепаратизмов», возникших на развалинах Русской Империи, украинский был ежели не самым «успешным», то самым «знаменитым», изберём в качестве «маркера» его. «Принято считать», что основной лозунг Белых был: «за единую и неделимую Россию!», а не «Стереть большевизм и всё с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его». Но так ли это? Да, ещё вчера Царские генералы и офицеры, составившие костяк Белых, едва ли были в восторге от разворачивающегося на просторах Империи Царей «парада суверенитетов». Но одно дело – наши симпатии и антипатии, а другое дело – лозунги и логика политической борьбы. А она подсказывает, что для успеха борьбы с главным Врагом, необходимы союзники, кои могут быть сколь угодно «малосимпатичными», но се ничуть не отменяет правила: «враг моего врага – мой друг». Ежели основная цель – единство территории, то переиграть большевиков «на этом поле» заведомо невозможно: она занимали мимперские центры и демагогически приглашая «скушать суверенитета столько сколько хотите», ежовыми рукавицами «прибирали земли», с прицелом не на «границы 1914 года» даже, а на «земшарные», не меньше... А вот ежели основная цель – уничтожить иудо-большевизм, то тут «вопрос границ» отодвигается на дальний план, а выдвигается вопрос тактических и стратегических союзников по антибольшевицкой борьбе, а средь них могут оказаться и «сепары» какого угодно окраса. Предположить, что Белые вожди «все как один» были настолько глупы, что не понимали сих очевидностей, нам затруднительно. Сколь бы ни были «аполитичны» военные в Императорской Армии, кой чему должна была бы «жизнь научить», да и истина про «врага моего врага» из разряда преочевиднейших... Впрочем, посмотрим, как строилась «украинская политика» Белых в вышеуказанные периоды «по порядку»:

Феодор Мамонов

Генерал Корнилов и Украинские Националисты: главное правильно разставлять приоритеты

Обычно, коренной поворот в «украинской» политике Белого движения связывают с генералом Врангелем, о чём мы уже писали. Это прекрасно вписывается в концепцию правых интеллектуалов русской эмиграции о двух противоположных периодах Белой борьбы.

Первый период – «деникинский», безыдейный и реставрационный, т.е. не противопоставивший большевицкой революции никаких конструктивных идей. Национальная идея, олицетворяемая «корниловцами», «дроздовцами», «марковцами» и «алексеевцами» не получила в этот период какого-либо оформления в программных документах Вооруженных Силах Юга России. Очищение от большевизма сводилось к возстановлению дореволюционных порядков (именно порядков, а не национальной государственности), аграрный вопрос решался в пользу помещиков, а армия ставилась «вне политики».

Второй, «врангелевский» период, принёс конкретную, хотя и лаконичную (что, скорее, было плюсом) политическую программу, благодаря чему Белое движение из реставрационного трансформировалось в национально-революционное и освободительное.

«Цветные» части, по образцу которых в дни Врангеля предлагали пересоздать всю Русскую армию, позднее стали рассматриваться в качестве «авангарда национальной революции». Если Деникин соединил в себе не самые полезные «солдафонские» черты с воспитанием либерального интеллигента, то, касаясь личности Врангеля, трудно избежать аллюзий на Муссолини, Гитлера и особенно на Франко (тоже генерал).

Однако, можно выделить ещё один период Белой борьбы – «корниловский». Фиксация такого периода помогла бы увидеть в правлении Врангеля не какое-то «запрыгивание

в летящий на полном ходу поезд», а вполне закономерный возврат к истокам. Ибо кардинальных различий в политических стилях Корнилова и Врангеля по существу нет. Оба они принадлежали к типу национал-революционных политиков (здесь под словом революция мы понимаем не свержение законных правительств, а стиль освободительной борьбы, для которого характерны коренные преобразования общества и государства — ред.), хорошо понимавших, что армия не может полностью отстраниться от общества, что армия — это душа народа, а не холодный инструмент. Оба противопоставили коммунизму нечто большее, чем его банальное отрижение. Условно говоря: «белым клином бей красных», на красную революцию отвечай белой революцией.

Увы, гибель Корнилова помешала развитию Белой идеологии. Пришедшая на смену генералу-идеалисту безыдейная «деникинщина» сводила на нет подвиги бойцов, жертвовавших своими жизнями не ради старого аграрного порядка. Диктатура же генерала Врангеля объединила армию и народ вокруг разумной политической платформы, возстановив тем самым преемственность Белого движения с его основателем — генералом Корниловым.

«Корниловский» и «врангелевский» периоды — это и есть подлинное, «чистое» Белое движение, т.е. движение, проявившее себя сразу в двух аспектах: военном и политическом. «Деникинский» период был не менее героическим на полях сражений (не думайте, что мы сомневаемся в заслугах русских националистов под командованием Деникина), но, оторвав себя от новых веяний, от конструктивных решений и положительной идеологии, он не вправе претендовать на «чистоту».

Таким образом, и предпринятые Врангелем шаги навстречу украинцам не совсем корректно представлять «полным разворотом» Белого движения в национальном вопросе. Здесь Врангель продолжал дело Корнилова, который не толькоставил Украину (подчеркнём: не Малороссию, а именно

Украину) в один ряд с Польшей и Финляндией (хотя и вполне обоснованно по тем временам выступал за «государственную целостность» России в формате федерации), но и, будучи на посту главнокомандующего, проводил «украинизацию» воинских частей. Причём в своём «украинофильстве» он давал фору самому Скоропадскому! Ведь не Скоропадский приказывал Корнилову начать «украинизацию», а наоборот.

Отрывок из воспоминаний генерала Скоропадского, гетмана Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 года: - Корнилов встретил меня любезно и принял со словами: «Я от Вас требую украинизации Вашего корпуса. Я видел Вашу 56-ю дивизию, которую в 81-ой армии частью украинизировал, она прекрасно дралась в последнем наступлении. Вы украинизируйте Ваши остальные дивизии, я Вам верну 56-ю, и у Вас будет прекрасный корпус».

Эта 56-ая дивизия была временно оторвана и придана 8-ой армии Корнилова, я же был с двумя дивизиями в 7-ой армии. Корнилову я ответил, что только что был в Киеве, где наблюдал украинских деятелей, и на меня они произвели впечатление скорее неблагоприятное, что корпус впоследствии может стать серьёзной данной для развития украинства в нежелательном для России смысле и т.д.

На это мне Корнилов сказал, прекрасно помню его слова, они меня поразили: «Всё это пустяки, главное война. Всё, что в такую критическую минуту может усилить нашу мощь, мы должны брать. Что же касается Украинской Рады, впоследствии мы её выясним. Украинизируйте корпус».

Меня эти слова поразили, потому что общее впечатление об украинском движении заставляло думать, что движение это серьёзное. Легкомысленное же отношение Корнилова к этому вопросу показало мне его неосведомлённость или непонимание. Я старался обратить его внимание на серьёзность вопроса, понимая, что к такому национальному чувству, которое было у украинцев, надо относиться с тактом и без эксплуатации его из-за его искренности.

Я, помню, тогда вышел и подумал: не может же быть, чтобы Корнилов не продумал вопроса и принял решение, и такое важное, как национализация армии, не отдавши себе отчёта во всех её последствиях. Конечно, теперь, вспоминая всех этих генералов, я не поверил бы им, это были положительно дети в вопросах политики, но тогда, не имея другой мысли в голове, как борьбу с немцами на полях сражения, я не сомневался в правоте их мнений. На прощание Корнилов мне ещё раз сказал: «Корпус Ваш будет украинизироваться, а теперь спешите к нему, он сегодня, вероятно, вступил в бой». (П.П. Скоропадский. Мои воспоминания. Цит. по кн.: Александр Смирнов. Проект «Украина» или Звездный год гетмана Скоропадского. М., Алгоритм. 2008. с. 52-53. (Дело происходит летом 1917 года).

Обратим внимание, что все адресованные Корнилову упрёки («легкомысленность», «излишнее доверие к черезчур опасному украинскому движению» и т.д.) сейчас сыплются на головы тех русских националистов, которые в противостоянии Красной Орды и Украины сделали ставку на Украину. Мол, и они «играют с огнём», ведь «украинизация Юго-Востока Украины страшней 282-ой статьи» (что за несусветная чушь?)

Лавр Георгиевич считал иначе. Напоследок, 14-ый пункт из политической программы Корнилова: - Генерал Корнилов признаёт за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим ещё более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов. 2 февраля 1918 года.

Разве не то самое «государственное возрождение» мы сейчас видим в последовательно избавляющейся от советчины

Украине? И не вечный ли «союз братских народов» куётся в батальонах «Донбасс» и «Азов», где плечом к плечу бьются с ордынской чумой украинские и русские добровольцы? (данний текст ФМ был написан задолго до начала сво, существенно осложнившей реализацию намеченных там идеологических ориентиров, впрочем остающихся верными – ред.).

Оставим пока «деникинский период» (о нём в заключении потолкуем отдельно) и обратимся к периоду врангелевскому:

Илия Булгаков

Врангелевцы и Украинцы

«Национальная Россия не умерла. Народ, сохранивший чувство нации, не может погибнуть. Белая борьба ещё не окончена, и мы верим в конечную победу нашего дела» (ген. Пётр Врангель)

Мы, русские национал-революционеры руководствуемся словами Петра Николаевича Врангеля, который указывал на провальную политику в национальном вопросе тех, кто не понимал, или не хотел понимать истинного славянского единства и объединения против дьявольского большевизма, вместо этого продолжая экспанссионизм, который так крепко засел и сегодня в головах многих людей, тем самым помогая сатане: «Дрались и с украинцами, и с Грузией, и с Азербайджаном, и лишь немного не хватило, чтобы начать драться с казаками... В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские силы», «Мы на пути к достижению заветной цели — уничтожения большевизма — можем войти в соприкосновение с украинскими войсками и другими противокоммунистическими группами. Призываю: всем начальникам при соприкосновении с указанными выше противобольшевистскими группами сообразовывать свои действия с действиями войск этих групп». Врангель санкционировал назначение высшей гражданской администрации только из

уроженцев Украины, местное самоуправление, формирование украинских воинских частей, уравнял русский и украинский языки. Как вспоминал потом сам Врангель: «Нам удалось установить с партизанами-украинцами связь, оказывая помощь оружием, патронами и деньгами», «Среди населения правобережной Украины распространялись мои воззвания, призывающие украинцев к борьбе с большевиками», «Украинский народ сам решит свою судьбу. Я докажу это украинскому народу не на словах, а на деле, можете от моего имени сказать это украинскому крестьянину». В подтверждение своих слов Врангель отправил украинским повстанцам полтора десятка пулеметов, четыреста винтовок и миллион патронов. Жители Запорожья встречали врангелевцев как освободителей от коммунистической чумы.

Аналогичную позицию занимали Царский генерал Павел Скоропадский, ставший Гетьманом «самостийной» Украинской Державы и Царский генерал Пётр Краснов, волею тех же судеб, ставший Атаманом «самостийного» Казачьего Присуда.

«Гетман и Атаман первою задачею ставили борьбу с большевиками и уничтожение большевизма в России и только по завершении этой задачи они склонялись решать вопрос о будущем России. Добровольческая армия («Деникинская»! – это архиважно – ред.) ставила если не первой своей задачей, то, по крайней мере, задачей одновременной с борьбой с большевиками «объединение осколков бывшей России в Единую, Неделимую Россию» — иными словами, уничтожение самостоятельной Украины, самостоятельной Грузии, посягательства на полную автономию Крыма, Дона и Кубани. Если Скоропадский и Краснов, как русские люди, не менее русские, нежели Деникин, могли пойти на это, то гетман и атаман идти на это, не предавая избравший их народ, не могли. — Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское.

Несмотря на бытующий миф о «едино-неделимстве» Верховного Правителя Колчака, он занимал в «самостийническом» вопросе позиции отнюдь не «экстремистские». На сайте кёнигсбергского прихода св. Царя-Мученика Николая II юрисдикции РПЦЗ, размещена большая работа «Колчак, Маннергейм и Украина. Разоблачение одной лжи» (<https://www.rus-orden.com/Docs.aspx?doc=texts/120218news.html>). Полный текст желающие найдут по указанному адресу, мы приведём лишь «украинские» фрагменты:

Эпизод из жизни Адмирала

Можно ли быть уверенным в исторической достоверности представления о событиях прошлого, если оно не вписывается в картину, оставленную хорошо осведомленными, располагавшими широким доступом к архивам участниками этих событий? Тем более, если участники-то ещё и оценивали их с противоположных позиций.

Вопрос, разумеется, с намёком. Все мы более или менее осведомлены о критериях исторической достоверности, однако не всегда это мешает верить тому, чему поверить очень хочется. То бишь на практике критерии играют второстепенную роль. Ситуация, когда влиятельные в обществе силы или умонастроения обуславливают толкование прошлого в угоду текущей политической конъюнктуре, не просто банальна – она доминирует в нашем опыте.

Постараемся же – на фоне этого опыта – разобраться в одном эпизоде из жизни А. В. Колчака, приняв в качестве исходного пункта тексты весьма осведомлённых и противоположных по идеяным установкам участников событий 1919 года – британского политика У. Черчилля и советского историка Г. Эйхе. Кому-то это может показаться странным, но факт есть факт: они сходятся в оценке политической расчетливости Верховного Правителя, они оба указывают на готовность пренебречь популярным у правой русской публики чаянием целостности империи ради достижения главной цели – уничтожения большевизма.

Чтобы убедиться в отношении Эйхе достаточно прочесть С. 119 – 120 его книги «Опрокинутый тыл» (М., Изд. МО, 1966). Там прямо сказано, что Колчак не только не провозглашал лозунг «За единую и неделимую!», но и самого Деникина призывал этой идеей поступиться, причем приведены собственные слова адмирала: «Я готов временно считаться с фактической независимостью Украины, равно как с установленвшейся границей Польши, с тем, чтобы согласовать военные действия наших, украинских, польских и прочих антибольшевистских сил».

Что же касается Черчилля, то лучше всего обратиться к 9-й главе его бессмертного труда «Міровой кризис» (М., Л., Гос. военное изд., 1932), где на С. 116 – 118 подробно рассказано, как Колчак получил признание де-факто со стороны союзных держав, согласившихся принять условия, включавшие, между прочим, признание независимости Финляндии и – урегулирование отношений с Латвией и Эстонией «путём взаимных соглашений» или, если не удастся, через арбитраж Лиги Наций. Колчак согласился с поставленными условиями полностью (как выразился Черчилль, ответил по всем пунктам «удовлетворительно»).

Одна малоизвестная телеграмма Колчака

День 31 августа 1919 года, когда войска Деникина вытеснили части армии Петлюры из Киева, несомненно принадлежит к числу важнейших моментов Гражданской войны. Именно это событие стало последним толчком для Польши к заключению секретного договора о перемирии с большевиками, и оно же явилось одной из причин срыва плана совместного с Юденичем наступления трёх прибалтийских стран и Финляндии на Петербург. Хотя независимость Украины міровое сообщество признавать не собиралось, абсолютное нежелание Деникина считаться с фактом существования украинского народа было воспринято соседними странами как яркое

свидетельство империалистических устремлений вождей Белого движения.

И вот в этот критический момент А. В. Колчак счёл необходимым откровенно изложить А. И. Деникину свою установку по вопросу «единства и неделимости». Высказался он в секретной телеграмме, которая в 20-е годы широко обсуждалась в советской исторической литературе. Ниже приведен её полный текст.

«Екатеринодар, генералу Деникину. Вооружённое столкновение с петлюровскими войсками может иметь гибельные последствия. Вполне разделяя ваши отрицательные отношения к проявившимся стремлениям отдельных областей присвоить суверенные права и к тенденциям возсоздать Российское государство на началах конфедерации, я полагаю, однако, что в сложившейся обстановке более опасны враждебные разногласия, несогласованность, тем более столкновения отдельных частей освобождённой территории. Дальнейшее промедление в деле свержения большевиков грозит полным разорением государства. Перед этой опасностью тускнеют прочие. Поэтому я отношусь с полной терпимостью к объявлению Юденичем самостоятельности Эстонии и готов, если это понадобится, временно считаться с фактическою независимостью Украины, равно как с уставившуюся восточною границею Польши, с тем чтобы согласовать военные действия наших украинских, польских и прочих антибольшевистских сил. Собирание Руси не может быть делом месяцев, поэтому я считаю временное раздробление единого Российского государства неизбежным злом. Оно исчезнет, когда установится мир в стране и сильная центральная власть, способная обслуживать насущные нужды истомившегося населения, будет притягивать к себе отпавшие временно части. Сообщая об этом, подчёркиваю, что я готов терпеть, но не покровительствовать описанным тенденциям. Колчак» (Цитируется по 14-й главе книги советского историка Корнатовского Н. А. «Борьба за Крас-

ный Петроград», изданной в 1929 году (Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. М., 2004. С. 502).

Нетрудно видеть, что эта установка камня на камне не оставляет от популярной сейчас легенды о великоледжавном идиотизме Колчака, то есть о том, что из-за тупой приверженности идеи «единой и неделимой» Колчак потерпел поражение в войне, сдал Россию интернационалистам-большевикам и погиб сам. В частности, крайне сомнительным представляется упорно разносимый по Рунету без сколько-нибудь убедительной ссылки на источник рассказ о его размолвке с Маннергеймом. Будто бы тот предложил ему в июне двинуть 100-тысячную финскую армию на Петербург в обмен на признание независимости Финляндии, а в ответ услышал гневную отповедь (в одном варианте: «Я Россией не торгую!»).

Таким образом получается, что злосчастный и даже роковой лозунг о «единой-неделимой» выдвигал только лишь ген. Деникин, самый, мягко говоря, «специфический» из всех Белых вождей. Он, кстати, единственный, кто имел реальные шансы освободить от красных Москву в конце лета 1919 года, но предпочёл этого не делать. Деникин – такой белый «вождь», который просрал буквально всё: и военную политику, и национальную политику и «рабоче-крестьянскую» социальную политику и т.д. Причём, он единственный опять же, кто «ни ухом ни рылом» не повёл в знак признания «своих ошибок» (хотя бы! – не говорим уж о «покаянии»). Накануне Второй Гражданской войны 1941-45 гг., Антон Иваныч опять же единственный из «белых вождей» занял «оборонческие» позиции, с лозунгом «единого-неделимства» теперь уже СССР. Причина, полагаем, не только в персональной бездарности А.И.Д. как главнокомандующего, как правителя, как идеолога и т.д. (литератором вот только он был небезталантным – но се единственный деникинский «талант»). Наводит на мысли: его парижских «соседей» генералов Кутепова и Миллера чекисты похищают средь бела дня в Париже, а

«самого» Деникина никто не трогает и пальцем (даже позднее, при немецкой оккупации Франции, ни одна пылинка с деникинского спинжака не упала, несмотря на известное его германоедство). Надеемся, национал-конспирологи будущих лет «разберутся что почём», мы же в дополнение приведём выразительный документ «Открытое письмо Деникину» от колчаковского офицера Д. из Харбина, по смыслу близкое приведённой выше телеграмме Адмирала, но более отчаянное и недипломатическое «по тону», ибо Деникиным уже было «просрано всё что возможно и невозможно»:

Открытое письмо генералу Деникину

Из письма к редактору «Нового Слова»

Дорогой Владимир Михайлович!

В своём последнем докладе, к нам дошедшем с большим запозданием, Деникин по обыкновению браня харбинцев, посвятил и мне несколько ругательных строчек.

Поскольку я был задет, как «корреспондент берлинского листка «Новое Слово», аппелирую к праву сотрудников раз считывать на защиту своей газеты. Зная, насколько вы щепетильны в вопросах журналистической армии, — в осуществлении этого права не сомневаюсь. За то же говорят и наши добрые отношения и моё тесное сотрудничество с «Новым Словом».

За последнее время в Европе очень много было напечатано самых разных сообщений о некоторых частностях нашего здесь положения. Пользуюсь случаем, чтобы коснуться целого, и его основной сути.

На всякий случай копии статьи и письма посылаю также и через Суэц.

Крепко жму вашу руку.

Ваш Дэн.

Прим. ред. В своих последних выступлениях б. главно-командующий Добрагармии ген. Деникин неоднократно делал выпады как по адресу «Нового Слова», так и по адресу

его отдельных сотрудников. Верное своей традиции «Новое Слово» — не откликалось на выпады ген. Деникина. С чувством незаслуженной обиды внимали мы несправедливым обвинениям нашего бывшего главнокомандующего, за которым мы в своё время добровольно пошли во имя освобождения родины.

К сожалению, парижские выступления А. И. Деникина приняли характер грубых инсинаций, направленных в личный адрес старейшего сотрудника «Нового Слова», харбинского его корреспондента Дэна, боевого офицера, тяжело раненного в минувшую войну. Редакция никогда не позволяла и впредь никому не позволит задевать доброе имя своих сотрудников, являющихся вдохновенными носителями Белой идеи и её верными рыцарями.

Милостивый государь, Антон Иванович!

Только сейчас до нас дошёл в выдержках ваш последний доклад, посвящённый текущим политическим событиям. Говоря о положении на Дальнем Востоке, вы несколько не очень лестных строк благоволили посвятить мне. Уже неоднократно вами выдавались сердитые, но, к сожалению, далёкие от объективного понимания сути дела, аттестаты русским дальневосточникам. Повторность выпадов заставляет меня воспользоваться личным поводом, дабы ещё раз поставить вопрос, затронутый слишком издалека и слишком с кондачка. Если и не вам лично, то всё же некоторым вашим слушателям, может быть не безынтересно узнать, чем руководствуются харбинцы безапелляционно вами зачисленные в лагерь безстыдников, пораженцев, изменников и т. д.

Сначала разрешите *«pro domo sua»*.

Во время сибирского Ледяного похода, отступая в рядах армии Колчака, я заболел возвратным тифом и был оставлен на станции Иннокентьевская (близь города Иркутска). Пять тяжёлых лет прошли в советской России. Только в 1925 году удалось бежать в Маньчжурию.

Всё, что видел, слышал и пережил (а видел, слышал и пережил очень и очень много), привело, в конечном счёте, к некоторым основным выводам. Вот что там было проверено, продумано и выстрадано.

Родной мой город — Казань. В 1921 году я пробрался на Волгу, прячась как тать, под чужим именем. Культурная столица когда-то цветущего края, старинный российский университетский город стремительно терял свою рускость. Татарский язык и в учреждениях, и в школах. Татарские названия улиц. Все чужое и отчасти даже враждебное. Украинскими стали города Малороссии. Бурятским — Верхнеудинск, сартским — Ташкент.

Скрытые большевизаны утверждают, что теперь ситуация иная. Какая чушь! Могут процветать, или наоборот стреляться Скрыпники и Любченки. Может в ту, или иную сторону колебаться флюгер советской ориентации в «национальном вопросе», но бытовая его сущность остается совершенно неизменной, а ведь это и есть самое важное, а к тому же, ныне подкрепляемое двадцатилетней давностью.

Внутренний сепаратизм, внутренняя сталинская интервенция (куда более страшная, чем всякая заграничная) въедаются в жизнь год за годом. Год за годом разъедается цемент, скрепляющий отдельные кирпичи всероссийского здания. Для меня, Антон Иванович, это не теория, а реальность. Я её видел и чувствовал. Исподтишка злые ненавистники нашей великодержавности подтачивают дело Петра и Екатерины. Саркома проникла ещё глубже. Потревожены крепкие кости самих собирателей земли русской — царей Иванов.

Почему деятели столь нежно чувствительные к каждому внешнему прикосновению у драгоценных границ концлагерной социалистической родины, вовсе стыдливо обходят эту не придуманную, а, из плоти и крови в действительности существующую проблему? Она-то существует не в пылком воображении защитников сталинской неприкосновенности, а в трагической для нас реальности.

Другой процесс, который мы также обязаны отнести к разряду самых важных, самых главных, для нашего государственного бытия основных — процесс систематического устремления российского отбора. Страшная практика постепенно приводит к убеждению каждого представителя внутренней эмиграции, что рано, или поздно придёт его черёд. Ненависть подчеловека к любому мало-мальски образованному индивиду в крахмальном воротничке, или без оного, — неисчерпаема. Надо повариться в тамошнем соку, чтобы почувствовать Дамоклов меч победоносной, распоясанной лютой зависти. Для её насыщения всегда находятся объекты.

Биологический отбор, создаваемый веками, подвергается истреблению одинаково интенсивно и в городах, и по всей деревенской периферии (кулаки). Какими-то сложными путями образовалась дьявольская обстановка, при которой пласт за пластом снимаются, на протяжении двадцати лет, сливки русской нации. Вот где корень самой страшной опасности. Вот от какой стенки надо танцевать при оценке сути русской катастрофы.

Уже находясь здесь я узнал, что в Поднебесной империи также когда-то тайфуном пронёсся свой туземный большевизм и также уничтожил элиту нации. После нелепейшего самопожирания, Китай и пришёл в своё нынешние сывороточное состояние. Вольное, или невольное стремление превратить «шестую часть суши» в сплошную сыворотку не только для меня, но, вероятно, для очень многих, дышавших советским воздухом, очевидно. Уничтожили интеллигенцию, уничтожили цвет крестьянства, а теперь уничтожают всё, что сумело подняться, выбиться наверх за годы революции. Имею в виду беспартийных. (Самопожирание коммунистических скорпионов — маленькое утешение в нашем огромном горе).

Мои тамошние попытки конспиративной работы, несмотря на всю осторожность и некоторый прежний (по белым организациям) опыт — кончились плачевно. Когда каждый

третий или, в лучшем случае, пятый — вольный или невольный секст — любая, сколько-нибудь серьёзная конспирация автоматически накалывается на шипы провокации. Менее счастливые погибли, остальные спаслись бегством.

Оказавшись в Харбине я поделился невольным опытом с читателями харбинской газеты «Русское Слово». Поделился, подчёркиваю в 1926 году. Суммирую всё тогда сказанное.

1. Советская власть гораздо вредоноснее и страшнее для наших правильно понятых национальных интересов, чем это казалось в начале гражданской войны.

2. Россия уничтожается изнутри, сгорает на внутреннем огне, и каждый год промедления — величайшее бедствие.

3. Надо оставить убаюкивающие надежды на восстания и на возможность эволюции большевиков. И то, и другое исключается.

4. Мы обязаны искать не те способы освобождения, которые кажутся наименее рискованными, а те — за которыми реальность.

5. Единственный реальный шанс падения советской власти — внешняя война.

6. Что ждёт русское государство после военного разгрома большевиков — неизвестно, но всякий этап по сравнению с этапом большевистского выедания российской сердцевины — благо.

Всё это я писал, повторяю, в 1926 году, когда ещё эмигрантские попутчики большевиков не обзываали инакомышляющих «пораженцами» и когда дули совсем иные международные ветры. У харбинских обывательских сусликов, жонглирующих паспортами (советскими и прочими) с легкостью факиров-фокусников, а также и у некоторых высокомудрых публицистов мои горькие высказывания не встретили сочувствия. На страницах другой газеты мне доказывали, что «установка на внешнюю войну» уже по одному тому порочна, что вообще «никто и ни при каких обстоятельствах никогда с советами воевать не будет, ибо сверже-

ние большевиков вообще иностранцам — не выгодно». Так рассуждали тогда. Думаю теперь так (столь категорически) рассуждать уже не станут. Годы, проведённые за рубежом, в ещё большей степени укрепили правильность поставленных сразу после бегства диагнозов. Все новые свидетельства очередных беглецов «оттуда» углубили и уточнили всё вынесенное за скобки в итоге личного соприкосновения с советской действительностью.

Перехожу к следующей теме — к определению вех, которые беру, как руководящие для наших дней.

1. Между 1932 и 1934 г.г. Харбин в быту своём пережил решающий катаклизм. Кончился соблазн и двусмысленность в связи с господством большевиков на дороге, где гуттаперчевый оппортунист «цвёл, брёл, приобрёл». Позакрывались многие иностранные конторы. И, наконец, что может быть, самое существенное, стал внедряться новый японский жизненный стандарт, гораздо более экономный по сравнению с колониальными размахами былого Дальнего Востока.

Харбинцев, пользуясь образным сравнением, «перешли на узкую колею». По собственному опыту знаю сколь чувствительно это отражается на личном бюджете. Бытие, если не всегда, то всё же очень часто определяет сознание. Для части харбинских жителей органически чуждых всякой политике, подобное изменение бытия весьма драматически сказалось на сознании. Заклубилось обывательское раздражение. Стала создаваться соответствующая оппозиционная атмосфера.

Прежние хозяева положения — китайцы, нуждались в нас, как в «спецах», а вместе с тем свой шовинистический аппетит обуздывали неуверенной оглядкой на внешние силы. В тех случаях, когда отпадали сдержки, гоминдановская ксенофобия проявлялась в формах совершенно безпардонных, беззаконных и жестоко-брутальных. Японцы имеют сколько хотите своих безработных специалистов. Не приходится им также на кого-то и как-то оглядываться. А вот, тем не менее,

налицо совершенно очевидное стремление по возможности облегчить для нас переход на новые рельсы.

В качестве примера сошлюсь хотя бы на прежнюю Китайско-Восточную железную дорогу. Около этой теперь японской дороги, кормятся несколько тысяч эмигрантов в большинстве в момент приглашения на службу вовсе не знавших японского языка. Вообще же, почти как правило, каждый русский свободно владеющий японским — не остается без работы.

2. Противоположным во всех смыслах является отношение японцев к красным. До 1932 года советчики имели сколько хотите и тайных и явных командных позиций. Всякая борьба с ними носила до смешного паллиативный характер. После 1932 года картина стала совсем иной. Уже по настоящему все редуты Коминтерна взорваны. Та сила, скорпионы которой болезненно чувствовали на себе эмигранты (конечно из непримиримых) без всяких китайских церемоний вышвырнута за борт.

3. Сюда все больше приезжает новых людей на Японии. Маньчжурский климат оборачивается для них не матерью, а мачехой. Безжалостно косит приезжих южан воспаление лёгких. Почва края в той же мере неблагоприятна культуре типичной для островов Восходящего Солнца. Фиксируем это обстоятельство и от себя добавим, что климат Сибири ещё более суров, а в почвенном отношении сибирские просторы ещё дальше отходят от Ниппона.

4. Теперь немного исторических воспоминаний. Япония имела полную возможность стать в отношении России «агрессором» первый раз в 1914 году, а позже в годы войны гражданской. Разговоры о том, что островитяне прекратили интервенцию якобы под давлением Америки — совершенно очевидная несуразица. В какой мере Штаты беспомощны на Дальнем Востоке, сейчас красноречиво показали нынешние боевые грозы на юге.

В качестве обобщения для всех вышеперечисленных абзацев приведу выдержки из беседы с одним местным деятелем:

«...Империя Ниппон, — сказал мой собеседник, — по понятным причинам не имеет практической заинтересованности в экспансии на север. Северные холодные просторы не отвечают интересам нашей колонизации. Для нас естественна экспансия на юг — в те страны, где можно расселять колоссальный избыток вашего крестьянского населения. На севере мы желаем иметь дружественного соседа. Одно время думалось, что им, преобразуясь в конечном счёте, сможет стать советский союз. Опыт, однако, показал обратное. Ужиться с красными невозможно. Мы медленно думаем, но зато решаем твёрдо. В эмигрантах наши вожди хотят видеть будущих граждан той новой русской власти, которая придёт на смену большевизма, и с которой нам делить нечего. Зато в отношения коммунистов, мы теперь непримиримы. Непримиримостью определяется и наше отношение к подданным совнаркома.

Империя не может жить в кольце врагов. Империи, хотя бы со стороны Сибири, необходим друг. Я верю, что желанным для нас другом скоро станет национальная Россия...».

Объективное фиксирование фактов и логические выводы из них вытекающие, дают право отнести с доверием к воспроизведённому. В Японии имеются деятели более дальновидные и менее дальновидные. Те, кто смотрит упрощённо, может быть, рассчитывают в качестве платы за помощь добыть пригодные «клочки территории». Те, кто привык думать глубже и шире, предпочитают не давать волю национальному эгоизму и не разрушать левой рукой то, что создаётся правой. Одно очевидно: если и приходится ставить вопрос о «плате» — здесь, во всяком случае, она внушает меньшее опасений.

Решайте сами, Антон Иванович, чем должен руководствоваться политический корреспондент политической газеты. Обывательскими претензиями или решающими предпосыл-

ками нашей постоянной и основной эмигрантской генеральной линии.

Вероятно, всё здесь сказанное отнюдь не совпадает с вашей, раз навсегда принятой программой.

Деникинская тактика общеизвестна. Общеизвестно также, что получалось в итоге осуществления на практике деникинской тактики.

Двадцать лет тому назад вы держали в руках синюю птицу. На ваши гордые плечи судьба возложила величайшую ответственность — драгоценнейшую ношу: возложила участь России. От главного лидера великой российской контрреволюции вправе была ждать, что каждый даже самый ничтожный шанс, в великом деле будет использован. Что ни один самый крошечный попутчик не пройдёт мимо. Что для вас понятен и в вашем положении морально вполне оправдан принцип Макиавелли «цель оправдывает средства».

Но вот что получилось на деле. Вместо напряжённейшей осторожности, апломб, самомнение, никого нам не надо, сами с усами, всех шапками закидаем. Вместо испепеляющего сознания своей ответственности, когда человек горит ею, как свеча перед Господом, — твёрдокаменная узость и само-влюблённое легкомыслие.

Вы говорите о политике. Какой анекдот? Вся ваша, с позволения сказать, политика свелась к прошибанию стенки лбом. Прошибанию жизнями и кровью молодых энтузиастов, доставшихся вам от Корнилова.

Недавно некий польский генерал на весь мир хвастался по радио, как ловко покойный маршал Пилсудский провёл и вывел генерала Деникина. В том, что поляк оказался гибче и не побоялся для своего отечества пойти на лукавство — ещё пол беды. Беда в том, что в итоге этой лучшей гибкости, этой лучшей готовности во имя родины откинуть всякое чистоплюйство, Польша сейчас добилась чего и во сне не видела. Россия же так опустилась, как не мерешилось её самым злейшим врагам.

Государства создавались не буйволами, а гениальными лисами. Собиратели земли русской, цари Иваны, шли на любое вероломство для своей земли-матери. А французский собиратель — Людовик XI? — К чистоплюям его также не причислишь. За какие грехи нам так угораздило, что в ответственный миг истории судьба послала на наш капитанский мостик вас, Антон Иванович.

Один из ваших немногочисленных сторонников усиленно внедрял в моё сознание, что в итоге всех итогов вы ничем не замарали вашу личную честь и в нерушимой белоснежности сохранили чистоту своих риз.

Позвольте вам заметить, что кроме риз чести и прочих приятных вещей, существует ещё и долг, а долг, как мне кажется, выше чести. Долга перед отечеством во взятом на себя моральном обязательстве принять все меры для выигрыша гражданской войны, вы, извините, не выполнили.

Теперь представьте себе на минуту всю безграничную чашу российского горя. Волжских мужиков, поedaющих собственных детей, несчастных затоптанных, заплёванных концлагерников, погибающих лютою смертью под чекистскими каблуками, наших осквернённых женщин, наших загаженных беспризорных детей и в качестве компенсации за всё пережитое тряхните перед ними честью и ризами. Неправда ли, какое для них утешение, для них, для всех потонувших в крови и слезах в итоге белого крушения и по вашей, Антон Иванович, главный образом, — вине.

Позор, разорение и безконечно возросшая плата за освобождение, а также десятки миллионов, таких же, как мы с вами, русских людей, в той же мере имеющих право и на жизнь и на радость. — Неужели же всё это не перевесит денкинской белоснежности.

Сейчас вы снова выступили с вашей стенобитной тактикой. С вашим заскорузлым примитивом, выдаваемым за истинный патриотизм. (Население, его гибель, страдания, вырождение — пустяки. Границы — вот это вещь). Так можно

было ошибаться еще двадцать лет тому назад, но дикими кажутся повторные ошибки теперь.

Я — частица пущечного мяса белого движения. В потоке безрезультатно прошумевшем, есть и моя капля крови и моя доля горя. Не ошибусь, если от имени всех своих боевых товарищей замечу вам, что больше вашего медного гласа мы не послушаем. Считая свержение большевиков прямым и единственным русским кровным делом, задираться со всеми, кто встречается на пути по вашему приказу, не станем. Будем не врагов, как вы советуете, всюду подозрительно искать, а спутников до ближайшей исторической станции.

Говорят, что Колчака бросили, оставили и предали. Всё это верно лишь отчасти. Боюсь, что наряду с предательством имелось и стремление самого адмирала смертью искупить свою долю ответственности за неудачу.

Вы поступили иначе. Предпочли спокойно уехать заграницу. Предпочли вместо того, чтобы хотя бы сидеть смирно, снова выступать с тем же апломбом и с теми же провалившимися банкротными рецептами.

В вашем окаянном положении, Антон Иванович, надо не доклады читать, и не поучениями заниматься, а в кровавых слезах молить у Господа Бога милостивого — прощения за свои страшные ошибки; за свои неисчерпаемую вину перед мученицей Россией.

(«Новое Слово», 2 апреля 1939 г., № 14).

Выдающийся русский философ Иван Ильин в 1920-гг. притязал на статус ведущего идеолога Белого Дела. Его «критики» не без некоего «резона» замечали, что И.А. сам в Армии никогда не служил (ни в Императорской «до-», ни в Белой «после-» Революции), да и все годы Гражданской войны «просидел» в Москве (хотя уверял, что вёл «подпольную» антибольшевицкую работу), т.е. на территориях, где непосредственно велась Белая Борьба столь превозносимыми им Корниловым и Врангелем (Дон, Кубань, Крым) проф. Ильин

не был... Но, что бы не утверждали «критики», для нас «весомее» то, что и сам Генерал Врангель, и такие его ближайшие сподвижники, как ген. А. фон Лампе, статус И.Ильина как ведущего идеолога Белого Движения готовы были признать. Так, 8 августа 1925 г. П. Н. Врангель в письме И. А. Ильину сообщает о сильном впечатлении, которое произвела на него «своей исключительной своевременностью» книга философа «О сопротивлении злу силой». «Многие, духовно утомлённые тяжкими годами изгнания, теряют веру в нравственную необходимость борьбы и соблазняются мыслью о греховности “насилия”, которое они начинают усматривать в активном противодействии злу, - указывает Врангель. Ваша книга откроет им глаза» etc. А вот как раз таки ген. Деникина – единственного среди «белых вождей» - проф. Ильин активно «не-любил», мало того – презирал... Спустя пару месяцев после того, как Антон Иваныч «кони двинул», Ильин пишет в письме от 23.IX.1947 к своему многолетнему конфиданту – Ивану Шмелёву: «Очень пожалел о Вашем некрологе Деникину. Храбрый и честный патриот, он ...был чрезвычайно личным и лично мстительным человеком, не останавливавшимся перед наветом и даже клеветой (его четвертый том возмутителен по отношению к Краснову) ...Деникин постоянно клеветал на врангелевцев и ещё недавно по прибытии в USA возмутил всех нареканиями на ген. А. А. фон Лампе, будто тот работал с Хитлером, — такая же клевета, какую возводили в Париже на Вас!!» (Переписка двух Иванов (1947 — 1950)// И.А. Ильин — И.С. Шмёлеву 23.IX.1947). Впрочем, Herr Professor тут слегка «лукавит», называя «клеветой» то, что фон Лампе и Шмелёв «работали с Хитлером». Наверное, тут «личное» перевесило, уж больно хотелось Деникину и сие «лыко впендюриТЬ в строку». А ген. фон Лампе и великий писатель Иван Шмелёв всё таки «работали с Хитлером» (и только в глазах «деникиноподобных» се можно счесть чем-то «порочащим»; скорее уж – опорочить может обратное, типа деникинского «оборончества»). Со-

трудничество «оклеветанного в Париже» Шмелёва с прогитлеровским изданием «Парижский вестник» - такой же исторический факт, как и членство генерала фон Лампе в КОНР. И сие, повторимся, делает им честь. Да и сам проф. Ильин пытался «работать с Хитлером». В своё время, когда Хитлер пришёл к власти в Германии, Ильин откликнулся блестящей статьёй «Национал-социализм: 1. Новый дух». Она была напечатана 17 мая 1933 г. в № 2906 парижской эмигрантской газеты «Возрождение». Статья была задумана как первая, но продолжения не получила. В этой статье русский философ выступил как апологет национал-социализма: «До сих пор европейское общественное мнение всё только твердит о том, что в Германии пришли к власти крайние расисты, антисемиты, что они не уважают права, что они не признают свободы, что они хотят вводить какой-то новый социализм, что все это «опасно» и что, как выразился недавно Георг Бернгард (бывший редактор «Фоссише Цайтунг»), эта глава в истории Германии, «надо надеяться, будет короткой»... Вряд ли нам удастся объяснить европейскому общественному мнению, что все эти суждения или поверхностны, или близоруки и пристрастны. Но постараемся же хоть сами понять правду». Примечательно и то, что Ильин считал, что немецкий Национал-социализм близок по духу Белому движению, идеологом которого он был сам: «Словом — этот дух, роднящий немецкий национал-социализм с итальянским фашизмом. Однако не только с ним, а еще и с духом русского белого движения». «Возможно, что национал-социалисты, подобно фашистам, не разглядят этого духовного средства и не приладут ему никакого значения, им может помешать в этом многое, и им будут мешать в этом многие. Но дело прежде всего в том, чтобы мы сами верно поняли, продумали и прочувствовали дух национал-социалистического движения. Несправедливое очернение и оклеветание его мешает верному пониманию, грешит против истины и вредит всему человечеству. Травля против него естественна, когда она идёт от Коминтерна; и противоестественна, когда она идёт из небольшевистских

стран. Дух национал-социализма не сводится к «расизму». Он не сводится и к отрицанию. Он выдвигает положительные и творческие задачи. И эти творческие задачи стоят перед всеми народами. Искать пути к разрешению этих задач обязательно для всех нас. Заранее освистывать чужие попытки и злорадствовать от их предчувствуемой неудачи — неумно и неблагородно. И разве не клеветали на Белое движение? Разве не обвиняли его в «погромах». Разве не клеветали на Муссолини? И что же, разве Врангель и Муссолини стали от этого меньшее?». Ивану Шмелёву сия статья Шмелёву, кстати, понравилась до чрезвычайности, о чём он не преминул написать Ильину: «С великим захватом читали Вашу статью о национал-социалистах, первую. Великая Вам слава — за истинное, и за доблестное Ваше. Большая правда» (Переписка двух Иванов (1927 — 1934) // И. С. Шмелёв - И. А. Ильину 23.VI.33). То, что с «работой» с НС у проф. Ильина «что-то пошло не так», се — особая тема, о коей зде «не леть глаголати подробно» (2Кор. 12, 4). Скажем лишь, что ни Хитлер, ни даже Гестапо тут не при чём — дело во внутренних склоках среди русской право-эмигрантской колонии в Германии, в коих «герр Профессор», увы, сверхъактивно участвовал, но оказался среди «проигравших»...

Наследники Красных, неосовки дней нынешних зело любят ссылаться на Деникина, отправляя ритуалы своего культа «Победы в ВОВ», иль клеймя «бандеровцев»... Надобно и наследниками Белых, антисоветчикам днешнего дня, «поменьше» слушать «банкрутные рацеи» Деникина, и «побольше» Корнилова, Врангеля и Колчака... А про «роковую идею» забыть: навсегда иль «до лучших дней», как Бог даст... А помнить про «завет» ген. Врангеля: «хоть с чортом, но против (нео)большевиков!». Ну, может, настоящих-то чертей в «союзники» надо принимать с осторожностию, хотя... Чорт определённо лучше большевика: большевик Бога ни в грош не ставит, а чорт — верует, трепещет и слушается...

Кирилл Монастырский

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ВРАГ СОВЕТЧИНЫ

«Скандал», разгоревшийся вокруг дугиноидной «школы им. Ильина» приобрнажил нечто «глубинное», за «шумовой завесой» пропаганды, да и бросто болтологии в моногоразличных СМИ не всегда приметное. А именно: ту *онтологическую пропасть, что разделяет «совецкое» и «русское»*, даже ежели (как то у красноперых принято) совецкое либо выдаёт себя «за русское», либо прикрывается им.

Примечательный «штришок»: Ильин аттестуется агитпропом как «любимый философ сами-знаете-кого» и одновременно является «запрещённым» за «фошизм». Некий тг-юзер подъяблунул: «Решил почитать русского философа Ивана Ильина, в честь которого в РГГУ шумно и скандально создаётся учебно-научный центр, образца 1954 года, а вылезает вот такое. «Материал заблокирован на территории РФ на основании решения генпрокуратуры от bla-bla-bla»... И смех, и грех». (@decadentmrr).

В любой *экзистенциальной войне* (а наша война с красивыми и белосовками именно такая) надо бить «по корешкам», а не «по вершкам». Наблюдая за вакханалией вокруг «ВПШ им. Ильина» должны сказать, что аргументы обеих сторон, а точнее «двуликого Януса» леваков и псевдоконсерваторов крайне однотипны. Но и те, кто желает защитить добре имя русского философа часто «быют в молоко».

В чём же проблема? В том, что внимание приковано исключительно к 1930-м гг. и 1941-45 гг. Для интербелума симпатии к Гитлеру и тем более Муссолини не являлись чем-то непристойным; в годы советско-германской войны Ильин придерживался в швейцарской прессе отстранённого ней-

траплитета, сочувствуя при этом простому русскому народу, зажатому в жерновах двух тиранов (не «гитлеризм», но до «советооборончества» там далеко). Как нам кажется, нанести реальный coup de grâce по новоявленным «ильинистам-путинистам» (не смыкаясь с левачьём) можно, обратившись к политической позиции Ильина в строго определённый период. И это не 1930-е гг. и не 1941-1945 гг. Это 1945-1953 гг., период сусального, «а-ля russ» позднего сталинизма, который в РФ воспринимается «золотым веком державы». Возвращение ампирной эстетики, борьба с космополитизмом и сионизмом, вассализация Центрально-Восточной Европы (плюс позабытые эпизоды вроде территориальных претензий к Турции и Ирану), покровительство Китаю с позиции «старшего брата» – от всего этого, что у евразийца, что у руната, что у охранителя происходит поллюция. *И быть надо именно по этой болевой точке национал-большевицкого чудовища.*

По отношению к СССР эпохи «тоста за русский народ» Ильин беспощаден. Не будем нагружать читателя громоздкими цитатами, каждый может сам открыть ПСС Ильина и увидеть, что многие его пассажи касательно «позднего сталинизма» неотличимы от «иноагентского» «Мемориала». Ситуативные статьи вроде «Какова численность оккупационной армии Советов в Европе?» (1946) и «Сколько заключённых в концентрационных лагерях?» (1946) уже на уровне заголовков исчерпывающе маркируют Ильина как противника «державы-победительницы».

Культ 9 мая в 2024 г. – он как раз про сталинский СССР, диктующий миру свою волю. Про советские гарнизоны в Берлине и Варшаве, а не про Сталинград и Курскую дугу. Но для Ильина система, сформированная по итогам «Великой Победы» это буквально *царство сатаны*, даже похуже, чем в 1920/30-е. «Государство нового типа» теперь отложено, закалено и настроено на «последний решительный бой», в т.ч.

в виде атомного армагеддона. В эти годы Ильин много пишет об советской «охоте за черепами» (энкавэдэшных арестах эмигрантов) в Европе и на Дальнем Востоке, коммунистическом терроре в Восточной Европе, заступается за иерархию РПЦЗ против «советского патриарха Алексия Симанского», выступает в защиту малых государств, поддерживает Макартура в Корейской войне (против «наших лётчиков»). Знаменитая статья «Советский Союз не Россия» написана в 1947 г. – время, когда по Дугину и Холмогорову СССР максимально приблизился к исторической России, если не полностью отождествился с нею. Скончался Ильин в 1954 г. и, таким образом, его призывы не примиряться с «русскоцентричным» сталинизмом следует считать подлинным **«завещанием Ильина»**. С исторической политикой путинизма оно несомненно совместимо.

Но именно эту попытку «скрестить ужа с ежом» мы видим на примере «кампании за Ильина». На грани кощунства подобно Холмогорову заявлять будто Ильин считал, что «народ должен воевать и победить под командованием Сталина» или, что в оценке Гитлера «Сталин и Ильин... были очень сходны». Стратегия Холмогорова ясна: в РФ любят Сталина, значит для реабилитации Ильина нужно максимально сблизить его с Кобой. Добиваться «примирения красных и белых на почве признания в Ильине государственника» (а постановка вопроса сейчас звучит именно так) – это расписываться в полном непонимании контекста творчества Ильина. Впрочем, что с папуасов взять. Битва «надерганных цитат» она ведь не про русскую мысль, а про аппаратную борьбу за право пилить бабло «по патриотической линии»...

«Русская религиозная мысль и православие, русская религиозная философия за последние сто лет является безспорно высочайшим выражением нашей самобытной культуры, вершиной мысли и творчества», писал в 1935 г. во Франции Владимир Лосский, далеко не самый «правый» из отече-

ственных религиозных мыслителей. И *Русская религиозная мысль всегда была злейшим врагом (опять же, онтологическим!) Советской власти*. Что сама эта власть всегда признавала. Да признаёт, скуя, и доселе, «левой рукой» своей всё также «запрещая» Ильина, коему своей «правой рукой» кадит фимиам... Преполезно выслушать суждение о Русской религиозной философии «немецко-фашистов». В нашем архиве давно хранился некий скан с немецкоязычного издания, к сожалению, без «выходных данных». Судя по всему, се некая протестантская богословская энциклопедия или словарь, в коем обреталась вышеуказанная статья про «русскую философию». В связи с «делом Ильина» мы посчитали благовременным перевести оный текст и воспроизведим его ниже:

Эрих Шик РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

История духовной жизни России до начала 19-го века не знает философии в западном понимании этого слова. Всё мышление определялось благочестием греко-кафолической церкви, основной особенностью которой является поклонение и для которой поэтому всё мышление сводится к лицезрению божественных сущностей. Формально в этой позиции содержится наследие Платона. Несмотря на это совершенно отдельное и отличное от истории Запада развитие, всегда можно обнаружить отдельные западные влияния, хотя и не формировавшие всю духовную жизнь русского народа, но всё же ставшие зародышами будущих процессов развития. Здесь прежде всего следует указать на влияние послереформационной мистики, первоначально - преимущественно на русские секты; весьма важная для истории духовной жизни взаимосвязь, которая проявляется лишь в общих чертах, но сохраняет свое влияние вплоть до *мира идей* сегодняшних великих русских мыслителей. В противоположность этому, в 18-м веке идеи французского Просвещения влияли на при-

дворные круги, не затрагивая, однако, русский народ в целом.

– Участие России в наполеоновских войнах означало начало процесса, в ходе которого русская духовная жизнь в своей совокупности соприкоснулась с Западом. При этом как материалистические тенденции, так и религиозные силы западноевропейской духовной жизни стали могучим потоком влияться в русскую душу, чтобы пережить в ней весьма своеобразные дальнейшее развитие и переработку. Лишь с этого момента мы можем говорить о новой русской религиозной философии. – Фундаментальное значение имеет при этом изначальное стремление примирить силу веры с силой разума. Поэтому из числа великих немецких философов ближе всего русскому мышлению Шеллинг и Баader. Следуя, прежде всего, за Шеллингом, И. В. Киреевский 1806-1855, основатель славянофильства (имевшего первоначально как религиозный, так и политический характер), видит основу всякого познания в «жизненном знании», то есть в интуитивном религиозном лицезрении последних реалий (Киреевский говорил о «целостном знании», «цельном знании», «цельности духовной жизни», желая, чтобы Истина захватила всего человека, а не только его разум - прим. пер.). Сходным образом А.С. Хомяков, 1804-1860, утверждает, что христианское знание есть произведение не пытливого разума, но душевной и живой веры. Поэтому русская религиозная философия изначально антирационалистична и весьма склонна к тотальности познания. Уже Хомяков затронул одну из главных тем новой русской религиозной философии, учение о Церкви как универсальном мистическом сообществе Тела Христова. Со всем этим процессом развития связан тот факт, что и два величайших русских писателя Л.Н. Толстой, 1828-1910, и Ф.М. Достоевский, 1821-1881, в своих произведениях затрагивают глубочайшие вопросы веры и потому относятся как к истории русской религиозной философии, так и к истории русской литературы. – Пожалуй, наиболее всеобъемлющим и

важнейшим по своему воздействию умом новой русской религиозной философии является Владимир Соловьёв, 1853-1900, получивший свыше дар познания последних тайн. Целью его творчества является великий синтез между западными формами мышления и всей полнотой восточной жизни по вере. Поэтому и в центре его религиозной философии находится личность Иисуса Христа, о чём свидетельствует один из его главных трудов, «Двенадцать лекций о Богочеловечестве» (1877-1881). От фигуры Христа его взгляд переходит на антихриста, сущность которого он, незадолго до своей кончины, с потрясающей силой представил в своих «Трех разговорах» (недавно переизданных К. Рётцелем под названием «Повесть об антихристе» / Die Erzählung vom Antichrist). К синтезу Соловьёв стремится и в церковном отношении, причём перед его взором предстаёт вселенская христианская Церковь, в которой соединяются все подлинно божественные силы, продолжающие жить в римском католицизме, протестантизме и Восточной (Православной – прим. пер.) церкви. Своеобразно учение Соловьева о Софии, женской противоположности Логоса. Здесь он конгениально осмыслил наследие Яакоба Бёме. Живая связь с Богочеловеком, к которой ведёт София – собственно «Вечно Женственное», даёт христианину возможность познать всё преходящее как отражение непреходящего. Поэтому у Соловьёва философская мысль сочетается с великолепным поэтичным языком. – Последователи Соловьёва в своём творчестве находились под неизгладимым впечатлением пережитой ими русской революции, большевизма и эмиграции. Некоторые труды, особенно живущих в эмиграции, мыслителей относятся к числу наиболее значительных феноменов в области современной философии. Ниже будут названы имена, наиболее важные для всей христианской церкви: Флоренский (г. р. 1881) испытал на себе в равной степени влияние Хомякова и Соловьёва. Его главный труд «Столп и утверждение истины». Эта важная и всеобъемлю-

щая сама по себе книга задумана как часть ещё более обширного труда, охватывающего все сферы мышления от математики до эсхатологии, который должен получить название «Философия дисконтинуитета». – Николай А. Бердяев (г.р. 1874) в молодости стремился соединить марксизм с идеалистической философией Канта и Фихте, стал затем издателем отражающего искания его поколения журнала «Вопросы жизни», а после войны 1914-1918 гг. со своими друзьями переходит от идеализма к христианству. В период революции он был одним из мгущественнейших борцов с материалистическим духом коммунизма и в 1919 г. основал в Москве «вольную академию духовной культуры». В 1922 г. он был выслан, жил сначала в Берлине, а с 1924 г. – в Париже. Важнейшие труды этого чрезвычайно глубокого и плодотворного мыслителя: «Смысл истории» (1925), «Мировоззрение Достоевского» (1925), «Смысл творчества» (1927), «Новое Средневековье» (1927), «Философия свободного духа» (1930), «Правда и ложь коммунизма» (1934), «Судьба человека в наше время» (1935), «О предназначении человека» (1935), «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан» (1936), «Христианство и классовая борьба» (1936). Его труд «Смысл и судьба русского коммунизма» (1937) содержит историю духовного развития России христианского периода.

– Фёдор А. Степун (г.р. 1884) также относится к числу учеников Соловьёва. Изучив философию в Гейдельберге, он стал издателем русского варианта журнала «Логос», в период войны 1914-1918 гг. был офицером запаса, а затем драматургом в Москве. В 1922 году он был, одновременно с Бердяевым, из-за «недостатка революционно-пролетарского духа», выслан из страны и перебрался в Германию. С 1926 г. он профессор культурологи Дрезденской Высшей Технической школы. Его главные труды: «Как это было возможно? Письма русского офицера»; «Театр и фильм» (1932) и «Лик России и лицо революции» (1934). Последний, вместе с книгой Бердяева

«Правда и ложь коммунизма», совершенно необходимы для понимания истории и сущности большевизма. – Кроме того, для русской церкви в эмиграции имеет огромное значение Сергей Булгаков (г.р. 1871), профессор и протоиерей, проживающий в Париже. Будучи первоначально специалистом в области народного хозяйства, он обратился к марксизму, однако в поездке заграницу разочаровался в социал-демократии, вследствие чего отвернулся от марксизма и пережил обращение к живому христианству. После революции он стал священником, членом второй Государственной Думы, Всероссийского поместного церковного собора и Высшего Церковного Совета. Из-за своих религиозных убеждений он был в 1923 г. выслан из Советской России, после чего жил вначале в Праге, а с 1925 г. – в Париже, где он преподаёт в Русском Богословском институте. В рамках его богословия первостепенное значение также имеет учение о Церкви, в тесной связи с глубокими теософскими идеями Логоса и Софии, вследствие чего Сергей Булгаков подозревается консервативными церковными кругами русской эмиграции в отходе от Православия. К сожалению, до сих пор на немецком языке были изданы лишь немногие из его многочисленных сочинений. Его произведения на русском языке, включая многочисленные газетные статьи, охватывают все разделы богословия и философии. Немецкому читателю доступны, прежде всего: «Трагедия философии» / Die Tragödie der Philosophie (1927), «Что есть истина?» / Was ist Wahrheit? (в сборнике Масарика) и «Иуда Искariот» / Judas Ischarioth - в журнале «Оrient und Okcident» («Восток и Запад» - прим пер.), №11, 1932. Труды Николая фон Арсеньева (г.р. 1881), с 1920 г. – профессора русского языка Кёнигсбергского университета, относятся в большей степени к области истории религии. На немецком языке вышли его труды «Восточная церковь и мистика» / Ostkirche und Mystik (1924), «Церковь Востока» / Die Kirche des Morgenlandes (1926), «Русская литература Нового време-

ни и современность» / Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart (1929), «Первохристианский реализм и современность» / Der urchristliche Realismus und Gegenwart (1933). И, наконец, следует упомянуть также Дмитрия С. Мережковского (г.р. 1866), чьи исторические романы ознаменовали собой новый этап в развитии русской литературы, прежде всего в силу содержащихся в них религиозно-философских и теософских идей, отражающих духовное развитие последних десятилетий. Будучи религиозным философом своеобразного склада, Мережковский в трилогии «Иисус Неизвестный» (1932), «Иисус Грядущий» (1934), «Смерть и Воскресение» (1935). – Этот краткий обзор демонстрирует, каким плодотворным влиянием наше богословие обязано новой русской религиозной философии и вправе ожидать от нее того же и в будущем. – Лит.: Масарик, «О русской философии истории и религии», 2 тома, 1913 / Masaryk, Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie, 2 Bde, 1918; Нётцель «Основы духовной России», 1923 / Nötzel, Die Grundlagen des geistigen Rußlands, 1923; кроме того, вышеупомянутые труды Бердяева, Степуна и Арсеньева, а также статьи «Р. Р.» («Русская религиозная философия» - прим. пер.) в «РСС» / RR in RSS (? – прим. пер.) и в «Большом Брокгаузе» / Der Große Brockhaus (энциклопедическом словаре – прим. пер.). Краткий вводный обзор содержится в книге Шика «Большевизм и его духовное преодоление в оценках верующих русских», 1936/Schick. Der Bolschewismus und seine geistige Überwindung im Urteil gläubiger Russen, 1936; Весьма ценное собрание текстов содержится в книге Г. Эренберга «Восточное христианство», 2 тома, 1923-1925 / H. Ehrenberg. Östliches Christentum, 2 Bde, 1923/1925. Следует также порекомендовать материалы, публикуемые в журнале «Ориент и Окцидент» / Orient und Okzident (с 1929 г.). [Перевод по нашей просьбе любезно выполнен г-ном В.Акуновым]

По некоторым признакам можно заключить, что автор сей словарной статьи – протестантский теолог из Швейцарии... Что ж: коль переселившись в Швейцарию, необязательно становишься «швейцаром». Можно быть Русским религиозным философом и местным патриотом...

Можно спорить о «фашизме» Ивана Ильина (во всяком случае, режимы Хорти и Салазара не являлись фашистскими, а именно на них была похожа ильинская «национальная Россия»). Несомненно одно: *Ильин был патриотом Швейцарской Конфедерации!* Да, он в конце 1930-х – начале 1940-х писал для швейцарской прессы под псевдонимом «фон Петер Юст», якобы от имени швейцарского националиста. Вчитайтесь в эти проникновенные строки: «...Тот, кто хочет постичь наш характер, должен подумать о том, что наша любовь к свободе, наша преданность Швейцарии и наша демократическая терпимость проистекает из одного и того же источника; ибо мы наследственный и прирождённый народ гор, свободный, как горы, преданный, как горы, и терпеливый, как горы. Посмотрите же: лишь свободный может быть искренне преданным, а преданный доверяет самому себе и другим и потому становится терпимым. И как раз это и есть наш швейцарский дух» (фон Петер Юст (Ильин И.А.) Наши горы // Anzeiger von Uster, 24 июня, 1939).

У кого от этого должно полыхнуть: у капустобородых или у левачков? Не важно. Ценителям Ильина этот без преувеличения «Фома Аквинский Белой идеи» интересен как самостоятельный мыслитель, а не как средство в аппаратной борьбе... И, таки да: *«Возведем очи наши к горам Господним, откуда приидет помощь наша»* (ср. Пс. 120, 1).

**РУССКИЕ МК И АНЕНЕРБЕ,
ИЛИ
ШМЕЛЁВ, ФЛОRENСКИЙ И ИЛЬИН – ВСЕ В РУБКЕ
«BROWN SUBMARINE»**

Левые, которые выступают против Ильина бесят меньше, чем некоторые правые «реабилитаторы», пытающиеся доказать, что Ильин не фашист. Если стыдитесь своей истории (истории русского национализма), то лучше молчите, а не делайте из ваших читателей идиотов. То, что Ильин русский фашист также очевидно, как то, что Ленин - марксист. Коммунисты этого не стесняются и вы тоже не стесняйтесь. И да, конечно, «Лето Господне» — практически русский Майн Кампф, а о. Павел Флоренский по-видимому возглавлял русское Аннербэ (зри: <https://t.me/tugteg/746>).

Небольшое «досьецо» о сем представим:

Тимур Щукин
Почему Иван Шмелев приветствовал вторжение в Советский Союз?

Есть два типа людей, настолько различных, что они даже друг с другом не знакомы. Первые любят Шмелева-бытописателя, его книги о старой России — «Лето Господне» или «Старый Валаам», рваный стиль, саморастворяющийся в разговорном языке, его рассуждения о русских и русской душе. Другим писатель Шмелёв неинтересен, и эта фамилия вызывает лишь одну ассоциацию — «а, это тот, кто приветствовал Гитлера в 1941 году». В этой статье мы будем «реконструировать» образ Шмелёва-власовца, опираясь на литературное наследие реального Шмелева — писателя, политического мыслителя и даже немного богослова.

Неочевидное зло

Если внимательно прочитать главный антибольшевистский текст Ивана Сергеевича «Солнце мёртвых», то в нём

помимо очевидного зла, обрушившегося невесть почему на Россию, превратившего цветущий, изобильный Крым (несомненно микросимвол всей России) в юдоль скорби, где дворянки выменивают фамильные украшения на плохую муку, где девочки отдаются татарам за кусок баранины, где старики расстреливают за то, что он шёл на базар в перелатанной казачьей шинели, есть зло неочевидное — Европа, которая цинично пользуется разорением нашей родины, скupая по дешевке наши товары, пополняя ресурсы рабочей силы: Смотри, Европа! Везут товары на кораблях, товары из стран нездешних: чаши из черепов человечьих — пирам веселье, человечьи кости — игрокам на счастье, портфели из «русской» кожи — работы северных мастеров, «русский» волос — на покойные кресла для депутатов, дароносицы и кресты — на портсигары, раки святых угодников — на звонкую монету. Скупай, Европа! Шумит пьяная ярмарка человечьей крови... чужой крови. Цела Европа? Не видно из Виноградной балки. Как там — с... «правами человека»? В Великих Книгах — все ли страницы целы?..

Но дело даже не в экономическом цинизме, а в том, что сама русская революция выросла на европейской почве — и в том простом смысле, что русский интеллигент XIX века ценился в европейских салонах прежде всего как революционер и в том сложном смысле, что русский большевизм был невозможен без пошлого прогрессизма, без сведения человеческого бытия к биологии, без игнорирования Духа с большой божественной буквы и национального духа как частного воплощения замысла Творца о человечестве: «И «там» обанкротилось! Провалиться с таким треском, с таким балаганным дребезгом, кинуть под гогот и топот, и рын победное воскресение из животного праха в «жизнь вечновысокочеловеческую», к чему стремились лучшие из людей, уже восходивших на белоснежные вершины духа, — это значит уже не провалиться, а вовсе не быть! Никаких абсолютов нет? Нет.

И надо допустить, что над человеком можно смело поставить крест по всей Европе и по всему миру, и вбить в спину ему осиновый кол».

Хотя вина большевиков перед Иваном Сергеевичем на гляднее, ярче, непосредственнее, вина Европы более фундаментальна. Именно она вела мир к катастрофе, которую Иван Сергеевич ясно воображал уже в конце 1920-х годов (впрочем, после Первой мировой войны это было совсем нетрудно): «А Европа... Скоро, кажется, узел лопнет. И будет... не уявится, что. И судьбы Европы близятся. Творящееся сейчас потемнение в страшном блеске — разрядится невиданной катастрофой. Пахнет не порохом, а — смертью. Идёт кладбище. Все звери с цепей сорвутся. Европе нужен потоп-огонь. И он будет. И должно потом прийти очищение» (Письмо к Ивану Ильину от 6 ноября 1929 года; далее мы будем пользоваться только перепиской с Ильиным, поэтому в заголовке оставляю только дату).

Иван Сергеевич искал в духовно-политической деятельности нечто, противостоящее социальному распаду: если есть звери, срывающиеся с цепи, то есть и то, что их обуздаёт, что произведёт и конечное очищение.

Народная София

Первым и главным предметом внимательной надежды Шмелева был, как мы понимаем, не немецкий народ, а русский: «И всякий меч, да, Крестом осиянный, направленный против Зла — сам — Крест! Правда — в людях, не книжная. К людям Христос пришёл и не книжное принёс, а — жизнь, именно — Свет Разума... Вы ревнуете о России и её Правде. И если бы народ наш всего знал Вас, он сказал бы: благослови, Господь! Я не мыслитель, не политик. Я — русский человек и русский писатель. И я стараюсь прислушиваться к правде русской, т. е. к необманывающему, к совестному голосу духа народного, которым творится жизнь. Я принял от

народа, сколько мог, — и что понял — стараюсь воссоздать чувствами» (Письмо от 22 января 1927 года).

Довольно типичный, восходящий к славянофилам, прежде всего к Ивану Киреевскому, интеллектуальный ход: народ, сокрытая в нём мудрость, непогрешимы, поэтому задача писателя и, вероятно, политика — вслушиваться в народный голос и действовать сообразно ему. Но, конечно, не всякое проявление народной жизни есть само по себе выражение этого голоса, а только то, которое соответствует разуму, переданному от Бога. Слушая народ, мы слушаем говорящего через народ самого Бога, очищая «логосы» от случайного и греховного, от того, что привносит в звучание человеческая немощь: «Россия — дана — міру! Dana. На ней — «блестание Божества»... Я знал это своими «потёмками», оно таилось во мне, тёмное знанье это, и я жил им, и оно водило меня по шатким стезям в писаньях, в моих писаньях, но Вы осветили вдруг! Так охотничья собака идёт верхним чутьём... Но вот — голос хозяина — и стал, и вздрагивает и — видит... Но мы все ищем, и что я, угадывающий пути, знавший их, — что я, в сравнении с чудесным и полным тайн движением великого, небесно-земного, космического «тела» России в Mire, что мои мысли в сравне^нении с Мыслью Творческой, данной в удел Душе России?!» (30 июня 1927 года).

А эта образность — уже из софиологии. Иван Сергеевич пишет о некоем воплощении божественного в Уме, Душе и Теле России — в структуре, которая, очевидно, не тождественна Богу, но при этом обладает какими-то божественными атрибутами. Вполне характерная для софиологии неопределенность мысли. Для нас, однако, важно, что Шмелёв воспринимает себя не учителем России, а её послушным учеником, более того, собачкой, которая внимает Хозяину-Родине, которая в мистическом восторге воспринимает исходящие от неё или через неё божественные слова (в данном случае в качестве непосредственного рупора выступает очередная работа Ивана Ильина).

Услышав народно-божественный голос, писатель или политик должен его защитить пером или мечом, понимаемым вовсе не только метафорически: в письме от 11 мая 1927 года Шмелёв называет себя и Ильина «крестоносцами», а в письме от 24 сентября еще более определёнен: «Ну, буду и я подпевать. Ищите же, ищите помощников! Надо создавать Орден, Союз русских строителей! Да, русских каменщиков (не масонов, чёрт возьми, а ревнителей!). Именно — Святой Союз нужен! Вы должны это делать, сделать! И надо это — Вам, не страшась. Будут тогда и средства. Считайтесь с человеческой природой. Да, «детское» это, но оно нужно. И я хотел бы говорить об этом. Нужно «Общедействие», в тайне, в грёзе — пусть, но нужно. Надо учиться у врагов. Надо подбирать, с величайшей осторожностью и тактом, с клятвами, с Крестом и мечом, с Евангелием России. Да, надо быть «святыми революционерами». Надо раздувать пламя, пафос национального!».

Шмелёв на ходу придумывает формы национального «крестоносного» движения, то упоминая масонов, то ссылаясь на опыт черносотенцев и левых революционных партий, доказывая, что дело не в форме, а в необходимости артикулировать «глас Божий».

От Голгофы до Сталинграда

Проблема в том, что эмпирический русский народ, тот народ, который дан в историческом ощущении, не способен выполнить той политической задачи, которую на него возлагают «крестоносцы»: «Да, народ наш был — а теперь его и совсем с толку сбили! — государство но невежествен, но творил инстинктом» (Письмо от 1 марта 1927 года).

Шмелёв силится разрешить этот парадокс: реальный русский народ и русский исторический выбор его, мягко говоря, не устраивает, однако в глубинном существенном смысле он является социально воплощённую истину. На протяжении де-

сятилетий Иван Сергеевич по-разному решал этот парадокс. В 1927 году он трактует русский народ в духе поздних иудейских таргумов на Книгу Исаяи (см. Ис 53) как коллективного страдающего мессию: «И не Голгофа ли для сего народа — это 10-летие?!.. Народ русский имеет свою Священную Историю». Надо, чтобы он её знал, о ней знал! Знал, что возложено на него, какая его миссия в мире... Делать народ — творящим?! И особенно теперь, когда испытана Голгофа, когда все европейские народы потеряли и Бога, и выси, и — самосознание, и мечтают о стаде, о потере лика, когда — на всём налёт «мяса», когда «выси» меряются аэропланно?! Когда в нравственности дошли до окаменения, до безразличия?!...» (30 июня 1927 года).

Русские именно своей катастрофой, своим страданием призваны к спасению мира. Вот только народу нужны евангелисты, которые конвертировали бы это страдание в отчетливое слово и в политическое действие. И конечно, этим евангелистам противостоят «эллины и иудеи» в лице «европейцев» и, кстати, тех же самых иудеев, которых Шмелёв по интеллектуальным нормам того времени винил в Октябрьской революции. Евангельский образ, правда, работает у Шмелёва не в полной мере, поскольку он приписывает Европе одновременно и совращение, «большевизацию» русского народа и его стигматизацию: «Ну, и знают же европейские писаки нашу историю! — будто никогда о подлинной России не слыхали, а свалилась она на голову с пришествием столь недавно любимого и лелеянного ими антихриста — марксова помёта. Теперь этот выкорьмыш европейских нянек-кормилок навалил им и на голову и куда только можно. И ещё навалит... А за всё это сообщество — в Россию — харк и плёв» (24 марта 1940 года).

Выходит, что Европа виновна в грехопадении русских, которые сами по себе безгрешны, и именно поэтому оклеветаны.

Гораздо позже, после перелома во Второй мировой войне, после Сталинградской битвы, Иван Сергеевич пытается при-

мирить образ России как жертвы большевизма и образ России — победительницы. Он отвечает «не знаю», ссылаясь на неизвестный ему Божий план: «Вот уже год во мне шепчет глас некий: «Р_{осс}ия вступает в великую историческую полосу — прославления». Только ка-ко-го?! — мученич_{еско}го, или и историко-государственного, — мирового?! И — как?! Не знаю. Знаю одно: есть и очень будет. В какой комбинации...? Не знаю... Но все сие — мимолётно. А будет впрок. Все в замечают_{ельном} — чудесном! — Божьем Плане. Я вижу свет этого Чертежа» (23 марта 1943 года).

Ещё позже, уже после «победы», он предлагает новый образ: Россия — это школа для всего прочего мира: «Недоумеваете, почему «пропятя» именно Россия? Да кого же и «пропять»-то было? Перевоспитывать мировую безпризорщину... — надо приготовить школу... Только Россия и может быть этой «школой»... Россия «в возможностях». Её потенциал и страшно велик, и страшно многогранен, и страшно под-спуден, и посему... гниение лишь поверхностно, не как у прочих. — Для мира — без Р_{оссии} — опыт наш 27-летний — был бы совершенно убийственным, ничего бы для «обновления» не получилось. И потому — «пропятя» именно Россия, для закала, для апостольства, для Школы. Нет, наши гении не ошибались, вещая... Россия ещё не цветла; и себя не изживала...» (28 сентября 1945 года).

Разумеется, дело не в том, что Россия будет учить весь мир марксизму, который Шмелёв и Ильин искренне ненавидели, и даже не в том, что она будет диктовать ближним и дальним свою геополитическую волю «поверх идеологии», а в том, что она смогла выжить в ситуации, когда должна была умереть — сначала от внутренних потрясений, затем в результате внешней агрессии. Но выжить для чего? Очевидно, для реализации некого духовного плана, которому ещё предстоит раскрыться: ««С Россией — пришла пора — считаться, Она — вышла в мир, вышла, как «сеятель пустынnyй», — пока!

— но назначенный Свыше — обсеменить мір, осолить его, гниющего, — вознести, управить. Её цветение начинается. И для сего — она трагически поставлена — чудом! — на высоту» (16 октября 1945 года).

Это страшное слово «казарма»

Но повторимся, в Россию как субъекта духовной политики Шмелёв верил не всегда. Более того, он особенно не верил и в эмигрантское сообщество — его восклицания в переписке с Ильиным — всё же от отчаяния. Однажды Шмелёв и вовсе произносит: «Укажите ныне вождей, с новыми Словами, учителей! Их нет, как нет ни Системы, ни удовлетворительного «плана мира», плана вдохновляющей деятельности, достойной человека» (24 марта 1940 года).

В ситуации интеллектуальной пустоты, озираясь, Иван Шмелёв обратил внимание на Германию: «Потому и росло [русское] государство, что у знати-то всё же был инстинкт к родному. Это, по-моему, обще для всякого народа-государства. И я думаю, что на эту линию становится Италия (не в фашизме дело!) и — главным образом это подпочвенно сильно — в Германии» (1 марта 1927 года).

Очевидно, что не «в фашизме дело» и в случае Германии — тем более что в это время НСДАП, хотя уже и легальная партия, но маргинальная, набирающая считаные проценты даже на региональных выборах. Шмелёв, как мы видим, ценит в политической силе внимание к «гласу Божию» в народе, к его внутреннему логосу, который в политике становится проявленным. Именно поэтому в 1933 году Шмелёв одобряет известную статью Ильина «Национал-социализм. Новый дух», в которой тот указывает на положительные стороны новой политической силы — «патриотизм, веру в самобытность германского народа и силу германского гения, чувство чести, готовность к жертвенному служению, дисциплину, социальную справедливость и внеклассовое,

братски-всеноарное единение» — и отвергает, что будто бы антисемитизм и расизм свойственны национал-социализму как нечто субсистентное. При оценках политической позиции Ильина и тем более Шмелёва нужно учитывать, что они если и симпатизировали национал-социализму, то только национал-социализму своих фантазий и надежд.

Иван Шмелёв — надо отдать должное — нацистами не восторгается. В 1932 году он констатирует, что Германия вернулась в geopolитическую игру и что мір неизбежно ожидает большая война: «Германия уже вышла, и теперь в міре будет твориться решительное. Так жить мір не может, балансируя в неизвестном. Близится схватка смертная между двумя крайними социальными напряжениями. А демократия — без личности — конечно, вдребезги разбилась. Личность пропала из міра, и пропали «властвующие» прежнего, «европейского» калибра. Остались — явились! новые, умеющие брать власть: коммунисты и — националисты. Идёт отбор. И идёт — во истин^у — Новое Время. «Средневековье» — кончилось. И с ним — много и прекрасного. Идёт казарма, со всех концов. Панихида индивидуализму. Наш век закончился. Но свои радости найдут и новые поколения. «Увидим небо в алмазах»?? О, увидим небо и землю — в дымах — шрапнельных и газоубийственных разрывов!» (20 июня 1932 года); Шмелёв реагирует на милитаризацию Германии, на приход к власти всё более правых политиков, хотя ещё и не нацистов.

Отрывок двойственен: с одной стороны, в нём надежда на то, что один из «властвующих» (Германия) победит другого (СССР) и мір получит новое политическое измерение, новый шанс (эта мысль явно воскреснет в «гитлерофильских» репликах Шмелёва 1941 года). С другой стороны, Шмелёв произносит ругательное слово казарма, описывая ту угрозу, которую несёт человеку любой исход будущей войны. Ведь человек, в этом Шмелёв уверен, способен на творческое высказывание только в ситуации внешней свободы. Народная

истина (она же божественная) не может звучать в слишком регулярном государстве. Тут уместно вспомнить о том, что Шмелёв считал сущностью русского народа, что он понимал под «русскостью»: «Ключ к сущности нашей культуры: милосердие, сострадание к человеку, к душе человека, — ведь это в гл^{<авном>} русле нашей духовности и душевности, это основа нашей культуры, святая свят^{<ых>}, от истоков, от Слова Божия» (14 марта 1937 года).

Так говорит Шмелёв о Пушкине, который, конечно, задохнулся бы в Берлине после 1933 года. Не случайно, когда Иван Ильин покинул гитлеровскую Германию и переехал в нейтральную Швейцарию, Иван Шмелёв вновь вспомнил о казарме: «Отлично поступили, дышать легче. Там я не мог бы ужиться. С детск^{<их>} лет пугала меня казарма, шлагбаум полосатый, городовой, пожарный и проч. медно-пуговичное и войлоочное. Это хорошо на картинках — для детей. При всем моем ат-вращении (через ТЬ) к зд^{<ешнему>} [то есть французскому] политич^{<ескому>} «климату», к «игре в коммунисты» и проч. — здесь я могу дышать, хоть я и не ихней марки демократ. А там... — хороши марши — изредка на бульв^{<аре>} слышать, а если все — один сплошной дрянг-марш, и несет отхоже-солдат-карболов^{<ым>} духом, — меня тошнит. Вот, какие взошли посевы!» (11 октября 1938 года); Гитлер уже присоединил Австрию, только-только закончилась аннексия Судет, уже несколько лет действуют нюрнбергские расовые законы.

Далее Шмелёв пишет о свободе как о христианской ценности даже в извращённом революционном смысле и о том, что немцы ведут жизнь «кулачищем, кнутом, пулеметом». Подобная тактика, полагает писатель, «кончится извержением и общей гибелью». Тут Шмелёв переходит в тональность политической эсхатологии: «Надо, чтобы все эти мёртвые останки цивилизации были испепелены, от них только разложение, раз ушла душа... Крах — до какого-то нового При-

шествия. Нам не видеть». Опять эта мысль: Германия, если победит, то не для того, чтобы стать міровым гегемоном, а для того, чтобы очистить дорогу для... Христа? Но кто тогда Гитлер в рамках этой логики?

Как мы помним, после 1945 года Шмелёв видел возможность нового Пришествия из России... Впрочем, уже в 1938 году он отпускает книге Ильина «Основы борьбы за национальную Россию» сомнительный комплимент: «Это блестящая «Мейн Ка^мпф», но сколь же светлая, человечная и гуманная — русским гуманизмом — исповедь-откровение!» (8 декабря 1938 года).

Стоит обратить внимание, что книжка Ильина сближается с опус магnum Гитлера только по формальному признаку: и та и другая являются основополагающими идеологическими трудами, в то время как содержательно «Моя борьба» темна, безчеловечна и негуманна.

Наконец, после начала Второй міровой Шмелёв даёт гитлеризму худшую из возможных для него характеристик: «В основе всего — и гитлеризма! — лежит большевизм, зревший при попустительстве и — дозревший. Ныне он разгорается пожаром» (15 октября 1939 года).

Вспомним, что большевизм Шмелёв считал порождением упаднического позднеевропейского духа, который, выходит, действует как в «своём ином» и в гитлеризме. Возможно, мы требуем от писателя философской чёткости мысли, но ведь ключевая-то идея понятна: самые могущественные идеологии, сформировавшиеся к середине XX века родственны, из одного корня, одинаково безчеловечны в своём противостоянии индивидуально-национальному началу и одинаково безбожны.

Рыцарь против дьявола?

Почему же в 1941 году Иван Сергеевич Шмелёв с таким восторгом писал об успешном продвижении гитлеровских войск, в том числе — о вяземском котле, в котором сгину-

ли сотни тысяч русских (?) солдат — убитыми и пленными? Не избежать цитирования: «Я так озарён событием 22.VI, великим подвигом Рыцаря, поднявшего меч на Дьявола. Верю крепко, что крепкие узы братства отныне свяжут оба великих народа. Великие страдания очищают и возносят» (Письмо О. А. Бредиус-Субботиной от 30 июня 1941 года).

«Я услыхал фанфары, барабан — в 2 ч. 30 мин., — специальное коммюнике: прорван фронт дьявола, под Вязьмой, перед Москвой, армии окружены... идёт разделка, Преподобный в вотчину свою вступает. Божье творится не нашими путями, а Его, — невнятными для нас» (Письмо ей же от 9/26 октября 1941 года).

Эти предосудительные слова, сказанные очень старым, очень больным человеком, живущим в оккупированном Париже, следует трактовать в контексте того, что писатель продуманно писал до и после 1941 года. Оставим за скобками наивность Шмелёва, словно не читавшего «Майн Кампф», словно не считавшего гитлеризм порождением того самого «дьявола»: с чего бы казарменному национал-социализму обустраивать на великорусской равнине что-нибудь иное, кроме концлагеря и худшей формы колхоза. Обратим внимание на то, что Шмелёв даже в этом наивном и жутком тексте смотрит несколько дальше ближайшей перспективы. Мы помним, что победу Германии он ещё в 1932 году считал лишь прелюдией к новому міру, к возрождению вселенной после Рагнарёка міровой войны, когда один бес сожрёт другого и сам погибнет. Очевидно, что в этом новом міре, в соответствии с неким планом Божиим, не будет не только большевизма, но и гитлеризма, а будет нечто, что предполагает мир между народами, нравственное очищение, торжество христианского социального идеала, пришествие такого общественного строя, при котором политик будет вслушиваться в народный логос и выражать его в своих деяниях. Свобода, милосердие, духовность и душевность — всё то, чем живет индивидуальный

человек в эсхатологической перспективе станет ощутимым достоянием общества.

Итак, Шмелёв считал, что европейский мір, отрекшийся от Духа, привёл к власти большевиков, чьё міровоззрение построено на презрении к духовному, в том числе народному началу. Задача новой политики — услышать народный глас, едва ли не тождественный голосу Божьему, и претворить его в политическую действительность. Русское государство долгое время было не способно на это, но получило шанс после 1945 года. Нацистский режим вначале казался «народным», но очень быстро разочаровал — отрицанием свободы и негуманностью, а затем и вовсе явился эпифеноменом большевизма. Впрочем, в 1941 году у Шмелёва возникла иллюзия, что руками немецкого солдата осуществится Божий план по взаимному уничтожению безчеловечных режимов и в перспективе установлению нового Божьего міропорядка. Эта иллюзия также оказалась разбита под Москвой и Сталинградом.

(Источник: <https://blog.predanie.ru/article/pochemu-ivan-shmelev-privetstvoval-vtorzhenie-v-sovetskij-soyuz/>)

Фауст Патронов

Идеальный фашизм богослова Павла Флоренского

В 1933 году известный русский философ и богослов Павел Флоренский в БАМЛАГе написал трактат «Предполагаемое государственное устройство в будущем». Он никогда не скрывал своего зоологического антисемитизма и ненависти к демократии, и в этом труде вывел идеальную фашистскую диктатуру — с совершенной организацией и системой контроля, изолированную от внешнего міра, во главе с харизматичным вождём. В числе похожих вождей (но не идеальных) он видел Гитлера и Муссолини. Этот трактат Флоренского следователи ОГПУ «привязали» позже к обвинениям по Русской фашистской партии.

Павел Флоренский происходил из богатой семьи, получил хорошее образование. В 1900-е близко сходится с богемой Серебряного века (Блоком, Гиппиус, Белым и др.). Однако богемная жизнь не помешала ему принять в 1911 году священнический сан. Также как хорошее образование (физмат МГУ), либеральный круг знакомств не помешали ему стать зоологическим антисемитом. Во время печального знаменитого судебного «процесса Бейлиса» он встаёт на сторону черносотенцев, под псевдонимом пишет множество статей, в которых доказывает существование жутких еврейских ритуалов, в частности употребление евреями крови христианских младенцев. Флоренский становится духовником ещё одного черносотенного литератора — Василия Розанова.

Революцию он приветствовал как «очищающий Апокалипсис», который очистит землю от выродженцев, и, в частности, и от Православной церкви, которую он считал отмирающим организмом. Флоренского неожиданно поддерживает Лев Троцкий, и устраивает его в Главэнерго, где священник работает над планом ГОЭЛРО. В это время он пишет одну из своих самых знаменитых книг — «Мнимости в геометрии», которой хочет перевернуть всю науку. В ней Флоренский доказывает, что Солнце и планеты обращаются вокруг Земли, а также указывает на существование «границы между Землёй и Небом», располагавшейся между орбитами Урана и Нептуна».

В середине 1920-х Флоренский разочаровывается в большевиках, считая, что они обманули интеллектуалов, введя в стране демократию — власть черни. Богослов увлекается фашизмом, и скоро приходит к выводу, что только эта идеология может спасти Россию от остатков прогнившего царизма (в виде культуры) и демократии большевиков (в виде политики). В 1928 года за фашизм его подвергают ссылке в Нижний Новгород. Жена Горького Пешкова добивается для него разрешения эмиграции. Но Флоренский непреклонен, он отвергает поездку в Прагу, где для него уже было готово место

профессора в университете — ради идеи борьбы за фашизм в России.

В 1933 году его арестовывают по делу «национал-фашистского центра» и дают 10 лет заключения. Правда, место в лагере ему находят тёплое — математиком в научном отделе БАМЛАГа (там он делал инженерные расчёты железнодорожных путей). Именно в этом лагере Флоренский по просьбе следователей пишет трактат «Предполагаемое государственное устройство в будущем» — те хотели понять, за что же борются русские фашисты.

Далее был новый лагерь — Соловецкий, и там тоже тёплое место — исследователем в лаборатории по производству агар-агара. В 1937 году богослова расстреляли.

Мы даём основные тезисы Флоренского из его трактата, как должно выглядеть идеальное государство фашизма.

«- Православная Церковь в своём современном виде существовать не может и неминуемо разложится окончательно.

— Политическая свобода масс в государствах с представительным правлением есть обман и самообман масс, но самообман опасный, отвлекающий в сторону от полезной деятельности и вовлекающий в политиканство.

— Политика есть специальность, столь же недоступная массам, как медицина или математика, и потому столь же опасная в руках невежд, как яд или взрывчатое вещество. Отсюда следует соответствующий вывод о представительстве: как демократический принцип оно вредно, и не давая удовлетворения никому, в частности, вместе с тем ослабляет и целое.

— Государство должно быть экономически изолировано от внешнего мира, а его границы — закрыты для любого вторжения ядовитой культуры распадающихся капиталистических государств.

— Ни одно правительство, если оно не желает краха, фактически не опирается на решение большинства в вопросах

важнейших и вносит свои корректизы; а это значит, что по существу оно не признаёт представительства, но пользуется им, как средством для прикрытия своих действий.

— Но, отрицая демократическое представительство, правительство должно быть чутко к голосу тех лиц или групп, которые действительно могут сказать нечто полезное правительству, специалистов тех или других отраслей, той или другой научной дисциплины, того или другого района, того или другого психологического склада.

— Начиная от тончайших построений физико-математических наук, кончая достаточно элементарными средствами существования — все стороны жизни наполнены ядовитыми продуктами жизнедеятельности человечества и заняты разрушением самих себя. Наука учит не бодрой уверенности знания, а доказательству безсилия и необходимости скепсиса; автомобилизм — к задержке уличного движения; избыток пищевых средств — к голоданию; представительное правление — к господству случайных групп и всеобщей продажности; пресса — ко лжи; судопроизводство — к инсценировке правосудия и т. д.

— Такова же судьба различных видов политического устройства государства. От демократической республики до абсолютной монархии, через разнообразные промежуточные ступени, все существующие виды правового строя не несут своей функции. Нельзя обманываться: не война и не революции привели их к тяжёлому положению, но внутренние процессы; война же и революция лишь ускорили обнаружение внутренних язв.

— Может быть, какими-либо искусственными мерами и можно было бы гальванизировать на какое-то время труп монархии, но он двигался бы не самостоятельно и вскоре окончательно развалился бы.

— Республики кажутся в несколько лучшем положении, но это так только потому, что при менее определённой струк-

туре они легче подчиняются посторонним силам, сохраняя, однако, свою видимость.

— В основе внутренней политики государства должен лежать принципиальный запрет каких бы то ни было партий и организаций политического характера. Оппозиционные партии тормозят деятельность государства, партии же изъявляющие особо нарочитую преданность, не только излишни, но и разлагают государственный строй, подменяя собою целое государства, суживая его в размерах и, в конечном счёте, становясь янычарами, играющими верховной государственной властью.

— Никакие парламенты, учредительные собрания, совещания и прочая многоголосица не смогут вывезти человечество из тупиков и болот, потому что тут речь идёт не о выяснении того, что уже есть, а о прозрении в то, чего ещё нет. Требуется лицо, обладающее интуицией будущей культуры, лицо пророческого склада.

— Это лицо на основании своей интуиции, пусть и смутной, должно ковать общество. Ему нет необходимости быть ни гениально умным, ни нравственно возвышаться над всеми, но необходимой является гениальная воля, — воля, которая стихийно, может быть даже не понимая всего, что она делает, стремится к цели, ещё не обозначенной в истории.

— Как суррогат такого лица, как переходная ступень истории появляются деятели вроде Муссолини, Гитлера и др. Исторически появление их целесообразно, поскольку отучает массы от демократического образа мышления, от партийных, парламентских и подобных предрассудков, поскольку даёт намек, как много может сделать воля. Но подлинного творчества в этих лицах всё же нет, и надо думать, они — лишь первые попытки человечества породить героя.

— Будущий строй нашей страны ждёт того, кто, обладая интуицией и волей, не побоялся бы открыто порвать с путами представительства, партийности, избирательных прав и прочего, и отдался бы влекущей его цели.

— Все права на власть, избирательные (по назначению), — старая ветошь. На созидание нового строя, существующего открыть новый период истории и соответствующую ему новую культуру, есть одно право — сила гения, сила творить этот строй.

— И как бы ни назывался подобный творец культуры — правителем, императором или как-нибудь иначе, мы будем считать его истинным самодержцем и подчиняться ему не из страха, а в силу трепетного сознания, что перед нами живое явление творческой моцни человечества».

(<https://theosophist.livejournal.com/2582123.html>)

Павел Флоренский:

заветы «руководителя национал-фашистского центра»

В 1933 г. в недрах НКВД было сфабриковано дело о «национал-фашистском центре» «Партия возрождения России». По делу проходили 65 членов «церковно-монархической организации». Среди них: канонист П.В. Гидулянова, академик С.А. Чаплыгин, профессор Н.Н. Лузин, архиепископ Феодор (Поздеевский) и др. Чаплыгин и Лузин выезжали за границу и, как утверждало следствие, поддерживали связь с белоэмигрантами, в частности, И.А. Ильиным. Лидером партии «русских фашистов» был назван священник Павел Флоренский, который не стал отказываться от этого звания и наряду с другими однодельцами дал признательные показания.

Он родился 21 января 1882 г. в Елизаветпольской губернии. Елизаветпольская губерния — какое родное и приятное для русского слуха название... Ныне нет ни губернии, ни Елизаветполя. Всё это — Азербайджан...

В юности, учась на математическом факультете Московского Университета, он некоторое время увлекался философией Владимира Соловьёва, участвовал в различных философских кружках. В итоге, однако, молодой человек решил принять священнический сан и поступил в Московскую Духовную

Академию. В это время он стал членом богословского кружка новомученика Михаила Новосёлова, одного из крупнейших религиозных мыслителей XX века, идеолога т.н. Истинно-Православной (Катакомбной, Тихоновской) Церкви, в 1927 году отошедшей на основании указа Патриарха Тихона от официального Синода митр. Сергия (Страгородского) после декларации последнего о «сорадовании» Церкви радостям безбожной советской власти. Михаил Александрович и другой будущий идеолог ИПЦ протоиерей Феодор Андреев были близайшими друзьями и единомышленниками Флоренского. Когда в 1929 году о. Феодор умрёт после кратковременного заключения, именно о. Павел одним из первых примчится в Петроград поддержать вдову и дочерей своего друга.

Сегодня в центре Сергиева Посада возвышается великолепный мемориал Новомученикам XX века: в центре огромная фигура отца Павла, позади которого — крест, рядом бюсты Великой Княгини Елизаветы и наместника Лавры архимандрита Кронида. Прямо за мемориалом расположен музей Флоренского, в саду которого представлен и стенд с информацией о новомученике Михаиле Новосёлове (тайном епископе Марке Сергиево-Посадском). Здесь же, рядом, находится библиотека В.В. Розанова, духовником которого о. Павел стал в конце жизни и которого увещевал отречься от прежних еретических заблуждений.

Много раньше Флоренский посыпал Василию Васильевичу для анонимной публикации свои статьи по нашумевшему делу Бейлиса. Википедия по этому поводу сообщает своим читателям: «Взгляды Флоренского при этом эволюционировали от христианского антииудаизма до расового антисемитизма». О. Павел был убеждён в виновности Бейлиса. «Я никак не сомневаюсь в существовании ритуальных убийств вообще... – писал он. – Если на всём протяжении истории Израиля, даже в период великих царей и богоухновенных пророков, при сильной власти и живом, строго централизованном

культе, – всегда существовали всякие виды идолослужения, и в частности магические волхвования, в основе которых лежит убийство человека, то почему современные иудеи и их поклонники так запальчиво отвергают даже возможность существования чего-либо подобного в нынешнее время, когда нет никаких сдерживающих начал?.. Если на всём протяжении истории Израиль так жадно тянулся к крови, и ритуальным убийствам, и чёрной магии, если всегда был кровожаден и жестоковыен, то где же гарантии того, что в рассеянии, без обличающего голоса пророков, без суровых кар со стороны своих царей, – в господстве своём над міром, – он сделался чист и беспорочен? Если были ритуальные убийства даже тогда, то почему же не может быть их теперь?»

В 1914 г. о. Павел стал профессором МДА по кафедре истории философии, а с началом Первой міровой войны отправился на фронт полковым священником. События 1917 г. были восприняты им, как явление апокалиптическое. Это, однако, не мешало ему вести самую активную деятельность в самых различных областях. Человек энциклопедических знаний и феноменальных способностей, он с 1919 г. работал в области техники. Занимаясь вопросами электрических полей и диэлектриков в рамках проекта ГОЭЛРО, Флоренский подготовил монографию «Диэлектрики и их техническое применение. Ч. 1: Общие свойства диэлектриков», в журнале «Электричество» опубликовал статьи «Экспериментальное исследование электрических полей» и «О формулировке законов электромагнетизма». Получил 12 авторских свидетельств на изобретения в области химии. В 1922 г. о. Павел издал за свой счёт книгу «Мнимости в геометрии», в которой при помощи математических доказательств пытался подтвердить геоцентрическую картину міра, в которой Солнце и планеты обращаются вокруг Земли, и опровергнуть гелиоцентрические представления об устройстве Солнечной системы, утвердившиеся в науке со времён Коперника. В 1927 г.

«русский Леонардо» стал одним из редакторов «Технической энциклопедии», где опубликовал около 150 статей. Вплоть до этого же года он занимал профессорскую кафедру в ВХУТЕМАС.

Параллельно о. Павел написал ряд важных религиозно-философских работ, таких как «Очерки философии культа», «Иконостас», «Обратная перспектива» и др. Кроме того, он работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, являясь её учёным секретарём. Стремясь спасти бесценное наследие Лавры, Флоренский составил описание икон и древних панагий, разработал концепцию «живого музея» в статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия», которой пытался убедить власти сохранить эту духовную сокровищницу русского народа. Не рассчитывая впрочем на силу своих убеждений, о. Павел, спасая святыни, действовал и совсем иными способами. Вместе с искусствоведом Ю. А. Олсуфьевым, графом В. А. Комаровским, священниками С. П. Мансуровы и М. В. Шиком он изъял из раки Преподобного Сергия его честную главу, дабы уберечь её от большевиков, повсеместно конфисковавших и разорявших святые останки. Ковчег с бесценной святыней П.А. Голубцов, будущий архиепископ Новгородский и Старорусский, скончался в окрестностях Николо-Угрешского монастыря. О.Павел, Олсуфьев и другие участники этого дела вскоре приняли мученические венцы. Голубцов также был арестован, а из заключения попал на фронт. После войны он перенёс ковчег в дом племянницы Олсуфьева Е. П. Васильчиковой. Екатерина Павловна также проходила по «сергиево-посадскому делу», но избежала заключения. Святыню она скрывала, поставив на ковчег цветочный горшок. Когда Лавра была вновь открыта, глава Преподобного втайне возвратилась на своё место...

Уже в те дни на Флоренского поступали доносы, в которых его обвиняли в создании монархического кружка. О. Павлу предлагали эмигрировать в Прагу, но он отказался, предложив остататься в России.

Священномученик был арестован 26 февраля 1933 г. В ходе допросов следователи предложили ему сложить программу своей партии. Флоренский «вызов» принял и написал в заключении обширный трактат «Предполагаемое государственное устройство в будущем», в котором с предельной откровенностью выразил свои политические воззрения.

«Силы, которые более или менее согласовывали человечество, либо иссякли, либо перестали быть согласованными, а противодействуют друг другу. ... Наука учит не бодрой уверенности знания, а доказательству бессилия и необходимости скепсиса; автомобилизм ведёт к задержке уличного движения; избыток пищевых средств — к голоданию; представительное правление — к господству случайных групп и всеобщей продажности; прессы — ко лжи; судопроизводство — к инсценировке правосудия и т. д. и т. д.

Вся жизнь цивилизованного общества стала внутренним противоречием, и это не потому, что кто-либо в частности особенно плох, а потому что разложились и выдохлись те представления, те устои, на которых строилась эта жизнь. ...

В настоящий исторический момент, если брать массу, — цельные личности, — отсутствуют не потому, что стали хуже, а потому, что воля парализована внутренними противоречиями культурной среды. Не личность слаба, но нет сильных, не задерживающих друг друга, мотивов деятельности.

Никакие парламенты, учредительные собрания, совещания и прочая многоголосица не смогут вывезти человечество из тупиков и болот, потому что тут речь идёт не о выяснении того, что уже есть, а о прозрении в то, чего ещё нет. Требуется лицо, обладающее интуицией будущей культуры, лицо пророческого склада. Это лицо, на основании своей интуиции, пусть и смутной, должно ковать общество. ...

Будущий строй нашей страны ждёт того, кто, обладая интуицией и волей, не побоялся бы открыто порвать с путами представительства, партийности, избирательных прав и про-

чего и отдался бы влекущей его цели. Все права на власть, избирательные, по назначению — старая ветошь, которой место в крематории. На созидание нового строя, существующего открыть новый период истории и соответствующую ему новую культуру, есть одно право — сила гения, сила творить этот строй. Право это одно только не человеческого происхождения, и потому заслуживает название божественного. И как бы ни назывался подобный творец культуры — диктатором, правителем, императором или как-нибудь иначе, мы будем считать его истинным самодержцем и подчиняться ему не из страха, а в силу трепетного сознания, что пред нами чудо и живое явление творческой моци человечества».

Очевидно, что политическая доктрина Флоренского была категорически чужда демократии. Считая, что «бюрократический абсолютизм и демократический анархизм равно, хотя и с разных сторон, уничтожают государство», о. Павел полагал лучшим общественным устройством диктатуру во главе с сильной личностью при разветвлённом местном самоуправлении. В этом обществе нет места политическому равенству, и народ в целом не должен участвовать в политике, но всякий должен заниматься своим делом. «Оппозиционные партии тормозят деятельность государства, партии же, изъявляющие особо нарочитую преданность, не только излишни, но и разлагают государственный строй, подменяя целое государство, суживая его размах, и в конечном счёте становятся янычарами, играющими государственной властью. Разумной государственной власти не требуется преторианцев, в виде преданности желающих давать директивы», - писал Флоренский.

«Политическая свобода масс в государствах с представительным правлением есть обман и самообман масс, — полагал он, — но самообман опасный, отвлекающий в сторону от полезной деятельности и вовлекающий в политианство. Должно быть твёрдо сказано, что политика есть специальность, столь же недоступная массам, как медицина или мате-

матика, и потому столь же опасная в руках невежд, как яд или взрывчатое вещество». Концепция о. Павла – это возвращение к иерархическому строю. Устранив всеобщее равенство, он даёт возможность многоступенчатого самовыявления в разных сферах – национальной, культурной, научной, хозяйственной. Во главу угла при этом ставится принцип личной годности, а не чины, происхождение и т.д.

Каждой сфере будущего устройства России философ посвятил отдельную главу. Весьма важна экономическая часть доктрины. Флоренский выводит в ней концепцию государственного капитализма. Государство должно быть «самозамкнутым, независимым от оценок и цен внешнего мирового рынка». Иными словами, самодостаточным. Промышленность в государстве будущего будет интенсивно развиваться благодаря децентрализации с вытекающей отсюда конкуренцией как между госпредприятиями, так и между ними и предприятиями частными. Флоренский уделяет особое внимание развитию малых предприятий, раскрепощающих инициативу и техническое творчество и оберпекивающую регионы местной продукцией, что весьма существенно при огромности России.

Ставя во главу угла науку, философ-математик полагал вредным создание крупных институтов, ибо «творчество идёт путями прихотливыми и непредвиденными заранее, что у каждого созидающего ума имеются свои подходы и свои приёмы». Вместо учреждений-монстров о. Павел предлагал развивать многочисленные, сравнительно малые, индивидуальные по направлениям исследовательские учреждения, рассеянные по всей стране, не исключая и самые глухие её уголки. Этот принцип должен был служить необходимой децентрализации культурно-экономической жизни. При таком устройении каждый регион, район имел бы своих специалистов и не принуждён был бы по всякой нужде обращаться в центр и подолгу дожидаться ответа.

Доктрина Флоренского – доктрина сугубо изоляционистская. Его Россия должна была стать полностью независимой от внешнего рынка, от импорта. Страна, имеющая все ресурсы для самодостаточной жизни, должна самостоятельно решать свои задачи и жить на свои средства, – таково было убеждение «идеолога русского фашизма».

Исходя из экономической самозамкнутости выстраивалась и внешнеполитическая концепция. Россия Флоренского – это могущественное, крепкое, самодостаточное государство, живущее своей процветающей жизнью, не вмешивающееся в дела соседей и не позволяющее им вмешиваться в дела собственные. Заботы остального міра должны были быть чужды самозамкнутой русской вселенной.

Уделяя много времени экономике, не финансы, но людёй считал священномученик главным капиталом государства: «Государство будущего будет показывать не сейфы с золотым запасом, а списки имён своих работников».

Запрещая любые партии и политическую деятельность, о. Павел много заботился о развитии многообразия во всём прочем: культуре, всех видах жизнедеятельности, науке и т.д. Диктатура должна заботиться о здоровье, благодеянии и воспитании народа. «Всё это, – пишет священномученик, – существенно зависит от наличия сочного и красивого, здорового быта... Без быта нет и вкуса жизни... Быт коренится в истории... Полнота государственной жизни – в богатстве и разнообразии проявлений быта, соответствующего богатству и разнообразию местных условий. Нивелировка быта неминуемо поведёт к уничтожению вкуса к жизни, радости бытия, а потому и к рабскому труду и ко всяческому обеднению. Крепкая сплочённость государства опирается не на монотонную унификацию всех его частей, а на взаимную их связь, обусловленную глубоким сознанием взаимной необходимости частей, нужности каждой из них на своём месте... Быт есть цветение жизни каждой из частей государства».

Радость жизни своих подданных – это подчас задушенное аскетическими доктринаами понятие – было в понимании Флоренского далеко не последним в приоритетах диктатора. А с чего начинается радость жизни, как не со счастливого детства? Дети будущего государства должны как можно дольше оставаться детьми, их надлежит изолировать от политических спекуляций и прочей жизненной грязи. Школа должна в первую очередь не учить, а воспитывать, прививать аккуратность, взаимное уважение, привычку не рассуждать о том, чего не знаешь, самокритичность, преданность государству и своему долгу, любовь к природе, привязанность к семье, целомудрие и т.д.

Школам также представлялась большая свобода в выборе программ и способов обучения при соблюдении минимума необходимых государственных требований. ВУЗы учёный-священник считал необходимым распределить по всей стране, чтобы повысить общий культурный уровень.

В 1933 году следствие отнеслось к «лидеру русских фашистов» довольно мягко. Заключённого сперва определили работать в научно-исследовательском отделе управления БАМЛАГа, а затем направили в Сковородино (Рухлово) на опытную мерзлотную станцию. Здесь Флоренский проводил исследования, которые впоследствии легли в основу книги его сотрудников Н. И. Быкова и П. Н. Каптерева «Вечная мерзлота и строительство на ней». Однако, уже во второй половине 1934 года положение учёного меняется. Его переводят в Соловецкий лагерь особого назначения. Здесь о. Павел работал на лагерном заводе йодной промышленности, занимаясь проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей. За три года заключения русский гений запатентовал более десяти научных открытий.

Эти открытия и та польза, какую мог бы принести ещё столь великий ум, никак не повлияли на конечную судьбу священномуученика. Особой тройкой НКВД Ленинградской

области о. Павел был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян. Точное место захоронения его неизвестно.

Е. Фёдорова

(Источник: https://vk.com/wall-137190697_114121)

Сон — Возрождение Аненербе в 21 веке

Давно не рассказывал о своих снах! К ним обычно относятся скептически, как и к самой попытке их детально раскрыть на письме, но я читать не заставляю. «Канал об искусстве» — прежде всего о моём взгляде на искусство, а что есть искусство, если не плод творчества и фантазии человека, приходящей тогда, даже когда он спит.

Во сне я и несколько других соратников восстановили славно известную организацию, нашли источники финансирования и вложились сами, расширили круг её исследований, сделали её как бы общеевропейской. Это решение было дискуссионным, но было оправдано, ибо настоящее Аненербе изучало всё Индоевропейское наследие, а не только лишь немецкое, несмотря на упорство касаемо теории «Северогерманской прародины» арийцев. Наследие арийских предков — всё же дело для всех потомков.

У сотрудников была своя униформа, которая лишь в общих чертах наследовала китель и кепи с тех времён, и цвет которой менялся зависимости от области действий (пустынная, как у DAK — если это Африка и Ближний Восток, се-рая фельдграу — европейская, белая с полосками — арктическая, но были и другие). Символика Аненербе на рукаве дополнялась национальным флагом рабочего, эмблемой рода деятельности и его рангом.

В число Аненербе входил различный персонал — расовые антропологи, работавшие с черепами по находкам и по натуре местных людей; археологи и их рабочие, генетики и ассистенты, публицисты; а также операторы, которые качественно фиксировали проведение работ. Раскопки и исследования проходили с феноменальной скоростью и эффективностью,

вся работа была слажена и органически организована: одни исследуют материальную культуру, другие сразу берут из останков образцы для генетического анализа и определения популяции, третья изучают скелет по натуре, четвертые изучают лица и генетику туземцев, ещё одни работают с прессой и другими организациями. У нас была дочерняя организация, которая была создана для прикрытия нашего броского имени и устава, и именно с нею, целиком неприметной, мы выходили в мир и от её имени сотрудничали с другими организациями и правительствами государств. Неудивительно, что нам приходилось ускоряться, ведь организация испытывала огромное давление извне, благодаря которому, однако, как раз и удалось сделать множество открытий за короткий срок и сберечь ценные сведения от государств.

Помню раскопки дворца на Ближнем Востоке, занесённого на несколько метров песками, плинфой и иными осколками... Внутри ещё были засушенные огромные стрекозы и древние насекомые, размером с ладонь. Нельзя было их тронуть — иначе рассыпались бы в одночасье. Забавно, на один из таких экспонатов как раз села муха, и все вдруг испугались — только бы сие малейшее колебание их не разрушило! Были находки и в самой Европе, какие подтверждали, что европейские арийцы не уступали в обработке камня той ветви своих соплеменников, какая устремилась на Восток и следы которой смотрят на туристов сегодня в виде египетских пирамид, иранских и сирийских дворцов, индийских храмов... Только мы выяснили, что в Северной Европе не было хороших пород камня для создания мощных и высоких мегалитических строений, а немногие существовавшие из них просто оказались разрушены веками и войнами... Но нам предстояло воссоздать их облик!

(<https://t.me/nouvelleeurope>)

ИВАН ИЛЬИН И КАТАКОМБНАЯ ЦЕРКОВЬ

Ивана Ильина «вывезли» из СССР в 1922 году на «философском пароходе» и он, пребывая в Москве, мог наблюдать и быть прикованным к первой «проросли» Русских Катакомб. «Декларация» 1927 г. митр. Сергия (Страгородского) застала И.Ильина уже в эмиграции, и он ни единого мига не усомнился: принять или отвергнуть сей антихристов «документ». Ещё в бытность свою в Москве в начале 20-х гг. И.И. имел знакомства в среде, из коей вышли впоследствии такие «столпы» Катаомбной Церкви, как, например, свщмчч. Еп. Марк (Новосёлов), о.Сергий Мечёв и некот. др. Оказавшись в изгнании, И.А. Ильин в церковных делах последовательно занимал позиции, близкие тем, что отстаивали РПЦЗ в диаспоре и Катаомбная Церковь в оккупированной Руси. Его трактат *«О сопротивлении злу силою»* получил одобрение высших иерархов Зарубежья – митр. Антония (Храповицкого) и митр. Анастасия (Грибановского). Он был распространён и в подъяремной Руси, в «катаомбах». Некоторые из наших катаомбных отцев высказывали даже пожелание, чтобы труд проф. Ильина был *признан «символической книгой» Православной Церкви*. Насколько нам известно, никакого «соборного» решения по сему так и не состоялось, но на Соборах «андреевской ветви» ИПХ, кои были достаточно часты и активны во второй половине 1990-х гг. (точнее, с 1995 по 2001 год) «поднимался вопрос» о канонизации Ивана Ильина (материалы сих Соборов см. тут: <https://russianorthodox.narod.ru/rusorth/archiv/3.html>). Даже не будучи признанным «символической книгой» Православия de jure, трактат Ильина *«О сопротивлении злу силою»* de facto *стал* и не престаёт быть. Неким свидетельством церковной «рецепции» мысли И.Ильина может послужить нижепубликуемая работа архиепископа Амвросия Готфского. Принадлежность вл. Амвросия к церковному «Магисте-

риуму» и явная принадлежность данного микротрактата к той же «линии мысли», что и военно-полевое Богословие Ивана Ильина – тому ручательство.

**архиепископ Амвросий (граф фон Сиверс)
РЕЛИГИОЗНАЯ И ВООРУЖЁННАЯ БОРЬБА
С БОЛЬШЕВИЦКИМ ЗЛОМ**

*“Возношения Божия в гортани их, и мечи обоюду остры
в руках их. Створити отмщение во языцах, обличение в
людех” (Пс. 149, 7-8)*

Последние лет 10 отчего-то стало принято считать, что у православных *не может быть* сопротивления злу в смысле вооруженной борьбы. Более того, полагается, что *доктринальное обоснование* сего сопротивления не только противоречит св. Евангелию, но и вообще не имеет места в христианской истории. Конечно, таковые идеи есть запоздалая отрыжка толстовской ереси “непротивленчества”. Однако, подобные настроения весьма растлили современное религиозное сознание и последствия сего более, чем печальны.

Мы же, следя св. Писанию и св. Преданию, утверждаемся в том, что сопротивление злу не только возможно, но и необходимо, если мы продолжаем оставаться правоверными. Иными словами – сие имеет основания, в первую очередь, **религиозные**.

Уже во время Гражданской войны у многих православных архиереев возникали сомнения в целесообразности вооруженного сопротивления большевизму. Так, наиболее отвратительным явилось предательское так наз. “*аполитичное*” Послание патр. Тихона от 25.9(8.10).1919 г. Однако, несмотря на это, вооруженное сопротивление православных в оккупированной большевиками России неуклонно продолжалось вплоть до окончания II-й Мировой войны. Именно безкомпромиссные истинно-православные христиане и вели сию Священную войну.

В русской эмиграции также, конечно, имелись духовные и светские люди, осознавшие погибельность “непротивленчества” и жаждавшие продолжить вооруженную борьбу. Именно с сим связано появление в Берлине в 1925 г. известнейшего труда проф. И.А. Ильина “О сопротивлении злу силой”. Книга вызвала как бешенство и негодование в “левой” среде, так и сочувствие не только в “правой”, но и собственно в церковной.

“Поскольку, однако, Ильину приходилось прямо касаться и богословских вопросов, он предварительно советовался по ним с иерархами Русской Зарубежной Церкви – и *получил их полную поддержку*. На этот счет есть конкретные указания не только в статьях, но и в переписке Ильина. Так, в письме к Струве от 9 июля 1925 г. Ильин сообщал: “Еп. Берлинский Тихон и митр. Антоний считают мою книгу подлинным и точным выражением православного воззрения”. Десять дней спустя, в <...> письме к Струве от 19 июля 1925 г., после слов о том, что он “искал *решения* вопроса, настоящего, религиозного, пред лицом Божиим” и считает, что это решение “содержалось в древнем духе *православия*”. Ильин пишет: “Еп. Тихон (Берлинский) после моего доклада в церкви перед приходом, заслушав последние 4 главы книги, говорил с большим подъемом о том, что это есть истина, которую православие носило веками *в чувстве и вbole* и которая впервые выговорена разумом и доказана”. Указав далее, что в важнейших главах книги (19-22: О мече и праведности, О ложных решениях проблемы, О духовном компромиссе, Об очищении души) центральное различие – “неправедность грех”, и в нем именно и заключается “корень всего разрешения” проблемы, Ильин добавляет: “по этому пункту я оговаривался и списывался с нашими иерархами – решение вопроса остается *моим* и терминология *моя* – но они считают (Антоний и Тихон), что это *верное решение*”.

Кроме митр. Антония и еп. Тихона у Ильина по поводу его книги была переписка ещё и с Анастасием (Грибановским), в

то время архиеп. Иеросалимским, впоследствии Митрополитом и Главой всей Русской Зарубежной Церкви, сменившим на этом посту митр. Антония (Храповицкого). Об этой переписке Ильин упоминал в открытке к Струве осенью 1926 г. ... Ильин извещал Струве: “Я на днях пришлю Вам копии с нескольких писем архиеп. Анастасия Иерусалимского ко мне (он просил их не печатать за его подписью) – и Вы увидите, как обстоит вопрос о православности моей книги”.

В 1921 г. в Берлине быв. эсэром журналистом С.А. Соколовым-Кречетовым, совместно с герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и ген. П.Н. Красновым было создано “Братство Русской Правды” – организация, официально именовавшая себя “не политической партией”: “Не будучи “политической партией”, но только объединением русских национальных активистов, мы не несем с собой в Россию подобных и сложных политических программ”. В сущности “БРП” являлось **террористической организацией**, а ее бойцы держали в постоянном страхе многие, особенно пограничные, области Совдепии. То, что “БРП” было к тому же **сугубо-религиозной организацией** также не вызывает сомнений, так как оно прямо патронировалось митр. Антонием (Храповицким), не только издавшим особое Послание с благословением деятельности Братства, но и составившим для него особую молитву. В самый разгар военных действий “БРП” и одновременно развернувшейся клеветнической кампании против него, в июле 1932 г. митр. Антоний писал Верховному Кругу “БРП”: “Любезные во Христе Братья Русской Правды с вашими сотрудниками! Сегодня я получил Ваше дружественное послание с выражением мне благодарности за молитву и сочувствия. Общую молитву за подвижников Русской идеи я посильно возношу постоянно... Я уверен и в Вашем добром расположении ко мне и в да не хладеющем порыве за спасение России и за процветание православной Веры... Светлая надежда на победу над врагами должна быть в Ваших православных сердцах, в уверенности, что с Вами

души всех Ваших честных соотечественников, которые с нетерпеливым любопытством следят за ходом Ваших дел, радуются Вашим успехам и молятся о Ваших душах, как усопших, так и здравствующих, а особенно за раненых страдальцев, желая им выздоровления и возвращения в ряды сражающихся героев”. То, что митр. Антоний не был одинок в своем отношении к “БРП”, явствует из обращения Братства св. Иова Почаевского из Ладомирово: “Милость Божия и благословение Всеизыншего будут с Вами, дорогие борцы за освобождение нашей многострадальной Родины и несчастной. Великое и священное дело творите Вы. Только творите его, как крестное священное служение Христу, Церкви Святой и Матери-России. Святое дело надлежит творить с чистыми чувствами и небесным горением сердец. А вера, что сие дело правое и спасительное, пусть всегда воодушевляет Вас в минуту жизни трудную. С любовью сердечной будем ежедневно поминать перед престолом Всеизыншего присланные Вами дорогие отныне для нас имена, душу свою положивших за Страдалицу Мать-Родину. “Молитву за Россию” напечатаем в ближайшем после Пасхи номере издаваемой миссией газете “Православная Карпатская Русь”. Ваши информации, так или иначе связанные с религиозной жизнью и борьбой в России, будем помещать охотно. Если пришлете новые списки погибших, будем поминать их. Господи, спаси Россию. Ваш доброжелатель и богомолец Настоятель Православной Миссионерской Обители Преп. Иова Почаевского во Владимировой Архим. Виталий с братией”.

Многие в русской эмиграции “сидели на чемоданах”, живя надеждой на “весенний поход” в Совдепию. Именно посему участвовали во *всяком антикоммунистическом действии*, что особенно проявилось на войне в Испании. Однако, в идейной сфере церковная эмиграция оставалась в рамках монархизма. Конечно, в 1930-х гг. повсюду пропагандировались модные “фашистские” учения, но они консервативным церковникам казались явно *революционными*. При всем от-

рицании “фашизма” это, конечно, не означало, что никаких религиозно-политических поисков в их среде не велось. Например, конструировалась некая “народно-трудовая” идеология, а написанная еп. Серафимом (Соболевым) книжка “Русская идеология” оказалась настолько слабой, что о ней предпочли временно забыть.

Как мы уже указывали, русская церковная эмиграция поначалу была вовсе чужда фашизма и национал-социализма, хотя с большим интересом относилась к новым идеологическим поискам. Конечно, местный “колорит” дал о себе знать: в Германии, например, появилось “Российское Национальное и Социальное Движение”, а в Манчжурии – “Российский Фашистский Союз” (хотя при ревизии идеологических построений данных организаций, они опять-таки оказались монархическими и строго-православными). Занимателно, что к деятельности “РФС” на Дальнем Востоке Церковь относилась весьма сочувственно: “Да сохранит Господь Вас и Ваших сотрудников в полном здравии и благополучии, и да скоро подаст всем Вам радость снова увидеть свою обновленную Родину. Посылаю свое Патриаршее благословение, желая сил и мудрости для успешного и дружного служения Русскому делу. Патриарх Варнава” (из письма от 14.IX. 1935); “В день первой годовщины издания русской газеты “Наш путь”, положившей в свою основу борьбу за освобождение русского народа от чужеземной власти, желаю всем борцам за это дело успеха с Божиим благословением. Архиеп. Мелетий” (из письма от 3.IX.1934); ““Наш путь” – наш русский православный национальный путь – на порабощенную истерзанную родную землю. Дай Бог, чтобы все люди, сознав весь ужас разразившейся над Родиной бурей, с сознанием своих ошибок, а, следовательно, и с покаянием, с духовным просветлением вступили бы на этот путь и пошли им к родным пепелищам! С любовью призываю на молодое хорошее дело – русскую газету и её руководителей – Божие благословение. Архиеп. Нестор” (из письма от 3.IX.1934).

Но следует оговориться, что даже в Германии никакого сугубого “гитлерянства” в русских организациях не наблюдалось. Например, глава РОВСа в Германии ген. А.А. фон Лампе еще в 1932 г. давал сему явлению объективную оценку: “...Я НЕ в восторге от того, что в Германии идут и придут к власти “наци” – и не потому, что они мне не нравятся – на-против, я многое хотел бы, чтобы от них взяли наши русские патриоты, но в данном случае я предвижу, что они не дадут ничего в большом русском вопросе, т. к. (как это ни парадоксально), они НЕ порвут с советами, ибо это их единственный козырь в борьбе против Запада, но дадут много неприятностей нам – эмигрантам. Дадут и за то, что мы иностранцы, и за то, что наш “центр” в Париже... Нетерпимость будет отменная”. Также он отмечал: “Надо сказать, что в среде “наци” не мало русских отбросов, разъяснить стоимость которых я не теряю ни одного случая”. В целом же общеэмигрантские настроения 1930-х гг. можно охарактеризовать словами ген. А.В. Туркула: “Наш идеал – фашистская монархия”, вкладывавшего в понятие “фашистская” совсем не итальянский и уж вовсе не послевоенно-либеральный смысл. Также, конечно, в идеях русской церковной эмиграции вовсе отсутствовал столь характерный для “гитлерянства” расизм. Известный антииудаизм имел строго-религиозное и политическое содержание, о чем говорит и современный израильский автор: “Антисемитизм – зацикленная на безумных постулатах идеология – вытеснял в Европе традиционное и неопасное, былое религиозное юдофобство”.

Однако, несомненно, что видя в национал-социализме и фашизме, прежде всего, *антибольшевицкую сущность*, русская церковная эмиграция им симпатизировала. Именно в контексте вышеизложенного следует понимать известный отзыв об одной международной конференции тех лет в действиях 2-го Всезаграничного Собора 1938 г., гласящий: “В том-то и беда и роковое заблуждение большинства членов Конференции, что они считали главным отрицательным явлением

современности не большевизм, не красный интернационал и московскую цитадель мировой революции, а фашизм, национализм, расизм, антисемитизм и т.п. тоталитарные государства. Поэтому острье Конференции было направлено не против большевизма, несмотря на его безпримерную антирелигиозную борьбу, безмерные страдания всех верующих под ярмом советской диктатуры и откровенный антирелигиозный поход компартий во всех странах, а против фашизма, национализма и национал-социализма, т. е. против движений, которые написали на своем знамени о непримиримой борьбе против большевизма и пока спасли западно-европейский христианский мир от русской Голгофы и гибели христианской культуры". В точно таком же ключе был составлен, позже неоднократно обсуждавшийся, благодарственный адрес митр. Анастасия А.А. Гитлеру за постройку на государственные средства православного собора в Берлине. Однако, при всем расположении к А. Гитлеру, не стоит его переоценивать, тем более, ставить силлогизм с сергианским учением о "богоустановленности" советской власти. Ибо, конечно, никому даже в голову тогда не приходило назвать гитлеровский режим "богоустановленным". Впрочем, благожелательное отношение к А. Гитлеру, как у РПЦЗ, так и у ИПЦ, имело сугубо мистическую подоплеку, поскольку его соотносили с тем **внешним варваром** или "бичом Божиим" (Ис. 10,5,26; 28,15,18), который, подобно Мидийскому царю Киру (см. 1 Езд.) (пророк Исаия, между тем, говорит о Кире как о "помазаннике Божием" (Ис. 45,1) – в силу того, что он "вся воли Моя сотворит" (Ис. 44,28). – прим. ред.), должен был освободить Народ Божий из рабства, но в сущности оставался сам чуждым истинного богопочитания.

Какое воодушевление вызвала у эмиграции в 1941 г. война с Совдепией, трудно описать. Ее называли "нашей войной" или "2-й Гражданской войной". Эмигрантские издания цитировали слова Гитлера: "Националисты! Я знаю, что Вы все почувствовали, насколько эта революция была тяжела и

мучительна для меня. **Никогда германский народ не питал неприязненных чувств к народам России.** Однако, еврейско-большевицкое правительство в Москве более 20 лет старается кинуть в огонь не только Германию, но и всю Европу. Германия никогда не стремилась заставить мір принять свой национально социалистический строй, а в это время еврейско-большевицкое правительство непрестанно стремится к установлению своего господства над нашим и другими европейскими народами не только в интеллектуальном отношении, но, главным образом и прежде всего, в военном и в области государственного управления, принося с собой во всех странах, где этот режим развивал свою деятельность, только хаос, нищету и голод...”. Подобные настроения охватывали людей отнюдь не только в странах, оккупированных Германией. Например, в Софии печатали письма белых воинов такого содержания: “Мы, русские националисты, и, в особенности, военные, принимавшие участие в Белой борьбе, приветствуем начавшееся освобождение России от большевицкой власти. Мы не хотим быть только платоническими наблюдателями этой борьбы германского народа с большевиками, которых так нежно подкрепляют англичане и весь жидовско-американский мір...”; “Приветствуя войну с нашим врагом III интернационалом, злом всего человечества, много лет порабощавшим нашу Родину – Великую Россию, мы, белые воины, поднявшие первыми знамя борьбы с этой красной нечистью, не можем сейчас оставаться тихими зрителями происходящей борьбы...”; “Русский вопрос сдвинулся с места. Мы дождались этого момента и верим в воскресение России”; “Час освобождения России от большевиков близится...”; “Победоносное германское оружие сметет с Российских просторов коммунистическую власть и ее приспешников. Освобождение скоро настанет и много предстоит работы и для эмиграции по возстановлению России”; “Считаю своим долгом чести участвовать в возобновленной борьбе против коммунистических поработителей нашей Родины”; ““Вера,

глубокая русская вера в Бога дает мне почву утверждать, что юдомасонской власти в России настает конец. Я люблю свою физическую Родину, но Духовную свою Родину – Россию я, кроме того, еще и обожаю и крепко верю, что Господь Бог даст и мне награду увидеть Ее еще раз и поможет Ей быть полезным, усиленным и дисциплинированным трудом. Я в полном Вашем распоряжении”, – пишет один иностранец, долго проживший в России”. И там же, в “Воззвании Центрального Управления Союза Казаков в Болгарии”, мы читаем: “В нынешние судьбоносные дни, когда великий Вождь германского народа Адольф Гитлер повел свои войска **не на борьбу против русского народа, а против большевицкой напасти**, которая 24 года опустошает священную русскую землю, наш долг состоит в том, чтобы устранить между нами всякую попытку к разъединению русских сынов, которые боролись и страдали в тяжелые годы изгнания с полной верой в Бога и светлое будущее Родины. Казачество в Болгарии, как все разсеянные по всему свету наши братья-изгнанники **видят в великом деле Вождя Адольфа Гитлера перст Божий** (это подспудно осознавал и сам А. Гитлер: “Ныне я уверен, что действую вполне в духе Творца Всемогущего: борясь за уничтожение жидовства, я борюсь за дело Божие” (Adolf Hitler. “Mein Kampf”). – прим. ред.) и живут ныне с твердой несокрушимой верой, что наша дорогая Родина-Мученица скоро будет освобождена от большевицкого гнета, что Святая Русь снова воскреснет в Силе и Величии, а вместе с тем возродится и вольная жизнь всего казачества”.

В своем отношении к войне с Совдепией РПЦЗ была совершенно едина с русской эмиграцией. Уже 28 июня 1941 г. появилась статья *весьма либерального* архим. Иоанна (кн. Шаховского) “Близок час”, кою можно назвать *знаковой*, ибо она вполне искренна, точна и даже содержит в себе все те компоненты, что позже использовались в работах других авторов. Хотя позже вышеупомянутый клирик неоднократно пытался перетолковывать до обратного свою статью, всё

сие выглядело очень беспомощно, глупо и неубедительно, – ибо статья “Близок час” имела, так сказать, “самоговорящий” текст. Для полного и беспристрастного уяснения сознания РПЦЗ в 1941-45 гг. ниже мы приведем не только выдержки из открытых посланий таких ее Иерархов, как митрополиты Анастасий (Грибановский), Серафим (Лядэ) и Серафим (Лукьянов), но и знаменательную статью быв. секретаря Арх. Синода РПЦЗ г-на Е.Махаробидзе. Однако, будем честны, – в те годы даже вовсе неконсервативный румынский патр. Никодим (Мунтяну) заявил: “Борьба против большевизма есть священная борьба, есть Борьба за Бога и Его Истину”. И хотя уже в 1943 г. послышались нотки некоторого разочарования в Окружном Рождественском Послании митр. Анастасия: “Сколько раз в эти судьбоносные страдные для нас годы мы пытались читать в грядущих судьбах нашей Родины, строили определенные планы, приуроченные к тем или другим срокам, и с горечью должны были видеть, как жизнь нарушила наши мечты и гадания, как паутину, и шла своими, непредвиденными нами путями, а не теми, какие мы предначертали для нее”, а в Воззвании Епископского Совещания 1943 г. в Вене и во все имелось очень много чего беспомощного, – однако, всё сие – частности, ибо *вплоть до самого конца войны* РПЦЗ продолжала неуклонно благословлять и духовно поддерживать всяческое сопротивление красным. Так, митр. Серафим (Лукьянов) ещё в 1944 г. (т.е. почти перед концом войны!) обратился ко всем Поместным Православным Церквям с предложением “возносить молитвы за победу немцев.” Более того, весьма надёжное (по словам немецкого командования) вооружённое формирование “Русский Охранный Корпус” перед началом боев непосредственно с Красной армией получил особое “Наставление” митр. Анастасия, к сожалению, нам пока недоступное, в коем он сравнивал воинов РОКа со св. Георгием-Победоносцем, а “Красную Армию – эту юдо-большевицкую гидру” – с тем драконом,

что был изничтожен святым, чего желал и белым воинам. В этой связи весьма характерна Присяга офицеров и солдат Русского Охранного Корпуса, текст которой гласил: “Клянусь свято перед Богом, что я в борьбе против большевиков – врагов моего Отечества и сражающихся на стороне большевиков неприятелей Германской Армии, буду оказывать Верховному Вождю Германской Армии Адольфу Гитлеру всюду, где бы это ни было, безусловное послушание и буду готов, как храбрый воин во всякое время пожертвовать мою жизнь за эту присягу”. Стоит отметить также, что в Русском Корпусе в каждом отряде имелся свой священник, а встречи митр. Анастасия с немецким командованием на Балканах носили ярко демонстративный характер.

Как бы то ни было, во время 2-й Мировой войны, да и после нее, при совершенно ухудшившейся внешней и внутренней обстановке, митр. Анастасий, по меньшей мере, продолжал придерживаться в вопросе сопротивления злу своей прежней безкомпромиссной линии. Известнейшее его Пасхальное Обращение 1948 г. вызвало в свое время много шума, но еще больший скандал имел место при его же Слове на Фомину неделю 1948 г., кое РПЦЗ из-за возмущения “дипищников” так никогда и не осмелилась официально опубликовать. Там митр. Анастасий прямо призывал нанести по ненавистной Совдепии **ядерный удар**, подчёркивая, что смущаться массовой гибелью людей не стоило бы, так как “Господь своих верных обязательно презреет и в лоне Авраамли упокоит”.

Все вышеизложенные факты мы привели, дабы читатели сами смогли ознакомиться с упомянутыми документами. Также совершенно необходимо отметить, с одной стороны, процесс усиления доктрины “непротивленчества” в РПЦЗ в последнее время, с другой – страшные и чудовищные заявления и демонстрации, начавшиеся еще с 1940-х гг. молебнами еп. Иоанна (Максимовича) в Шанхае в 1943-45 гг. о победе Красной Армии, словами архиеп. Виталия (Мак-

сименко) о ней как “русском христолюбивом воинстве”, а о германцах, как “жестоком враге”, а ныне продолжившиеся, например, призывами “епископа” Ишимского Евтихия (Курочкина) идти служить в советскую армию и даже присягать на верность нынешнему богооборческому режиму, находя этому весьма слабое основание в истории: “Древние христиане, множество свв. мучеников первых веков служили в Римских легионах, и Церковь не только никогда не осуждала это, но и даже поощряла (это совершенно не так, ибо в “Апостольском Предании” св. Ипполита Римского (III в.) ясно говорится: “Оглашенный или христианин, желающие стать воинами, да будут отвержены, потому что они презрели Бога”. (Отцы и Учителя Церкви. Антология. М. 1996., Т.2., с.248). – прим. ред.). Также и ныне не предосудительно служить в армии и принимать присягу”.

Итак, можно сделать вывод, что в вопросе вооружённого сопротивления злу, основанного на *религиозном понимании*, РПЦЗ ныне принятые иные, противоположные понятия (толстовские и сергианские), – т.е. мы наблюдаем окончательную *метаморфозу идеологии* РПЦЗ в этом вопросе, её конформизм и, в конце концов, духовное разложение, рано или поздно приводящее к служению врагам Христовым против Христовой Церкви.

14/27 сентября 1998 г.

Крестовоздвижение Господне

+ АМВРОСИЙ Архиепископ Готфский И.П.Х.

(Источник: <https://russianorthodox.narod.ru/rusorth/archiv/10-kampf.html>)

**проф. Иван Ильин
О СОВЕТСКОЙ ЦЕРКВИ**

«Егда глаголет лжсу, от своих глаголет, яко ложь есть и отец лжи»

(Иоанна 8, 44)

I.

Россия нуждается сейчас больше всего в правде и в свободе.

И к свободе она придет только через правду. Пока будем лгать, будем рабами, ложью свидетельствуя о своем рабстве и закрепляя его. Вот почему наши исповедники и мученики последних десятилетий вели нас к свободе, а лицемеры и лжецы наших дней ведут нас в рабство.

Мы не выйдем из этой окаянной смути, пока не отделим честно и четко правду от лжи и не начнем стойко и мужественно выговаривать правду. Вот уже тридцать лет прошло с тех пор, как нас утопили во лжи и продолжают нас унижать ложью, страхами и насилием. А ныне им удалось заразить многих из нас этой ложью; и скорбно видеть, как честные начали верить ей и повторять ее...

С самого начала большевицкой революции было ясно, что Православная Церковь есть духовный организм, противостоящий этому, неслыханному в истории начинанию, со своей стороны неприемлемый для него и потому обрекаемый им на истребление. Ясно было, что, пока дух Православной Церкви жив в русском человеке, – дух безбожного коммунизма не овладеет душою русского человека, не поведет Россию, не станет русским духом... А между тем – именно это-то и было необходимо большевикам, ибо программа их для России всегда была одна и та же: «Россия есть орудие мировой революции; русский народ должен сам заразиться ею до кон-

ца, чтобы заразить ею все остальные народы, а там – пусть погибнет или растворится в мировом всесмешении...» Большевицкая революция никогда не была русским делом, да и не выдавала себя за таковое. Она всегда была мировой зятей, начатой интернациональным сбродом людей во имя не русских и враждебных России целей.

И вот, чтобы провести эту чудовищную затею, большевики должны были внушить русским массам – последовательное безбожие и противобожие, пафос интернационализма, готовность к кровавой резне в мировом масштабе и веру в тоталитарный коммунизм. Это было с самого начала – замысел мировой тирании, замысел антихристианский, бессовестный и безчестный. Это был план – разжечь во всех народах зависть и ненависть, разнуздать их и поработить, при помощи монополии работодательства и систематического террора. И ныне этот план отнюдь не оставлен: он жив и действен больше, чем когда-либо. И те, кто говорят, будто он «отвергнут и забыт», – лгут и тем самым служат его осуществлению, сознательно или безсознательно...

Россия необходима большевикам для его осуществления, как плацдарм, как главное орудие, – государственное, дипломатическое, хозяйственно-финансовое и военное. Мало того: им необходима душа русского народа, его вера, его жертвенность, его живой пафос, его талантливость, вся его культура, все его естественные богатства, вся его территория, его имя, его язык, самое его существование...

И все это выяснилось с самого начала. А теперь все это стало ясно и многим иностранцам. Вообще после прошедших тридцати лет этого нет надобности доказывать. Это уже доказано фактами, цифрами, речами самих большевиков и их лозунгами. И еще мученичеством миллионов лучших русских людей. Это есть историческая истина, неопровергимая и окончательная. Но горе тем, кто ее забудет или станет ее отрицать...

Теперь спросим: мог ли живой дух Православной Церкви принять это? – Конечно нет. – Могла ли Православная Церковь, духом своим созидавшая и воспитывавшая Россию, провести искусственную и фальшивую грань между «церковной» сферой и «политической», и предаться двусмысленному и предательскому «невмешательству»? – Конечно нет. – Она этого и не сделала. А если бы она попыталась сделать это, то немедленно начавшееся безпощадное наступление большевиков на нее прекратило бы эту попытку. Так и было в действительности.

II.

Тоталитарный коммунизм с самого начала не доверял так называемым «нейтральным», хотя и соглашался пользоваться ими в первые годы. Его основное правило гласило: «кто не с нами и не за нас, тот наш враг и подлежит истреблению». Прошли первые годы – и все, все, все были потянуты к ответу. Рабочие, крестьяне, ученые, инженеры, адвокаты, чиновники, духовенство, ремесленники и уголовные, – все должны были говорить: или «да, я с вами», или же «нет, я против вас»; и не то чтобы «сказать» один раз, а говорить, повторять и подтверждать это все новыми и новыми поступками, по вульгарному правилу: «коли любишь – докажи»... Надо было помогать, служить, быть полезным, исполнять все требования, даже и самая отвратительная, бесчестная, унизительная, предательская. Надо было идти на смерть героем-исповедником, или же стать на все готовым злодеем: донести на отца и на мать, погубить целые гнезда невинных людей, выдавать друзей, гласно требовать смертной казни для почетных и храбрых патриотов (как делал например артист Качалов по радио), совершать провокаторские поступки, симулировать воззрения коих не имеешь и кои презираешь, пропагандировать безбожие, проповедывать с кафедры самая идиотская теория, верить в заведомую и безстыдную ложь, и льстить, неутомимо, безстыдно льстить мелким «диктато-

рам» и большим тиранам... Словом, выбор был и ныне остался простой и недвусмысленный: геройство и мученическая смерть, или же порабощение и пособничество.

Русский народные массы поняли это и в первые же годы – и попытались уйти в маскировку.

И вот, все политическое развитие революции может быть описано как систематический нажим на маскирующихся, нажим, в котором молчаливого провоцировали, на уклончивого доносили, неудобного увозили, малольстящему «пришивали» небывалое, подозрительного ссылали, неосторожного ликвидировали; а с другой стороны маскирующиеся изобретали все новые способы оставаться незамеченными, уйти от нажима, они изыскивали все новые жизненные маскировки, новые формулы нейтральности или полу-лояльности, новые закоулки быта, новые «леса», «ковраги» и «тундры» – для спасения... И наконец все это увенчалось – выработкой живой маски на лице...

Сколько раз за последние годы иностранцы спрашивали нас, почему это у русских такие «каменные лица»? Они были правы: советские все носят живую маску и молчат. На лице – ни чувства, ни мысли, ни интереса. Мертвая тупость, неподвижные шеи, незамечающие, хотя все время рыщущие глаза, в них смесь из застывшего испуга, раболепия, на-всеготовности и хитрого садизма. Это у советских чиновников. У простых людей – та же маска, но, конечно, без раболепия и без садизма. Страшно смотреть. Защитные маски. Застывшая ложь. Какие-то трупы тоталитаризма. Работы советчины. Препараты коммунизма. А что там в душе скрыто и замолчано? Об этом скажет история впоследствии. Вот во что превращена сейчас наша простодушная и словоохотливая Русь...

III.

Понятно, что от этой дилеммы, от этой маскировки не могли уйти и деятели Православной Церкви. Одни пошли на

мученичество. Другие скрылись в эмиграцию или подполье, – в леса и овраги. Третий ушли в подполье, – личной души: научились безмолвной, наружно невидной, потайной молитве, молитве сокровенного огня...

Ныне нашлись – четвертые. Эти решились сказать большевикам: «да, мы с вами», и не только сказать, а говорить и подтверждать поступками; помогать им, служить их делу, исполнять все их требования, лгать вместе с ними, участвовать в их обманах, работать рука об руку с их политической полицией, поднимать их авторитет в глазах народа, публично молиться за них и за их успехи, вместе с ними провоцировать и поднимать национальную русскую эмиграцию и превратить таким образом Православную Церковь в действительное и послушное орудие мировой революции и мирового безбожия...

Мы видели этих людей. Они все с типичными, каменно-маскированными лицами и хитрыми глазами. Они не стесняясь, открыто лгут и притом в самом важном и священном, – о положении Церкви и о замученных большевиками исповедниках. Они договорились частным образом с советской властью и не заботясь никак о соблюдении церковных канонов, «выделили» из своей среды угодного большевикам «патриарха» и официально возглавили новую религиозно парадоксальную, неслыханную «советскую церковь»...

Вот смысл произшедшего.

Зачем они это сделали? Оставим в стороне их личные побуждения. За них они ответят перед Богом и перед историей. Спросим об их «церковных» соображениях. Для чего они это сделали ?

1. Для того, чтобы покорностью Антихристу погасить или по крайней мере смягчить гонения на верующих, на духовенство и на храмы; – «купить» передышку ценою содействия большевизму в России и за-границей.

2. Из опасения, как бы Антихрист не договорился с Ватиканом об окончательном искоренении Православия; – чтобы в борьбе с католиками иметь Антихриста за себя...

История покажет, чего этой группе удастся в действительности достичнуть, что она потеряет и что приобретет, и какова будет ея личная судьба. Не подлежит однако никакому сомнению, что будущее Православия определится не компромиссами с Антихристом, а именно тем героическим стоянием и исповедничеством, от которого эти «четвертые» так вызывающие, так предательски отреклись... Мы ни минуты не можем сомневаться в том, что вся эта группа будет «своевременно», т. е. в подходящий момент казнена большевиками; но уйдут они из жизни не в качестве верных Православию исповедников и священномучеников, на подобие митрополиту Вениамину, Петру Крутицкому и другим, их же имена Ты, Господи, веси, а в качестве не угодивших Антихристу, хотя по мере сил и угождавших ему, рабов его... Ибо, – установим это теперь же, – в сделке с советской властью они вынуждены расплачиваться и уже расплачиваются реальными услугами и безоговорочным содействием.

IV.

То соглашение, которое они заключили, не может быть названо – «конкордатом», ибо конкордат предполагает известное, хотя бы скромное, «равенство» и хотя бы минимальную свободу договаривающихся сторон. Stalin – и Сергей, Stalin и Алексей никогда не были равны: Сергей и Алексей были всегда терроризованными пленниками Stalina; они не были свободны; они не «договорились» со Stalinem, а покорились ему. При этом Stalину важно было изобразить это дело для Европы и Америки как «конкордат», и эту покорность, как «свободное соглашение равных сторон». Надо было, чтобы мир поверил; а мир по мудрой римской поговорке, и без того всегда «хочет быть обманутым»...

Алексей понимал это с самого начала и отлично знал, что делает: он помог обмануть мир, чтобы поднять в его глазах и свой авторитет (как же?.. «независимый Патриарх всея Руси»...), и авторитет советской власти (как же?.. «отныне церковь в советском государстве на свободе и в почете... и сама же отрицает в прошлом всякия гонения, как небывшая»....).

С этим заведомо ложным известием Алексей, а потом и его эмиссары поехали за-границу. Они лучше чем кто-нибудь знали, что церковь стала покорным учреждением советского строя: что они обязаны и смеют говорить только ту ложь, которая им предписана; они знали, что лгут и лгали о мнимой свободе церкви». Каждый прием Алексея на Ближнем Востоке давался «втроем»: он сам и два, стенографирующих каждое слово агента «внутренних дел» (для взаимного контроля). Стенографировались его собственные слова и слова посетителя. При этом Алексей уверял посетителя, что «православная церковь вполне свободна» и тем провоцировал посетителя выдавать себя с головой большевицкой тайной полиции. Он конечно понимал, что его выступления имеют смысл политической провокации – и провоцировал. «Патриарх всея Руси» в роли сознательного политического провокатора у Антихриста...

Таковы же были и выступления его политических эмиссаров в Париже, этих т. н. «митрополитов» и «епископов». То же самое происходило и в Америке. Все они лгали и провоцировали; и знали, что лгут и провоцируют. И видели, что им верят – или одни «свои же агенты», или сверх того еще и «отменные эмигрантские глупцы, и без того желающие быть обманутыми». А про эмигрантских не глупцов они твердо знали, что эти – только притворяются, будто верят, а на самом деле сознательно помогают им обмануть эмигрантское и мировое общественное мнение в пользу большевизма – и при том по международной директиве данной из мировой кули-

сы. Они понимали все это – и лгали дальше. А если под шумок «провирались правою» – то бывали за это немедленно увозимы в Москву на аэроплане (так было в Париже).

Удивительно легко, привычно и ловко катились они по этой линии лжи. Это впрочем понятно: главная ложь была у них уже за плечами: у них хватило духа объявить устно и печатно, что все мученики и священномученики Православной Церкви за последние тридцать лет страдали не за веру и не за Христа, и не за Церковь, а за «политический преступления» против советской власти: у них хватило духа, – заявить, что никаких гонений на веру, на верующих, на Церковь, на храмы и на святыни Православия в советской стране никогда не было. После этой вопиющей лжи – все остальное лганье пошло легко и гладко.

V.

Книгу Местоблюстителя Сергея, вышедшую в Москве, во второй половине 1942 года, надо было видеть и изучить, что нам и удалось сделать.

Это – сборник статей, «заявлений» и «свидетельских показаний». Участниками были – сам Сергий, его ближайшие церковные помощники и длинный ряд «духовных» и светских лиц. Тезис у всех был один: советская власть никогда не вела гонений на церковь, на веру и на верующих: гонения начались только в момент вторжения германских фашистов и ведутся только ими. Каждая статья сопровождалась портретом ея названного автора или во всяком случае факсимилие его подписи.

Кто читал эту книгу, – зная историческую правду, – того охватывало чувство головокружения и ужаса. Это был поток заведомой, вызывающей, безстыдной лжи; все было написано одним и тем же, одинаковым стилем и произносилось тоном аффектированного, наигранного негодования, с эдакими раскатами «истинно-коммунистического пафоса», и с этою,

за тридцать лет всем осточертевшою подхалимской «лояльностью»... – Что было – того «не было». Церковь «цветет», народ «свободно молится», храмы – «открыты», никаких утеснений сроду не бывало.

Когда же волна злодейского умысла, ненависти и свирепости действительно надвигалась из Германии – по обычаю советской пропаганды – к очевидно-безспорной правде пристегивалась заведомая ложь... И произносилось все это распаленным тоном заведомого лжеца, знающего, что ему никто не верит и не поверит.

И потом эти «иерархи» явились к нам, за рубеж, и предложили нам признать их «авторитет» и подчиниться их церковному водительству так, как они сами подчинились духовному водительству советов. О последнем они, впрочем, умолчали. А за рубежем сейчас же нашлись такие, которым эти люди показались носителями «истинного и свободного Православия», и которые увидели в Алексее (страшно сказать) «хранителя канонов» и «великого водителя церкви». И поспешили «уверовать» в него и подчиниться ему... И конечно принять «советскую церковь»...

А «советская церковь» есть на самом деле – учреждение советского противохристианского, тоталитарного государства, исполняющее его поручения, служащее его целям, не могущее ни свободно судить, ни свободно молиться, ни свободно блюсти тайну исповеди. По истине, только тот, кто все забыл и ничему не научился, может воображать, что тоталитарный коммунизм способен и склонен чтить тайну исповеди; что священник «алексеевской, советской церкви» посмеет блюсти эту тайну и, приняв исповедь честного патриота, (т. е. «контр-революционера» или идейного антикоммуниста) не довести ее по линии НКВД или МВД... По истине, только тот, кто устал бороться с советскими рабовладельцами и поддался их пропаганде, может думать, что «патриарх» Алексей хранит и строит истинное Правосла-

вие. Только тот может считать Алексея «хранителем канонов», кто никогда не читал их и не вникал в их глубокий христианский смысл. Этот смысл – прежде всего в свободе от человеческого давления на «изволение Духа Святого» и во вдохновенном повиновении Еgo внушениям. И потому то, что Алексей на самом деле может «хранить», конечно в пределах угодных и удобных советской политической полиции, – это традиционная внешность исторического Православия, а каноны он уже попрал, взираясь на запустевший престол Патриарха всея Руси.

В ответ таким забывчивым и утомленным мы выдвигаем тезис: православие, подчинившееся советам и ставшее орудием мирового антихристианского соблазна – есть не православие, а соблазнительная ересь антихристианства, облекшаяся в растерзанныя ризы исторического Православия. Но этот тезис мы уже не будем доказывать, ибо мы его только что доказали.

Пусть же тот, кто действительно «не видит» ложной роли нового «патриарха», подумает только: сам порабощенный, – зачем он силится подмять под себя и поработить вместе с собой еще и зарубежное Православие? Сам принявший компромисс с врагами Христианства и Православия, вынужденный к этому, – зачем он навязывает этот компромисс нам, которые имеют возможность, слава Богу, не молиться за дьявола и его успехи в мире. Ведь казалось бы – надо Бога благодарить за то, что зарубежное Православие может жить и молиться, не служа Антихристу. Откуда эта непреодолимая потребность в иерархическом подчинении, в возможности назначать, предписывать, столь чуждая истинному Православию? Почему это стало вдруг необходимо – лишить зарубежное Православие свободы его молитвенного и церковного дыхания? Православию ли нужно поработить все зарубежные приходы и епархии под низкую руку НКВД, чтобы всюду шныряли, предписывали, шпионили и составляли свои проскрипцион-

ные списки его безсовестные и свирепые агенты, эти исчадия зла и позора? Кто же в действительности нуждается в этой нашей зависимости – Православная Церковь или советское правительство?

Тут спросить – значит ответить. Советская церковь осуществляет во всех своих выступлениях – не волю Церкви, а волю советчины. А слепцы и лицемеры спешат ей на встречу.

VI.

Мне, как жителю Италии, пришлось однажды видеть в соборе городка Орвьетто замечательную фреску художника XV-XVI века Луки Синьорелли: «Пришествие Антихриста».

Впечатление было потрясающее, незабываемое. Особенно для нас, въяве видевших гонения большевиков на Православную Церковь...

«Он» изображается в чертах, жутко, кощунственно напоминающих лик Христа Спасителя. Страшно смотреть на эти черты. Оне сдвинуты в сторону пошлой сытости, лживости, лицемерия, аффектации и какой-то пронырливой порочности... Эти отвратительные черты не воспроизводят в детали и фотографы... «Он» появляется на огромной фреске несколько раз. Вот «он» делает ложные, соблазнительные чудеса, – исцеляет больного среди ликующих родственников его. Вот «он» говорит к народу, а дьявол слева, придерживая его за талию, шепчет ему на ухо свои инструкции... У ног его лежат в куче только что конфискованные священные сосуды. Агенты его раздают направо и налево золото. В слушающей толпе есть всякие: уже соблазнившиеся и еще сомневающиеся, растерянные и любопытные, резонеры и продажные, интеллигенты и чернь, безразличные и неистовые. А там, справа и слева – палачи душат протестующих, обезглавливают верных, избивают духовенство и непокорных... И агенты, одетые во все черное, уже завладели храмами и отбирают святыни...

Страшная картина. Пророческая картина.

О ней думаешь невольно, произнося эти противоестественные, безмысленные слова: «советская церковь»...

Источник:

**«Луч света». Учение в защиту Православной веры,
в обличение атеизма и в опровержение доктрин
неверия. В двух частях: Часть вторая. / Собрал,
перепечатал и дополнил иллюстрациями Архимандрит
Пантелеймон. — Издание второе. — Jordanville: Издание
Свято-Троицкого Монастыря, 1970 [1971]. — С. 401-407.**

Митрополит Антоний (Храповицкий)

**О КНИГЕ ПРОФ. И. ИЛЬИНА
«О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ»**

От редакции

Линия фронта Гражданской войны разделила Русскую Православную Церковь. Это разделение продолжалось за рубежом и не преодолено и доселе. Оказавшись в 1920 году в эмиграции, русские архиереи продолжали окормлять рассеянных по всему миру военнослужащих частей Белого движения. В военном отношении их объединил Русский Общевоинский Союз (РОВС), а в церковном – Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ).

Нахождение в эмиграции способствовало размыщлению о «русской катастрофе» – мировой войне, революции и последующем политическом противостоянии. В чём-то эти размышления продолжали предреволюционную полемику в рамках петербургского религиозно-философского общества.

Вышедший в 1925 г. труд русского философа Ивана Александровича Ильина (1883- 1954) «О сопротивлении злу силу» был посвящён белым воинам и их вождям. Обосновывая вынесенный в заглавие тезис, Иван Ильин полемизирует с учением о непротивлении злу насилием Льва Толстого, обосновывая не только возможность, но и религиозную необходимость, моральную правду сопротивления злу путём «мечи». Отмечая некоторую казуистичность и рациональность построения книги, историк русской философии прот. В.В. Зеньковский отмечал вместе с тем её подлинность и глубину: «в ней есть особая, суровая честность».

Полемика вокруг труда, вышедшего за год до церковного раскола в русской эмиграции, в значительной степени соответствовала политическому аспекту этого, уже оформленвшегося разделения на, условно выражаясь, «ульятра» и про-

сто консервативно настроенных православных. Резкая и во многом полемически заострённая отповедь Ильину со стороны другого известного русского философа Н.А. Бердяева в журнале «Путь» за 1926 г. («Кошмар злого добра») ярко очертила и богословско-философские, и церковно-политические границы этого противостояния. С другой стороны, как следует из нынешнего отзыва, мировоззрение Ильина было весьма созвучно Первомуарху РПЦЗ митрополиту Киевскому и Галицкому Антонию (Храповицкому), который, стоя на православных имперских позициях, выступал за продолжение вооружённой борьбы с большевизмом, сравнивая её с борьбой с иностранными интервентами в период смутного времени, письменно благословляя как русских белых террористов (Братство Русской Правды), так и фашистов (партия Анастасия Вонсяцкого).

Нельзя сказать, чтобы философский трактат, не самым доступным образом изложенный, мог бы быть чрезвычайно популярным среди массы прихожан РПЦЗ. Однако, как видится, этот труд оказался в целом созвучным настрою партии Русской Зарубежной Церкви, поскольку при всех антикоммунистических военных режимах (Германия, Маньчжурия, ЮАР, Чили) чада РПЦЗ чувствовали себя комфортно. Зло не исчезло ни с лица планеты в целом, ни с лица Русской земли – и труд проф. Ильина, и труды иерархов Белой Церкви, посвящённые обоснованию Христианского сопротивления Злу – ещё долго не утратят своей актуальности.

Эту весьма глубокомысленную и интересную книгу я читал с месяц тому назад и сделал тогда же немало отметок на её полях; однако не мог раньше взяться за перо, чтобы написать просимую рецензию, будучи подавлен множеством неотложных дел. Кроме этой книги ещё четыре автора ожидают моего отзыва.

Предмет, трактуемый почтенным философом И. А. Ильиным, мне близок: ещё в 80-х годах я читал в Петрограде пу-

бличные лекции о противлении злу против Л. Н. Толстого, а затем издал книжку «О войне с христианской точки зрения», которая, впрочем, подверглась бойкоту со стороны баптистов и др. тёмных сил, пропагандировавших «непротивление» как раз в 1914 году.

Самое печальное в этой пропаганде было то совершенно нерелигиозное и неискреннее отношение к предмету, которое у нас весьма успешно практикуется во всех вопросах, соприкасающихся с христианским учением, ибо на стороне пропагандистов было и недавнее нерасположение общества к религии вообще, а к православной в особенности, и ещё более — непроходимое невежество в учении Св. Библии: публика наша даже не представляет себе объёма этой книги и воображает, будто Библией именуется только Ветхий Завет. — А Новый? — «Ну, это другое дело: Новый Завет — это всё равно, что Евангелие». — А деяния, послания и апокалипсис? — «Ах, в самом деле, я и забыл (чаще — забыла)».

Подобное же отношение к Св. Писанию проявили и мизерные, нанятые критики книги г. Ильина по поводу его ссылки на слова Апостола Павла: «всяка душа властем предержащим да повинуется». Они требовали ссылки на «первоисточник Откровения» — слова Христовы и злорадно предупреждали, что соответствующих слов найти невозможно, ибо Христос сказал: «Не убий».

Полуграмотные друзья мои! Это сказал не сам Христос, а Моисей, т. е. Бог устами Моисея, а раньше и Сам вслух <для> всего народа (Исх. 20); Христос же Спаситель говорил богатому юноше: «аще хощеши внизи в живот, соблюди заповеди»; и на вопрос: «какие?» перечислил 5-ю и 6-ю, 7-ю и 8-ю и 9-ю (Матф. 19, 16—25, и Мар. 10, 18—22). Но вам, конечно, неизвестно, что Господь Бог, дав 10 заповедей, тут же предъявляет кару за их нарушение. Кто злословит отца или мать, того должно предать смерти, и т. д. Такое же наказание в той же книге Исход и затем во Второзаконии Господь назначает хульникам, прелюбодеям, наконец всякому хозяину,

который держит заведомо бодливого вола,— если вол забодает мужчину или женщину.

«Но ведь Христос (скверная привычка говорить Христос вместо Иисус Христос, или Христос Спаситель: по одному этому признаку можно познать человека нерелигиозного), Христос не говорил ничего подобного!» — кричит вам в ответ полуграмотный критик. Нет, говорил! Откройте Матф. 15, 3—6 и читайте Его слова: «Зачем вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертию да умрет (ср. Исх. 20, 12; 21, 16). А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почитать отца своего или мать свою. Таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим». Видите. Спаситель не только привёл заповедь, но и присоединил к ней слова Божии, не имеющиеся в десятословии, и признал сие повеление о смертной казни для злословящих отца или матери заповедью Божией, Самим Богом изреченною.

«Так значит — смертная казнь? пытка, инквизиция?» Кричат непротивленческие борзописцы. Ответим так: «что следует для нас, христиан, из этих слов, мы скажем в своё время, а вы извольте заткнуть свой глупый рот, когда желаете говорить, будто Иисус Христос не подтверждал слов Ветхого Завета о наказаниях и войне. К сожалению, этого изречения Господня не привёл и И. А. Ильин в своей книге.

Но главная ценность последней не в изъяснении закона Божия, а в том, что он ясно и определённо указал на ложь и лицемерие непротивленцев, могущих продолжать своё существование только благодаря наличности армии и полиции во всяком культурном народе, а следовательно, ответственных за те карательные законы, которые действуют в их стране. Не все граждане палачи, не все сражаются на войне, но без армии и палачей они бы не могли жить в безопасности, и следовательно, если война и казнь грех, то это грех всех. Вот эту истину И. А. Ильин выясняет со всею ясностью: если не

казнить нераскаянных злодеев, то они будут казнить мирных граждан; всё это знают все непротивленцы, пережившие революцию последних лет.

Эту совершенно ясную мысль автор подкрепляет философскими и психологическими основаниями, справедливо доказывая, что человек не есть индивидуальный только субъект, но связан в добре и зле со всеми: ни добро, ни зло не имеют в жизни людей чисто личного или частного характера. Всякий добрый, независимо даже от своих внешних поступков, добр не только про себя, но и для других; всякий злой, даже если он злится только про себя, зол, вреден и ядовит для всего человечества (стр. 147). Вот почему в живом общении людей каждый несёт в себе всех и, восходя, тянет всех за собою, и падая, роняет за собою всех (148). Мысли эти, конечно, давно высказаны ещё Ап. Павлом и отцами Церкви и в последнее время Достоевским, но Л. Н. Толстой совершенно бездоказательно отверг их и заявил уверенно, но неосновательно, что он не обязан защищать жертв злодея силой потому, что отвечает за свою собственную деятельность.

Наш автор не видит в насильтвенном пресечении злодейний человеческих панацею <от> всех зол: «отрицательная задача понуждения, пресечения,— говорит он,— отрезать пути к злодейству, оставляя открытым путь единения. Это далеко ещё не создание рая, но это есть исключение ада» и т. д. (166).

Уклоняться от такого долга гражданина и христианина и из опасения согрешить гневом или обидеть злодея «было бы столь же реально, умно и состоятельно... как человеку, провалившемуся по пояс в болото, рассуждать о том, как бы ему вернуться домой, не допустив в своей одежде ни одного влажного пятнышка» (172 стр.)... Ибо есть определённые жизненные положения, при которых заведомо следует искать не праведности и не святости, а наименьшего зла и наименьшей неправедности (стр. 174), ибо, прибавим от себя, зло уже есть нечто данное в тех случаях, когда борьба против него

возможна только чрез приложение физической силы. Далее автор приводит изречение Евангелия (на самом деле послания Ап. Иоанна): «ненавидящий брата своего человекаубийца есть, хотя бы он физически не убил никого» (стр. 176).

Убийство — грех (скажем от себя) как выражение богопротивной злобы и ненависти или как произвол, воспрещённый Богом. Но убийство на войне может не содержать в себе ни того, ни другого элемента и потому Церковь в каноническом послании Св. Афанасия Великого к Аммуну монаху не признаёт участие на войне грехом. Послание это автор приводит на стр. 180 в примечании, но, к сожалению, не подчёркивает его общецерковного значения как безапелляционного общецерковного учения, ибо послание сие есть каноническое, утверждённое VI и VII Вселенскими Соборами. Впрочем, он сам от себя справедливо поясняет в начале своей книги, что два совершенно одинаковые с виду поступка могут оказаться имеющими совершенно различную, может быть, прямо противоположную нравственную и религиозную ценность: два пожертвования, две подписи под одним документом, два поступления в полк, две смерти в бою. Казалось бы, что христианское сознание не должно бы нуждаться в таких почти аксиоматических разъяснениях (стр. 19).

Впрочем, признавая их аксиоматическими, автор растягивает их на 220 страниц, внося сюда совершенно неуместно, но сообразно современной моде, таблицы наподобие генеалогических или математических.

Впрочем, это дефект относительный, а вот уже безусловное достоинство этой книги, что он приближает в известных положениях людей минимум неизбежного зла с положительным добром и резко осуждает уклонение лицемеров вроде Л. Н. Толстого от раскрытия обязанности члена человеческого общества защищать учреждение, коим охраняется не только его благополучие, но и самая возможность существования на земле.

Действительно, прав автор, заявляя, что «вся история человечества состоит в том, что в разные эпохи и в разных об-

ществах лучшие люди гибли, насилие худшими, причём это продолжалось до тех пор, пока лучшие не решались дать худшим планомерный и организованный отпор» (стр. 161). И если «не всякий способен взяться за меч и бороться им и остаться в этой борьбе на нравственной высоте», то ясно, что «для этого нужны не худшие люди, а лучшие люди, сочетающие в себе благородство и силу; ибо слабые не вынесут этого бремени, а злые изменят самому призванию меча» (стр. 208). Не так по морали Толстого, ибо только «для лицемера и слепца равноправны и Георгий Победоносец, и заколотый им дракон» (стр. 112).

Лучший моралист из наших старших современников епископ Феофан Затворник (1894 г.) на запрос одной своей корреспондентки, благословит ли он отдать сына в военную школу, согласно его желанию или (кажется) в инженеры, согласно желанию его матери, отвечал: пусть будет воином, это благородная и достойная служба вере и отечеству. Этот епископ, доктор богословия, бывший раньше ректором столичной академии и написавший целую гору учёно-богословских сочинений, а себя стеснивший в безусловное одиночество в провинциальном монастыре, уже не может быть укоряем в оппортунизме даже такими ретивыми прокурорами, как оппоненты И. А. Ильина.

Итак, мы приветствуем мысли и книгу последнего: он глубоко и всесторонне понимает христианское учение о степенях совершенства и смотрит правде в глаза без замалчивания.

Можно разве немного пожалеть о том, что он мало выяснил свой вопрос с точки зрения распределения обязанностей между членами человеческого общества. Правда, он говорит, что «счастливы в сравнении с государственными деятелями монахи, учёные, художники и созерцатели... но они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела. Они должны помнить, что если бы у всех людей страх перед

грехом оказался сильнее любви к добру (и к близким), то жизнь на земле была бы невозможна» (стр. 209).

Светлая и сильная мысль! Не указан только церковно-общественный принцип, по которому совершается разделение жизненного труда между носителями различных служений.

Затем не указаны границы приложения активной принудительной силы в борьбе со злом, например, царю-завоевателю, карательному отряду, государственному сыщику и наконец инквизитору, если б такие оказались снова на земле (и, конечно, окажутся). А границы эти указать необходимо: ведь и поныне не существует, например в Европе, государства, в коем не практиковались бы пытки при допросе и террор при бунте.

Впрочем, это вопрос не настолько сложный, что трактовать его в той же книжке, которая пытается установить только самое общее согласование между добродетелью и общественным порядком, между Царством Божиим или Церковью как свободным союзом и государством как союзом принудительным, совершенно невозможно: автору достаточно было бы указать только наличие такой нравственной нужды.

Не могу удержаться от одного только лёгкого упрека автору: он как человек более талантливый, чем большинство современных писателей, мог бы воздержаться от несчастной современной привычки кроить новые слова: духовно-душевный, міроотвергающая религия, духовное видение (?), любовное приятие заставляемой души и т. п.

<https://www.rocorstudies.org/ru/2016/06/16/o-knige-i-ilina-o-soprotivlenii-zlu-siloj/>

О ПАМЯТНИКЕ И.А.ИЛЬИНУ

Оказывается, о чём мало кто знает, в нынешней РФ-ии имеется «памятник Ильину». 15 июня 2012 г. в г. Екатеринбурге открыли памятник русскому мыслителю Ивану Александровичу Ильину - первый в России. И сам памятник, и все связанные с ним обстоятельства – являются собою диковиннейшее и показательнейшее выражение того неосовецко-белосовского сюра, характеризующего стилистику «идейного» пространства путинленда. Торжественное открытие и освящение памятника, входящее в программу VIII международных Ильинских научно-богословских чтений, состоялось возле Уральского института бизнеса (!) им. И.А Ильина. О, почему именно «институт бизнеса» решили назвать именем Ильина!? – вот тут уже начинается сюр: Ильин, конечно, не был сторонником «отмены частной собственности», но всяких там «бизнес-людишек» нешибко жаловал – его этос был скорее феодально-рыцарским, с аллергией на буржуа... Ректор вуза, доктор экономических наук, профессор (а точно с двумя «сс»?), академик Академии информатики Украины (вже таки смішно!), протоиерей (!) Александр Миняйло поздравил всех собравшимся с этим историческим, по его словам, моментом. «В 20-е годы лучшие сыны отечества, в частности Иван Александрович Ильин, были высланы из нашей страны, однако совсем недавно Ильин был возвращён в Россию (экстрадирован?). По воле Божьей (???) наш институт, сотрудники нашего института участвовали в перезахоронении Ильина. Важно, что этот памятник появился именно на Урале. Он должен напомнить нам, как нужно любить Россию, как защищать её и как возвеличить Россию и её народ», — заявил протоиерей Александр Миняйло (мощно задвинул, бизнес-батёк, однако). На открытии присутствовал правнук Ивана Ильина (!!!). Он поблагодарил

всех, кто помогал в открытии этого памятника. Освятил монумент владыка Нижнетагильский Иннокентий. По его словам, Ильин до сих пор жив, поскольку живы его идеи и его дело. «Владыка», мля, Кеша – се «особая (блатная) песня»... Иннокентия Яковleva, володимирские живописцы ещё помнят секретарём парткома местного Союзу художников, Яков Яковлевичем Яковлевым - в 80-х, строгим и взыскательным блюстителем канонов социалистического реализму, своим коллегам по художному цеху долгие годы плещь проедавшим настойчивой проповедью идей «высокой коммунистической морали» и блодением афеистких принципов в искусстве. «Жидовская морда» - так за глаза и прозывали сего художного ментора, пока в 92-м, к своему изумлению, не улицезрели его не где-нибудь, а на храмовом амвоне, долгополым и брадатым, с той же летучей настойчивостью звяцающим уже о «высокой православной духовности...» (<http://kalakazo.livejournal.com/811981.html>). И ещё «пять копеек»: «Честное имя архибандита Иннокентия Яковleva попало в поле зрения володимирской светской печати и оскаандалилось, выпятившись наружу, как яркий образец не светской, а нарождающейся уже чисто церковной клептократии: «Следом, одна из сузальских газет обвинила секретаря епархии, наместника Александровского монастыря, известного в прошлом художника и парторга Владимирского Союза художников, архимандрита Иннокентия Яковleva, в распродаже за границу предметов искусства и церковных ценностей. На вырученные миллионы он будто бы выстроил коттедж при своей обители - «иконописную школу», но оформил его на младшую дочь. Старшей он сделал коттедж во Владимире еще при строительстве Богородице-Рождественского собора» (<http://kalakazo.livejournal.com/692401.html>). И т.д., как грицца, и т.п. Надобно памятовать про лютую ненависть И.Ильина что к соввласти, что к совцеркви, дабы в полноте оценить весь дикий опять же сюр «ситуации»...

Памятник отлит из метеоритного железа. На реализацию проекта ушло 5 лет, осколки метеоритов были собраны по всей стране. Памятник был создан скульпторами-любителями из города Лесного Свердловской области на средства православных верующих. По словам писателя, главного редактора газеты «Завтра» Александра Проханова, памятник Ильину получился достаточно тяжёлым. Его устанавливали при по-

мощи большегрузного крана. «Если вы подойдёте к памятнику Ильина летней ночью, то увидите над головой монумента жёлтое сияние-это метеоритный свет. Он как бы напоминает нам о светлых помыслах русского философа, который всегда хотел, чтобы русский народ жил в мире и согласии», - рассказал Проханов. В «мире и согласии» с коммуняками и сергиянами Философ жить совершенно не хотел, и всю жизнь свою положил на изкоренение оных... Ну и последнее: памятник с художественной точки зрения совершенно бездарен, но это ещё пол-беды: ежели приглядеться – проф. Ильин выглядит точь-в-точь как ВИЛ. Видимо, скульптор(а) до того как отвяять Ильина, поднаторели в ваянии идолов Ильича (подумашь! – одна-то всего «буквица» разницы!). Возможно ль большее надругательство над мыслью, жизнью, борьбою и памятью великого Философа? – судите сами...

Страсти по Ильину

Научный редактор - полковник, к.ф.н. В.Л. Петров

*На обложке помещён парный портрет
Ф.М.Достоевского и И.А.Ильина - писателей и философов,
«симфонически» провозглашавших Русскую Идею
и обличавших «Бесов» Русской Революции*

Формат 60 x 90 1/16 (148x210)
Объём 9,5 печ. л. Печать офсетная
Тираж 100 экз. Заказ №788